

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**Председатель редакционного совета:**

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции
Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
центра научных исследований ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского государственного
института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сяюань, кандидат филологических наук,
доцент, начальник секретариата Центра
обмена и сотрудничества при Комиссии по
юридическим услугам для ШОС (Шанхайского
политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель директора, курирующий
научно-методическую и образовательную
деятельность Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве
юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста
России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических
наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ,
генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной
работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-
правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
административного, финансового и информационного права ВГУЮ
(РПА Минюста России) **Э.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Козинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy Director in Charge of Scientific, Methodological and Educational Activities of the Russian Federal Center for Forensic Science Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and Information Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2026

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Александрова Ю. А.

Единство правового пространства и культура правосознания
в современной России: к вопросу о соотношении понятий 10

Оганесян А. К.

Теократия и теократическое государство:
характеристика, деформации и особенности развития 22

Панченко В. Ю., Пузанкова Е. Н., Лыков А. Ю.

Прием «доведение до абсурда» и политико-правовой идеал
толкования в юриспруденции 32

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Алексеева Д. Г.

Исполнение судебных приказов о взыскании задолженности
со счетов клиентов высокого уровня риска 45

Алихаджиева А. С.

Стандарты природоохраны как инструмент достижения
экологического благополучия 63

Казачкова З. М., Казаков В. А.

Подходящее налогообложение в России и в странах БРИКС:
опыт сравнительно-правового анализа 75

Ким Е. В.

Независимая антикоррупционная экспертиза проектов
региональных и муниципальных нормативных правовых актов:
новые тенденции, координирующая роль территориальных
управлений Минюста России 84

Мохов А. А.

Влияние ускоренного развития биоэкономики на укрепление национальной безопасности.....92

Рукавишникова И. В.

Конституционный принцип единства органов публичной власти: особенности реализации в финансовом праве 106

Черкасов К. В., Цыганов Д. Д.

Правовое регулирование государственных информационных систем: некоторые проблемные аспекты..... 117

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Карнушин В. Е.

Приоритет публично-правового режима земли и земельных участков над режимом земельного участка как объекта гражданских прав 133

Левина Ю. В., Яковлев А. В.

Актуальные проблемы применения квалифицированной электронной подписи в судебном делопроизводстве 148

Черешнева И. А.

Предпринимательско-правовой взгляд на проблему социально-экономического развития Курильских островов 155

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Александрова О. И.

Расследование преступлений, связанных с применением киевским режимом химического оружия против гражданского населения и российских военнослужащих в зоне СВО..... 167

Власов О. О.

Система менеджмента в судебно-экспертном исследовании цифровых видеозаписей 175

Репьева А. М., Маммеева С. П.

Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: современные вызовы и роль отдельных субъектов профилактики 189

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Войтов И. В.

Эволюция образовательного права в условиях цифровой трансформации высшего образования 199

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Анисимов И. О., Кирюшин А. А.

К вопросу о международно-правовом статусе искусственных островов 210

Белоусова М. А.

Церковь, развод и раздельное жительство супругов в России конца XVII – начала XIX вв. 220

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Козлов М. (прот.)

Рецензия на книгу «Когерентность светского и канонического права: монография / Л. Л. Арзуманова, А. А. Ананьева, Н. В. Бандурина [и др.]; под ред. Ю. А. Свирина, иерея Василия Лосева. – М.: Прометей, 2026. – 488 с.» 234

Лапшин В. Ф.

Поиск оптимальной модели уголовно-правовой охраны отношений в сфере налогообложения 239

Науменко А. М., Соколова Ю. А.

Концепция «налогового процесса» в финансовом и административном праве (к 90-летию со дня рождения Валентины Евгеньевны Кузнеченковой) 248

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Yulia A. Aleksandrova

The Unity of the Legal Space and the Culture of Legal Awareness
in Modern Russia: On the Relationship of Concepts 11

Armen K. Oganessian

Theocracy and Theocratic State: Characteristics, Deformations and Features23

Vladislav Yu. Panchenko, Elena N. Puzankova, Andrey Yu. Lykov

The Method of "*Reductio ad absurdum*" and the Political
and Legal Interpretation Ideal in Jurisprudence.....33

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Diana G. Alekseeva

Enforcement of Court Orders to Collect Debt
from High-Risk Client Accounts46

Anna S. Alikhadzhieva

Environmental Protection Standards as a Tool
for Achieving Environmental Well-Being.....64

Zemfira M. Kazachkova, Vladislav A. Kazakov

Income Taxes in Russia and in the BRICS Countries:
Comparative Analysis 76

Elena V. Kim

Independent Anti-Corruption Expertise of Draft Regional
and Municipal Regulations: New Trends, the Coordinating Role
of the Territorial Departments of the Ministry of Justice of Russia85

Alexander A. Mokhov

The Impact of Accelerated Development of the Bioeconomy
on Strengthening National Security.....93

Irina V. Rukavishnikova

The Constitutional Principle of the Unity of Public Authorities:
Features of Implementation in Financial Law 107

Konstantin V. Cherkasov, Denis D. Tsyganov

Legal Regulation of State Information Systems:
Some Problematic Aspects 118

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Vyacheslav E. Karnushin

The Priority of the Public-Law Regime of Land and Land Plots
over the Regime of a Land Plot as an Object of Civil Rights 134

Yulia V. Levina, Alexander V. Yakovlev

Current Issues of Application of Qualified Electronic Signature
in Court Proceedings 149

Irina A. Chereshneva

The Problem of Socio-Economic Development of the Kuril Islands:
The Entrepreneurial and Legal Perspective 156

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Olga I. Aleksandrova

Investigation of Crimes Related to the Use of Chemical Weapons
by the Kiev Regime Against the Civilian Population and Russian
Military Personnel in the Area of the Special Military Operation 168

Oleg O. Vlasov

Management System in the Forensic Examination
of Digital Video Recordings 176

Anna M. Repieva, Svetlana P. Mammeeva

Involvement of Minors in Illegal Drug Trafficking: Contemporary Challenges
and the Role of Individual Stakeholders in Prevention 190

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Igor V. Voytov

Evolution of Educational Law in the Context of Digital Transformation
of Higher Education 200

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Igor O. Anisimov, Andrey A. Kiryushin

On the International Legal Status of Artificial Islands..... 211

Marina A. Belousova

The Church, Divorce, and Separate Spousal Residence in Russia
from the Late 17th to the Early 19th Century..... 221

REVIEWS, PERSONALITIES

Maxim E. Kozlov

Review of the Book "Coherence of Secular and Canonical Law:
A Monograph / L. L. Arzumanova, A. A. Ananyeva, N. V. Bandurina [et al.];
edited by Yu. A. Svirin, Priest Vasily Losev. Moscow: Prometheus,
2026. 488 p." 235

Valery F. Lapshin

Searching for an Optimal Model of Criminal-Legal Protection
of Tax Relations..... 240

Anna M. Naumenko, Yulia A. Sokolova

The Concept of the "Tax Process" in Financial and Administrative Law
(Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Valentina Evgenievna
Kuznetsenkova)..... 249

Научная статья

УДК 342.591

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-10-21>

ЕДИНСТВО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА И КУЛЬТУРА ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Юлия Александровна Александрова

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 410012, Россия,
г. Саратов, ул. Московская, д. 158

yulexa@bk.ru

Аннотация

Ключевым условием развития правового государства является наличие в обществе высокой культуры правосознания и правового поведения, характеризующегося уважительным отношением к праву, легитимной и легальной государственной политикой. Одной из отличительных особенностей российского правового пространства на протяжении нескольких последних лет является практическая реализация различного рода механизмов, на первый взгляд не взаимосвязанных между собой: механизм отрешения от должности в связи с утратой доверия, проведение правовой экспертизы нормативных актов, мониторинг правоприменения и др. Однако каждый из данных механизмов является структурным элементом единого процесса, направленного на обеспечение единства правового пространства. В свою очередь, от состояния действующей системы правового регулирования в значительной степени зависит характер правосознания членов конкретного общества. В связи с этим целью настоящей работы является выявление взаимосвязи состояния единства правового пространства и культуры правосознания, характера их взаимовлияния. Методология проведения исследования включает в себя сравнительно-правовой метод, метод анализа, синтеза и статистический метод, применение которых позволило достичь цели настоящего исследования. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что необходимым условием для формирования высокого уровня правосознания является наличие единства пра-

вового пространства, характеризующегося в первую очередь непротиворечивой законодательной базой.

Ключевые слова: единство правового пространства; правосознание; правовое поведение; правовая культура.

Для цитирования: Александрова Ю. А. Единство правового пространства и культура правосознания в современной России: к вопросу о соотношении понятий // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-10-21>

Research Article

THE UNITY OF THE LEGAL SPACE AND THE CULTURE OF LEGAL AWARENESS IN MODERN RUSSIA: ON THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Yulia A. Aleksandrova

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 158 Moskovskaia St., Saratov, 410012, Russia
yulexa@bk.ru

Abstract

A key condition for the development of the rule of law is a high culture of legal awareness and conduct characterized by respectful treatment of right, legitimate and legal state policy. One of the distinctive features of the Russian legal space over the past few years has been the practical implementation of a variety of apparently unrelated mechanisms: dismissal mechanism due to loss of trust, legal examination of regulatory acts, enforcement monitoring and others. However, each of these mechanisms is a structural element of a single process aimed at ensuring the unity of the legal space. In turn, the state of existing legal regulation is largely dependent on the nature of a particular society's legal consciousness. Consequently, the aim of this work is to identify the interrelationship between the state of unity of legal space and a culture of law-consciousness, their nature. The methodology for conducting the study includes a comparative-legal, analytical, synthesis and statistical method that has been used to achieve the purpose of this study. According to the study, the author concludes that a necessary condition for forming a high level of legal awareness is the presence of unity in the legal space characterized primarily by an irreconcilable legislative base.

Keywords: unity of the legal space; legal consciousness; legal behavior; legal culture.

For citation: Aleksandrova Yu. A. The Unity of the Legal Space and the Culture of Legal Awareness in Modern Russia: On the Relationship of Concepts. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-10-21>

Введение

Формирование высокой культуры правосознания граждан является необходимым условием и предпосылкой развития культуры правового поведения как основы правового государства, ключевым признаком которого является нормативное обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина. В то же время формирование той или иной культуры правосознания, в первую очередь молодого поколения, является следствием функционирования в конкретном обществе правовых ценностей, правовых обычаев и традиций, норм права и правовой деятельности, составляющих материальную основу правосознания. В связи с этим, говоря о конкретном уровне правосознания в частности и отличительных особенностях правовой культуры общества в целом, на наш взгляд, необходимо учитывать всю совокупность взаимосвязанных политико-правовых процессов, индивидуальных и общественных отношений, среди которых немаловажная роль отведена вопросам правового регулирования различных сфер жизнедеятельности современного общества. Именно от характера правотворческой и правоприменительной деятельности, уровня единства правового пространства государства во многом зависит характер правосознания как отдельной личности, так и социальных групп в целом. В то же время культура правосознания, на основе которой формируются нормы правового поведения, служит предпосылкой формирования единства правового пространства.

Основная часть

Для Российской Федерации, с учетом географических, исторических, национальных особенностей, вопросы обеспечения единства правового пространства имеют приоритетное значение с точки зрения организации публично-правового пространства. Именно вопросы функционирования системы нормативно-правового регулирования, правоприменения и правореализации оказывают значительное влияние на формирование не только политического мышления, но и системы социальных отношений, культуры политического поведения. В связи с этим вопросы выработки и реализации единых подходов, принципов и приоритетов в нормотворческой и правоприменительной политике потенциально могут стать основой для предупреждения формирования и развития таких проявлений политического поведения, как правовой нигилизм и правовой конформизм. Как отмечается в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, своевременное выявление пробелов и дефектов в нормах права, сис-

тематизация и кодификация законодательства, мониторинг правоприменения являются одними из факторов формирования позитивного типа правосознания [1, ч. 12]. В свою очередь, именно позитивный тип правосознания является залогом развития правового государства.

При этом отметим, что для формирования данного типа правосознания недостаточно осуществления деятельности исключительно, например, по проведению правовой экспертизы или мониторинга правоприменения. В целях становления культуры правосознания необходима комплексная, системная и последовательная деятельность органов государственной власти и гражданского общества по реализации всех механизмов и институтов, обеспечивающих достижение единства правового пространства. В данном контексте значимую роль играют как механизм устранения пробелов правового регулирования, так и планирование законопроектной деятельности, обеспечение неотвратимости юридической ответственности, единство судебного правоприменения и другие структурные элементы единства правового пространства. Безусловно, функционирование каждого из указанных элементов в правовом пространстве имеет свою специфику и практику реализации, которые в совокупности составляют единый механизм.

На наш взгляд, немаловажное и первостепенное значение в данном процессе отводится процессу планирования и осуществления нормотворчества, от особенностей реализации которого в последующем зависит и проведение мониторинга правоприменения, и планирование законопроектной деятельности, и действие других механизмов и институтов обеспечения единства правового пространства, а также развитие культуры правосознания. Так, например, проводимая на протяжении последних нескольких лет работа по совершенствованию российского избирательного законодательства, а также внедрение механизмов реализации избирательного процесса (например, изменение порядка проведения досрочного голосования, введение единых оснований для признания подписей в подписных листах недостоверными либо недействительными, внедрение сервиса «Мобильный избиратель» и др.) явилась основой для повышения уровня общественного доверия к институту выборов и результатам избирательных кампаний. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в 2025 г., уровень доверия респондентов к результатам выборов, прошедших в Единый день голосования в 2025 г., составил 58% [2]. Наряду с повышением уровня общественного доверия к институту выборов произошло увеличение электоральной активности граждан на 8% до 47% [3]. Таким образом, регулирование вопросов нормативно-правового регламентирования избирательного законодательства в качестве одного из следствий получило изменение уровня правосознания и культуры правового поведения.

В целом нормотворческая деятельность и планирование законопроектной деятельности как элементы обеспечения единства правового пространства направлены на регламентацию социально-экономической, политической сфер жизнедеятельности российского общества, совершенствование действующих политико-правовых отношений. В соответствии с утверждаемыми планами законопроектной деятельности организуется работа Президента РФ, Правительства РФ, Совета Федерации ФС РФ, Государственной Думы ФС РФ, Генеральной прокуратуры

ры РФ, законодательных (представительных), исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Так, например, в соответствии с Планом законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2025 год, утв. распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 3946-р, в 2025 г. Правительством РФ планировалось разработать и внести в Государственную Думу ФС РФ 41 законопроект. Вместе с тем фактически данным субъектом законодательной инициативы в 2025 г. в Государственную Думу ФС РФ был внесен 1541 законопроект (всего было внесено 7230 законопроектов: 102 законопроекта – Президентом РФ как субъектом законодательной инициативы, 1284 – сенаторами Российской Федерации, 3540 – депутатами Российской Федерации, 1541 – Правительством РФ, 722 – законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации, 41 – Верховным Судом РФ) [4], что свидетельствует о такой отличительной особенности российского нормотворческого процесса, как плановость и внеплановость.

Если проанализировать действующее российское законодательство, то можно выявить факты неоднократного внесения изменений в действующие нормативные акты с периодичностью менее месяца, что служит проявлением внеплановости нормотворческой деятельности. Например, в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» были внесены изменения:

– Федеральным законом от 26 декабря 2024 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральным законом от 26 декабря 2024 г. № 484-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и статьи 5 и 8 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»»;

– Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» и Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»;

– Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 625-ФЗ «О внесении изменений в статью 98 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 624-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и т.д.

Безусловно, принятие каждого нормативного акта имеет под собой определенное обоснование. Вместе с тем косвенным следствием интенсивного нормотворческого процесса является увеличение количества дефектов, выявляемых по результатам проведения правовой и антикоррупционной экспертизы проектов

нормативно-правовых актов: за девять месяцев 2025 г. территориальными органами Министерства юстиции РФ было подготовлено 2762 заключения на проекты нормативно-правовых актов, содержащие замечания и предложения, по итогам 2024 г. – 3872 заключения, по итогам 2023 г. – 3683 заключения [5]. При этом выявляемые дефекты могут быть как признаком несоответствия проекта нормативно-правового акта нормам действующего законодательства, что содержательно влияет на вопросы законодательного регулирования различных сфер жизнедеятельности общества (например, в случае отсутствия в подзаконных актах, регламентирующих порядок предоставления государственных услуг, положений о сроках предоставления услуг или каких-либо обязательных элементов порядка их предоставления), как следствие, затрагивать права и свободы человека и гражданина, так и заключаться в выявляемых нарушениях требований юридической техники, установленных Методическими указаниями по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, утв. приказом Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222, что является отражением культуры правотворчества.

К примеру, в соответствии с п. 3 данных Методических указаний одним из реквизитов подписанного (утвержденного) акта является его название, в котором должно раскрываться содержание нормативного акта и его суть, отражающая в краткой форме тему правового регулирования. В связи с этим название нормативного акта «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты» не отражает предмет его правового регулирования [6].

Если в процессе разработки федеральными органами исполнительной власти данные требования в целом соблюдаются за некоторым исключением, то применительно к региональному законодательству наблюдается вариативность их соблюдения. Так, согласно данным, содержащимся в федеральном регистре нормативно-правовых актов Министерства юстиции РФ, после вступления в силу данного приказа были приняты:

- постановление Правительства РФ 28 ноября 2024 г. № 1649 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»;
- постановление Правительства Курской области от 24 октября 2025 г. № 778-пп «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Курской области»;
- постановление Правительства Тюменской области от 15 октября 2025 г. № 656-п «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты»;
- постановление Правительства Рязанской области от 9 октября 2025 г. № 311 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Правительства Рязанской области»;
- постановление Губернатора Краснодарского края от 24 сентября 2025 г. № 601 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Краснодарского края» и др.

Еще одним примером нарушения правил юридической техники является принятие нормативно-правового акта о внесении изменений в нормативно-правовой акт, вносящий изменения. Согласно п. 43 Методических указаний по юридико-

техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти внесение изменений в нормативный акт осуществляется посредством изменений основного акта, в то время как «внесение изменений в основной акт путем внесения изменений в изменяющий его акт» не допускается [6]. Однако российский нормотворческий процесс свидетельствует о широком распространении практики внесения изменений в изменяющий акт:

– Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в статью 48 Федерального закона «О полиции» и Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» вносятся изменения в Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 648-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– Федеральным конституционным законом от 27 декабря 2019 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» вносятся изменения в Федеральный конституционный закон от 29 июня 2009 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации»»;

– Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вносятся изменения в Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и т.д.

Безусловно, несоответствие названия нормативно-правового акта требованиям юридической техники или практика внесения изменений в изменяющий акт не является маркером деформации качественного состояния действующей законодательной базы, но служит показателем культуры правотворческой деятельности. Вместе с тем именно непротиворечивость действующей законодательной базы, ее соответствие требованиям юридической техники в части содержательной согласованности, лаконичности, недопустимости неоднозначного толкования выступают одними из признаков эффективно проводимой государственной политики по обеспечению единства правового пространства, ориентированной на повышение уровня правосознания, правовой культуры и культуры правотворчества.

На достижение единства правового пространства, как и на защиту прав и свобод человека и гражданина, ориентировано также действие механизма института федерального вмешательства через отрешение от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, отличительной особенностью которого является более явное воздействие на уровень общественного доверия граждан к органам власти и изменение характера правосознания. В настоящее время в действующем законодательстве установлено несколько оснований, в соответствии с которыми Президент РФ вправе принять решение об отрешении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности:

– «в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации»;

– в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации;

– в случае неисполнения им решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятого в отношении нормативного правового акта высшего должност-

тного лица субъекта Российской Федерации, если указанное решение не исполнено в течение двух месяцев со дня его вступления в силу или в иной указанный в решении срок;

– в случае, если в течение месяца со дня вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения, объявления выговора высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации не приняты в пределах его полномочий меры по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения, объявления выговора» [7, ч. 4 ст. 29].

Таким образом, с содержательной точки зрения данный механизм направлен на обеспечение принципа законности, как следствие, обеспечение общественных интересов, поскольку ключевой задачей органов публичной власти, в структуру которых входит высшее должностное лицо субъекта, является именно «наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [7, ч. 1 ст. 1].

В современной российской практике механизм отрешения высшего должностного лица субъекта от должности применялся неоднократно. С 2005 г. в связи с утратой доверия были отрешены от должности 12 губернаторов:

– в соответствии с указом Президента РФ от 20 июля 2020 г. № 473 «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Хабаровского края» – губернатор Хабаровского края С. И. Фургал;

– в соответствии с указом Президента РФ от 28 июля 2016 г. № 377 «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Кировской области» – губернатор Кировской области Н. Ю. Белых;

– в соответствии с указом Президента РФ от 28 сентября 2010 г. № 1183 «О досрочном прекращении полномочий мэра Москвы» – мэр Москвы Ю. М. Лужков и др.

В то же время, наряду с планируемой целью по обеспечению единства правоприменения, реализация института федерального вмешательства имела одним из своих следствий деформацию общественного правосознания, поскольку в отношении девяти из 12 губернаторов, отрешенных от должности, были возбуждены уголовные дела, в том числе по обвинению в совершении коррупционных правонарушений. Всего, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в настоящее время в реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений, содержатся сведения в отношении 5740 должностных лиц, в том числе 843 депутатов муниципального и регионального уровней, 11 министров региональных правительств, 14 заместителей министров региональных правительств, одного заместителя министра Правительства РФ, одного заместителя губернатора [8].

Не менее значимым с социальной точки зрения, наряду с институтом федерального вмешательства, является механизм осуществления профессиональной, эффективной и законной надзорной деятельности правоохранительных органов. В контексте обеспечения единства правового пространства данная деятельность проявляется в осуществлении надзора за соответствием принимаемых нормативно-правовых актов требованиям федерального законодательства, а также в проведении антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов. В соответствии с дейс-

твующим законодательством, в частности Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», приказом Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления», органами государственной власти, органами местного самоуправления осуществляется направление в органы прокуратуры проектов нормативных правовых актов, а также принятых нормативно-правовых актов в целях реализации правотворческой деятельности и подготовки заключений на нормативные акты и их проекты. Согласно данным, размещенным на сайте Генеральной прокуратуры РФ, ежегодно органами прокуратуры выявляется порядка 50 тыс. нормативно-правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы, что составляет примерно 5% от общего количества нормативно-правовых актов, в отношении которых была проведена антикоррупционная экспертиза (Таблица 1) [9]. Также органами юстиции по результатам проведения правовой экспертизы ежегодно выявляется около 4% нормативно-правовых актов и их проектов, содержащих несоответствия федеральному законодательству.

Таблица 1. Результаты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами прокуратуры Российской Федерации

	2017 г.	1 полугодие 2018 г.	1 полугодие 2019 г.
Количество нормативно-правовых актов, в отношении которых была проведена антикоррупционная экспертиза органами прокуратуры	970 тыс.	899 тыс.	968 тыс.
Количество нормативно-правовых актов, в которых были выявлены коррупциогенные факторы / количество выявленных коррупциогенных факторов	46 тыс. / 56 тыс.	46,8 тыс. / 58,3 тыс.	48,2 тыс. / 61,4 тыс.
Количество вынесенных протестов	41 тыс.	29,5 тыс.	29,2 тыс.
Количество направленных исков в суды	150	154	57
Количество внесенных требований	3,8 тыс.	2,3 тыс.	2,5 тыс.
Количество внесенных представлений	1 тыс.	711	625

Можно предположить, что наличие указанных тенденций в российском правовом пространстве в определенной степени способствует формированию оценочного отношения к правовой системе, оказывающего влияние на уровень правосознания: если в 2018 г. 53% респондентов высказались в пользу тезиса о том, что российские законы в целом хорошие, то в 2021 г. 36% респондентов отмети-

ли слабое регулирующее воздействие нормативных актов на обеспечение законности и правопорядка [10].

Заключение

В современном общественно-политическом контексте основным признаком функционирования системы властных взаимоотношений является взаимосвязь и взаимозависимость разнонаправленных процессов и явлений. Однако ключевая роль регулятора данных отношений принадлежит действующей системе законодательства, которая является базисом для формирования правового сознания, правового поведения и правовой культуры в целом. В свою очередь, правовая культура оказывает определяющее воздействие на правовую деятельность, включающую в себя правотворческую и правоприменительную практику, через ценностное отношение субъектов правоотношений к обязательности соблюдения норм действующего законодательства и принятие нормативно-правовых актов в целях обеспечения прав и интересов общественности. В связи с этим изменение вектора развития одного из структурных элементов неизбежно приводит в той или иной степени к трансформации системы властных взаимоотношений в целом. Таким образом, одним из необходимых условий формирования высокого уровня правосознания является единое правовое пространство, характеризующееся в первую очередь непротиворечивой законодательной базой, а также комплексным и системным подходом к регулированию различных сфер жизнедеятельности общества в соответствии с нормами действующего законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля. № 151.
2. Выборы – 2025: легитимность, доступность, участие // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2025-legitimnost-dostupnost-ushastir> (дата обращения: 30.10.2025).
3. Единый день голосования-2025: как изменится власть и общественная повестка? // Газета.Ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/09/16/21708806.shtml?ysclid=mhd9v2k6y9951169264> (дата обращения: 30.10.2025).
4. Информация о законопроектах и законах по субъектам права законодательной инициативы // Государственная Дума : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (дата обращения: 30.10.2025).
5. Министерство юстиции Российской Федерации. Статистика // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/statistic/> (дата обращения: 27.10.2025).
6. Приказ Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222 «Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

7. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

8. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений // Госслужба : сайт. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (дата обращения: 27.10.2025).

9. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов в порядке надзора // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activiti/combating-corruption/expertise/npand/> (дата обращения: 27.10.2025).

10. Отношение граждан к российским закона улучшилось // Государственная Дума : сайт. URL: <https://duma.gov.ru/news/28198> (дата обращения: 27.10.2025).

References

1. Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Developing Legal Literacy and Legal Awareness of Citizens (approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011, No. Pr-1168). *Rossiiskaia Gazeta*, July 14, 2011, no. 151. (In Russ.)

2. Elections 2025: Legitimacy, Accessibility, Participation. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-2025-legitimnost-dostupnost-ushastir> (date of the application: 30.10.2025). (In Russ.)

3. Single Voting Day 2025: How Will Power and the Public Agenda Change? <https://www.gazeta.ru/social/2025/09/16/21708806.shtml?ysclid=mhd9v2k6y9951169264> (date of the application: 30.10.2025). (In Russ.)

4. Information on Bills and Laws on Subjects with the Right of Legislative Initiative. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (date of the application: 30.10.2025). (In Russ.)

5. Ministry of Justice of the Russian Federation. Statistics. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/statistic/> (date of the application: 27.10.2025). (In Russ.)

6. Order of the Ministry of Justice of Russia of August 31, 2023 No. 222 “On Approval of the Methodological Guidelines for the Legal and Technical Registration of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies”. Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>. (In Russ.)

7. Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ (as amended on July 31, 2025) “On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 52 (part I), art. 8973. (In Russ.)

8. Register of Persons Dismissed Due to Loss of Confidence for Committing Corruption Offenses. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (date of the application: October 27, 2025). (In Russ.)

9. Anti-Corruption Review of Regulatory Legal Acts in the Supervisory Procedure. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activiti/combating-corruption/expertise/npand/> (date of the application: 27.10.2025). (In Russ.)

10. Citizens' Attitudes Towards Russian Laws Have Improved. URL: <https://duma.gov.ru/news/28198> (date of the application: 27.10.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. А. Александрова – кандидат политических наук.

Information about the author:

Yu. A. Aleksandrova – Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.11.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 07.11.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-22-31>

ТЕОКРАТИЯ И ТЕОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ХАРАКТЕРИСТИКА, ДЕФОРМАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Армэн Кароевич Оганесян^{1,2}

¹ Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 354376, Россия, г. Сочи, ул. Куйбышева, д. 32

² Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 354000, Россия, г. Сочи, Дагомысская ул., д. 42

^{1,2} armenoid1986@rambler.ru

Аннотация

Актуальность заключается в исследовании специфических особенностей теократической государственно-правовой организации общества и ее развития. В работе выделяются и обсуждаются качественные характеристики теократической государственности, рассматривается соотношение понятий «теократия» и «теократическая государственность». Отдельно анализируются специфические черты и особенности теонормативной публично-властной и правовой организации общества, а также деформации, которые могут возникать при трансформационном развитии теократического государства. Используются общенаучные и специально-юридические методы исследования.

Ключевые слова: государство; государственность; легитимность; право; теократия; ценностно-нормативная система.

Для цитирования: *Оганесян А. К.* Теократия и теократическое государство: характеристика, деформации и особенности развития // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 22–31. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-22-31>

Research Article

THEOCRACY AND THEOCRATIC STATE: CHARACTERISTICS, DEFORMATIONS AND FEATURES

Armen K. Oganessian^{1,2}

¹ Sochi Institute (Branch) of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 32 Kuibysheva St., Sochi, 354376, Russia

² Sochi Branch of All-Russian State University of Justice, 42 Dagomysskaia St., Sochi, 354000, Russia

armenoid1986@rambler.ru

Abstract

The relevance lies in the study of the specific features of the theocratic state-legal organization of society and its development. The work identifies and discusses the qualitative characteristics of theocratic statehood, examines the relationship between the concepts of "theocracy" and "theocratic statehood". Specific features and characteristics of the theonormative public-authority and legal organization of society are analyzed separately, as well as deformations that may arise during the transformational development of a theocratic state. General scientific and special legal research methods were used.

Keywords: state; statehood; legitimacy; law; theocracy; value-normative system.

For citation: Oganessian A. K. Theocracy and Theocratic State: Characteristics, Deformations and Features. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 22–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-22-31>

Введение

В различных правовых системах государств «теократический архетип», или культурно-исторический теократический код, в своих многообразных проявлениях продолжает играть значительную роль в формировании восприятия, обоснования и легитимации властно-правовых взаимодействий в триаде «личность – общество – государство» [1]. Это объясняет, почему современные ученые активно обращаются к изучению и реконструкции теоретических и практических аспектов эволюции национальных государственно-правовых систем [2]. Примечательно, что многие элементы теократических моделей, такие как принципы организации власти, механизмы взаимодействия публичных институтов, методы легитимации политического порядка, были интегрированы в структуру современных светских государств и стали основой для рациональных политико-правовых концепций и до-

ктрин. Данный исторический синтез демонстрирует преемственность в развитии правовых идей, несмотря на секулярный характер современных обществ [3].

1. Сущностные характеристики теократической модели

Исследование сущности и содержания теократии приобретает особую значимость не только в историческом контексте – для восстановления истоков формирования политико-правовых явлений, зарождения принципов правового мышления, особенностей правовой культуры, а также становления правовых институтов, юридических техник и государственных учреждений, – но и для осмысления актуальной государственно-правовой действительности. Анализ теократических основ важен для понимания современных политических, юридических, духовных и социальных процессов, развивающихся в обществе и государственных структурах. Таким образом, изучение теократии позволяет не только реконструировать прошлое, но и выявить преемственность и трансформацию ее элементов в условиях секулярного мира, что способствует более глубокому анализу эволюции правовых систем и механизмов власти.

Теократические властно-правовые отношения отличаются тем, что они юридически и политически закрепляются в устойчивые иерархические структуры власти, а также институционально-нормативные рамки, формируя уникальную форму государственно-правового устройства. В трудах как дореволюционных, так и современных правоведов представлены фундаментальные работы, анализирующие природу теократической государственности и выделяющие ее отличительные политико-правовые черты [4; 5; 6; 7; 8].

Обобщая различные теоретические подходы к трактовке теократии, разработанные в ходе историко-правового анализа конкретных теократических государств, можно систематизировать семь базовых признаков теократической государственности. Эти характеристики выступают в качестве архетипических или имманентных черт, присущих данной форме государственно-правового устройства.

Первой ключевой характеристикой теократии как государственной концепции и правовой модели является либо абсолютное доминирование жреческого сословия, либо значительное влияние духовенства на осуществление государственной власти и определение основополагающих принципов развития правовой системы. В теократическом устройстве религиозная природа права и государства выступает неоспоримым фундаментом всей общественной жизни, а ее институциональное воплощение – духовенство становится активным участником как реализации властно-управленческих функций, так и формирования публично-правовых институтов. Таким образом, теократия интегрирует сакральные нормы в правовую и политическую практику, обеспечивая их взаимозависимость в структуре государственного управления.

Следует подчеркнуть, что «теократическая идея получает реальный смысл, если рассматривается на почве веры в действительно существующего Бога. В этом случае она выражает непосредственное управление Бога человеческим обществом (всеми его сферами и сторонами жизнедеятельности – политической, государственной, общественной, частной, духовной и т.п.), именно Бога, а не какого-либо сословия жрецов, духовенства или священства» [4, с. 49].

Второй ключевой чертой теократии является восприятие государства, власти и права как инструментальных ценностей, предназначенных для реализации и охраны религиозно-нравственных устоев общества, интерпретируемых в качестве высших нормативно-ценностных ориентиров. Данная форма государственно-правового устройства базируется на идеациональных принципах, определяющих ее структуру и функционирование. Понятие «идеациональность», введенное П. А. Сорокиным, описывает уникальный тип политико-правовой организации, где ценностно-нормативная иерархия направлена от земной реальности к сверхчувственному началу, а ее абсолютным центром выступает Бог. В такой системе все институты подчинены сакральной вертикали, отражающей приоритет божественных установлений над мирскими законами [9, с. 104].

Следовательно, в теократической системе основным источником права выступают сакральные тексты, а в структуре властной иерархии центральное положение занимает концепция Божественного верховенства. Государство как идеологическая основа организации общества и как социально-властный институт становится вторичным элементом, воспринимаемым в качестве подчиненного инструмента, обусловленного высшими религиозными ценностями. Как отмечал Л. А. Тихомиров, «при таком условии (теократическом государственно-правовом устройстве) у народа, строго говоря, нет государства. Но идея Богоправления может войти в государственность, если является в форме какой-либо делегации Божественной Верховной власти» [4, с. 126]. Классическим примером такой модели, по мнению Л. А. Тихомирова, является израильская государственность: «Вечным образчиком теократии в обеих этих формах является израильский народ, как в его родовой период жизни, так и в государственный» [4, с. 128]. При этом важно подчеркнуть, что форма «божественного делегирования» власти могла варьироваться: верховная власть передавалась как монархам (царям), так и жреческим институтам. Как указывал Л. А. Тихомиров, «власть Господа проявлялась и в быту Израиля, и в священстве, и в пророчестве, и в государственности, повсюду имея свое конкретное человеческое выражение» [4, с. 129].

В-третьих, ключевой особенностью «правильного функционирования» [10] теократической государственности является наличие определенных условий, необходимых для ее устойчивого существования, поскольку теократия не возникает произвольно или исключительно в силу внешней необходимости. Для ее становления и развития требуются соответствующие социальные, духовные, политические, правовые и иные предпосылки. В данном контексте теократическая государственность представляет собой качественно особое состояние всех общественных систем – правовой, духовно-культурной, политической, экономической, информационной и др. Как отмечается, в библейских текстах, особенно в Ветхом Завете, «прослеживается последовательное воздействие Божественной воли на организацию всех аспектов жизни человека и общества в соответствии с Божественным законом. Государственность возникает на завершающем этапе этого процесса, и только тогда, когда для нее сформирована необходимая социальная основа» [4, с. 40].

В-четвертых, основой теократического государства и теократического правосознания выступает идея «трансцендентальной реальности». Иными словами, вся

институционально-нормативная система и властная организация теократии направлены на реализацию сверхчувственного идеала. В противоположность светским моделям государственно-правового устройства, в теократии все политико-правовые институты, структуры и практики публичного управления выходят (или по крайней мере стремятся выйти) за рамки обыденного восприятия и рационального осмысления. В таком государстве любые преобразования в правовой и социально-экономической сферах основываются (или не должны противоречить) на сакральной традиции и божественных законах. Именно эти законы воплощают в социальной действительности и сохраняют надчеловеческое знание и принципы мироустройства. Такое знание и принципы, как отмечается, «способны создать основу для подлинного и непререкаемого авторитета, сформировать действенные иерархии и придать всем формам человеческой деятельности вышний смысл» [11, с. 17].

В-пятых, как обоснованно подчеркивает Е. Н. Салыгин, теократическому государству не требуется ни абсолютная бесконтрольность власти, ни ее мнимая непогрешимость, ни даже совмещение высшими политическими руководителями религиозных функций. Религиозно-политические властные отношения могут сохраняться и без непосредственного руководства со стороны духовенства. Для существования теократии достаточно наличия системы религиозно-правовых норм, реализуемых в обществе через институты публичной власти [8, с. 7–10].

Таким образом, ключевая характеристика теократической государственности заключается в том, что вся политическая система и властно-правовые отношения в обществе базируются на едином вероучении, которое монопольно претендует на регулирование всех аспектов общественной жизни. При этом божественное начало выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно выступает как трансцендентный принцип мироустройства, стоящий над человеческими институтами, с другой – имманентно присутствует в качестве центрального организующего начала во всех без исключения сферах человеческого бытия.

Иными словами, божественное начало в теократической системе обладает двойственной природой: во-первых, оно выступает как трансцендентный символ космического порядка, находящийся вне социальной реальности; во-вторых, представляет собой имманентную организационную основу (властно-иерархический принцип социального устройства), предназначенную для реализации сакральной воли в земном бытии. Как точно подмечает В. В. Желтов, «Бог христиан не отделен от них, он близок к ним, будучи трансцендентным... Это порождает парадокс: Он находится в потустороннем мире и на этом свете; Он отдален в силу своей трансцендентности и близок по своему воплощению; Он находится над миром и в миру; Он должен прийти и уже присутствует. Это Бог, обращенный к миру. Бог не существует без мира, как мир не существует без Бога» [12, с. 123]. Сущность теократической модели государственно-правового устройства особенно четко сформулировал выдающийся российский правовед дореволюционного периода Н. Н. Алексеев, утверждавший: «Кто хочет понять истинное существо древнейших монархических учреждений, должен помнить, что они неотделимы от идеи царебожества, от отождествления царя с Богом» [13, с. 49].

В-шестых, теократическая модель власти предполагает ее служивый характер, что являлось отличительной чертой всего средневекового периода. Как отмечает историк и политолог Бертран де Жувенель, средневековая эпоха «являет нам Власть наименее свободную и наименее самоуправную – насколько только мы можем себе это представить. Ибо она связана одновременно человеческим законом, обычаем, и Божественным законом. И ни с той ни с другой стороны она не полагается только на свое чувство долга». Характерный для Средневековья дискурс власти был ориентирован на сохранение ее статуса как «верной исполнительницы небесного правления, предписаниям которого она обязана неукоснительно следовать во всех своих проявлениях».

В рамках средневековых теократических теорий происходит становление концепции суверенитета, которая впоследствии займет центральное место в рационалистических интерпретациях власти, государства и права. В религиозно-политической парадигме теонормативной организации публичной власти понятие «суверенитет» впервые получает свою теоретическую разработку. основополагающим принципом данной концепции выступает божественная природа государственной власти, а ее легитимность обосновывается через религиозно-традиционные основания. Сущность данной концепции заключается в том, что первоисточником власти суверена признается Божественная воля, при этом сакральные тексты и теологические трактаты выполняют функцию нормативного ориентира для монарха при формировании политико-правового порядка. Властные отношения в данной системе строятся по бинарной схеме «монарх-подданные», где, как отмечают исследователи, «он означает отдельную и трансцендентно верховную власть – находящуюся не на вершине, но над вершиной» [14, с. 41]. Таким образом, суверенность монаршей власти проистекает из ее верховенства и независимости от человеческих (позитивных) законов, что делает суверена творцом и высшим источником всей правовой и властной системы.

Тем не менее юридическая автономность суверена отнюдь не подразумевает его фактической свободы от морально-этических требований, принципов справедливости, предписаний священных текстов и религиозных установлений [15]. Отсутствие формально-правовой взаимозависимости между монархом и народом, т.е. системы взаимных юридических прав и обязательств, приводит к формированию двух самостоятельных политических субъектов – суверенного правителя и подданных, где регуляторами их взаимоотношений выступают духовно-нравственные ценности и традиционно-культурные нормы. Как отмечают исследователи, «нравственные нормы, как и моральные, не имеют обязательной юридической силы, и их несоблюдение не влечет юридической ответственности»; это стало основанием для отождествления многими правоведами концепта суверенитета с абсолютной властью [14, с. 53].

Отсюда, в рамках теократической парадигмы последующие интерпретации суверенитета обосновывают необходимость церковного контроля за социально-властной деятельностью монарха. Согласно этой концепции церковные институты выполняют функцию посредника, освящающего действия правителя и формирующего религиозно-политический порядок. Как отмечают исследователи, «единствен-

ным институтом, способным поддержать на Западе хоть какое-то подобие общественного порядка и сохранить культуру, оказалась Церковь, а епископ римский, будучи традиционно духовным главой имперской метрополии, постепенно прибрал к рукам целый ряд привилегий и полномочий, коими ранее были облечены римские императоры. Церковь не только взвалила на себя груз разнообразных правительственных функций, но и стала единственной покровительницей знаний и искусств: духовенство стало единственным образованным сословием, а папа – верховным и священным авторитетом, который своею властью мог санкционировать и помазание, и отлучение королей и императоров» [16, с. 65].

Данные концептуальные трансформации понятия «суверенитет», а также политическое противостояние между монархической властью и церковными институтами в конечном счете привели к секуляризации обоснования суверенных прав. Суверенитет начинает аргументироваться не исключительно через призму божественного права, но и в рамках действующего позитивного законодательства. Эта тенденция находит яркое выражение в заявлении Карла I: «Помните, я ваш король, ваш законный король. Мои полномочия унаследованы по закону, вручены мне самим богом. Я не передам их новой незаконной власти» [17].

2. Деформационные процессы теократической государственности

Анализ ключевых характеристик теократического государственно-правового мышления и эволюции теократических практик в Средние века требует обязательного рассмотрения основных деформационных процессов, затрагивающих как теократический идеал, так и саму теократическую государственность. К числу таких деформаций, по нашему мнению, относятся следующие:

– деформация сущностных основ теократической государственности. Данный тип искажений проявляется преимущественно в случаях формирования квазитеократических государственных образований. В подобных моделях наблюдается инструментальное использование теократической формы политического, духовно-нравственного и социального сознания, адаптированного к рационализированной доктрине светского нормативного идеала;

– второй тип деформаций выражается в фундаментальном противоречии между теократической идеей и процессом ее властно-правового воплощения. Как справедливо отмечал Е. Н. Трубецкой, «теократического идеала цельности и предельности жизни нельзя достичь не только в пределах государства, но и в пределах всего вообще греховного, несовершенного, а потому – становящегося мира» [18, с. 568];

– третий тип деформаций обусловлен рассогласованием между теократической концепцией, религиозно-политическими принципами и нормами государственно-правового устройства, с одной стороны, и исходным теологическим учением – с другой;

– четвертый вид деформаций проистекает из ценностного диссонанса между теократическим идеалом и практикой его реализации по отношению к базовым религиозным догматам и духу теологического учения. Это противоречие ставит под вопрос легитимность целей, форм, методов и средств социально-правового

регулирования и государственного управления. Как метко отмечал Н. А. Бердяев, «теократии были обречены на гибель. То, что они осуществляли, было противоположно царству Божьему, царству свободы и любви... Они сакрализовали земную силу, совершавшую земное насилия над человеком, они прикрепляли христианские символы к реальности, ни чего общего с христианством, не имеющим... мессианизм отменены не только Евангелием, но и пророками» [19, с. 262].

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что теократия представляет собой особую форму государственно-правового устройства, детерминирующую уникальные характеристики всех элементов государственной организации (включая форму правления, территориального устройства, административного управления, а также особенности политического и государственного режима) и специфические черты теонормативных и публично-правовых основ государственного строительства. При этом теократическую государственность необходимо понимать как более масштабное, качественное состояние социума, представляющее собой целостную систему взаимосвязанных элементов, включающую: структуры и институты публичной власти (в том числе церковные властно-правовые иерархии); комплекс дополнительных компонентов и доминант, обусловленных особенностями религиозных воззрений духовно-нравственных ориентиров правовых традиций и культуры социально-экономических условий информационно-идеологических факторов и других аспектов общественного бытия [20].

К числу ключевых характеристик теократической системы, как уже отмечалось, относятся: значимая роль духовенства в реализации всех форм публично-властных полномочий; доминирование теонормативных комплексов, монополюсно регулирующих фундаментальные сферы общественного бытия; ориентация правовой политики государства на воплощение трансцендентального идеала, проявляющаяся в социальном и публично-служебном функционировании власти; единство ценностно-нормативной, политической и правовой систем, основанных на едином вероучении, а также служебный характер деятельности публичных институтов и механизмов власти.

Пристатейный библиографический список

1. *Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y.* Institutionalization of the Human Rights Management, Economic and Social Community in the 21st Century: The Global and Eurasian Trends // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. No. 8.
2. *Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y.* Management of the Conservative Political Platform of the Transformation Public-Power Organization in Eurasia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. No. 6.
3. Конституционное право : учебник / под общ. ред. П. П. Баранова, А. Ю. Мамычева. М. : Юстиция, 2017.
4. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат, 1998.
5. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М. : Аграф, 2000.

6. Солоневич И. Народная монархия. М. : Эксмо ; Алгоритм, 2003.
7. Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб. : Церковь и культура, 2001.
8. Салыгин Е. Н. Теократическое государство (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
9. Бачинин В. А. Политология : энциклопедический словарь. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2005.
10. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 4. М. : Русская книга, 1994.
11. Evola J. Sous pretext de conguerir la terre, l'homme a rompu tout contact avec la realite metaphysique // Etudes traditionnelles. 1986. No. 494.
12. Желтов В. В. Теория власти. М. : Флинта, 2008.
13. Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии / Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 2000.
14. Маритен Ж. Человек и государство. М. : Идея-Пресс, 2000.
15. Хеффе О. Справедливость: Философское введение. М. : Праксис, 2007.
16. Тарнас Р. История западного мышления. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995.
17. Серебрякова М. Ю. Судебный процесс над Карлом I Стюартом // Правоведение. 1989. № 3.
18. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1. М. : Путь, 1909.
19. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М. : Республика, 1995.
20. Овчинников А. И., Федоренко С. П. Российская государственность: история и современность. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2017.

References

1. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y. Institutionalization of the Human Rights Management, Economic and Social Community in the 21st Century: The Global and Eurasian Trends. *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 8.
2. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y. Management of the Conservative Political Platform of the Transformation Public-Power Organization in Eurasia. *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 6.
3. Baranov P. P., Mamychev A. Iu. (eds.). *Constitutional Law: Textbook*. Moscow: Iustitsiia, 2017. (In Russ.)
4. Tikhomirov L. A. *Monarchical Statehood*. Moscow: Oblizdat, 1998. (In Russ.)
5. Alekseev N. N. *Russian People and State*. Moscow: Agraf, 2000. (In Russ.)
6. Solonevich I. *People's Monarchy*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2003. (In Russ.)
7. Sapronov P. A. *Power as a Metaphysical and Historical Reality*. St. Petersburg: Tserkov i kultura, 2001. (In Russ.)
8. Salygin E. N. *Theocratic State (Theoretical and Legal Aspect): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences*. Moscow, 1997. (In Russ.)
9. Bachinin V. A. *Political Science: Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: V. A. Mikhailov, 2005. (In Russ.)
10. Ilyin I. A. *Collected Works*. Vol. 4. Moscow: Russkaia kniga, 1994. (In Russ.)

11. *Evola J.* Sous pretext de conguerir la terre, l'homme a rompu tout contact avec la realite metaphysique. *Etudes traditionnelles*, 1986, no. 494.
12. *ZheltoV V. V.* Theory of Power. Moscow: Flinta, 2008. (In Russ.)
13. *Alekseev N. N.* Christianity and the Idea of Monarchy. In *Alekseev N. N.* Russian People and State. Moscow: Agraf, 2000. (In Russ.)
14. *Maritain J.* Man and the State. Moscow: Ideia-Press, 2000. (In Russ.)
15. *Höffe O.* Justice: A Philosophical Introduction. Moscow: Praxis, 2007. (In Russ.)
16. *Tarnas R.* History of Western Thinking. Moscow: Kron-Press, 1995. (In Russ.)
17. *Serebriakova M. Iu.* Trial of Charles I Stuart. *Jurisprudence*, 1989, no. 3. (In Russ.)
18. *Trubetskoi E. N.* Worldview of V. S. Soloviov. Vol. 1. Moscow: Put, 1909. (In Russ.)
19. *Berdiaev N. A.* The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. Moscow: Respublika, 1995. (In Russ.)
20. *Ovchinnikov A. I., Fedorenko S. P.* Russian Statehood: History and Modernity. Rostov-on-Don: RUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. К. Оганесян – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. K. Oganesyanyan – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 05.05.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-32-44>

ПРИЕМ «ДОВЕДЕНИЕ ДО АБСУРДА» И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ ТОЛКОВАНИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ*

Владислав Юрьевич Панченко^{1,2}

Елена Николаевна Пузанкова³

Андрей Юрьевич Лыков⁴

^{1,4} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

³ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а

^{1,2} panchenkovlad@mail.ru

³ puzankova@rgiis.ru

⁴ lykov.science@gmail.com

Аннотация

Выявлена роль политико-правового идеала в процессе толкования в юриспруденции. Обоснованы выводы о том, что обращение к идеальной модели общества, подразумеваемой суверенной властью, является необходимым средством при решении спорных вопросов интерпретации, особенно при технических пробелах и коллизиях в праве. Показаны особенности толкования как при прямом закреплении политико-правового идеала в законодательстве, так и в ситуациях, требующих доктринального толкования. В средства, обеспечивающие единство интерпретации права при отсутствии консенсуса, предложено включить использование приема

* Статья подготовлена в рамках государственного задания 1-ГЗ-2026 Российской государственной академии интеллектуальной собственности (авторство разделено: доля авторского участия Панченко В.Ю. – 1/4, Пузанкова Е.Н. – 1/4, Лыков А.Ю. – 1/2).

«доведение до абсурда», основанного на кантианском категорическом императиве. Этот прием предполагает проверку частного правового решения на возможность его универсализации без приведения к абсурдным последствиям для всей правовой системы. Установлены и ограничения применения данного приема.

Ключевые слова: толкование в юриспруденции; политико-правовой идеал; доведение до абсурда; метателеологическое толкование; юридическая герменевтика; теория государства и права.

Для цитирования: Панченко В. Ю., Пузанкова Е. Н., Лыков А. Ю. Прием «доведение до абсурда» и политико-правовой идеал толкования в юриспруденции // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 32–44. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-32-44>

Research Article

THE METHOD OF “*REDUCTIO AD ABSURDUM*” AND THE POLITICAL AND LEGAL INTERPRETATION IDEAL IN JURISPRUDENCE*

Vladislav Yu. Panchenko^{1,2}

Elena N. Puzankova³

Andrey Yu. Lykov⁴

^{1,4} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

² Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

³ Russian State Academy of Intellectual Property, 55a Miklukho-Maklaia St., Moscow, 117279, Russia

^{1,2} panchenkovlad@mail.ru

³ puzankova@rgiis.ru

⁴ lykov.science@gmail.com

* The article was prepared within the framework of the state assignment 1-GZ-2026 of the Russian State Academy of Intellectual Property (authorship is divided: the share of authorship Panchenko V.Yu. – 1/4, Puzankova E.N. – 1/4, Lykov A.Yu. – 1/2).

Abstract

The role of the political and legal ideal in the process of interpretation in jurisprudence is revealed. The article substantiates the conclusion that appealing to the ideal model of society implied by sovereign power is a necessary mean for resolving contentious issues of interpretation, particularly in the context of technical gaps and conflicts of law. The specifics of interpretation are demonstrated when a political and legal ideal is directly enshrined in legislation, as well as in situations requiring doctrinal interpretation. The «reduction to absurdity» technique, based on the Kantian categorical imperative and involving testing a particular legal decision for the possibility of its universalization without leading to absurd consequences for the entire legal system, is proposed as a mean of ensuring unity of legal interpretation in the absence of consensus. Limitations to the application of this technique are established.

Keywords: interpretation in jurisprudence; political-legal ideal; reduction to the absurd; metateleological interpretation; legal hermeneutics; theory of state and law.

For citation: *Panchenko V. Yu., Puzankova E. N., Lykov A. Yu. The Method of "Reductio ad absurdum" and the Political and Legal Interpretation Ideal in Jurisprudence. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 32–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-32-44>*

Введение

Необходимость исследования толкования в юриспруденции в связи с политико-правовым идеалом обусловлена тем, что при возникновении спорных вопросов в процессе правоприменения нередко приходится обращаться к уяснению закладываемых суверенной властью идеальных моделей поведения в обществе. Эти модели служат в качестве конечных должных образцов для правовой квалификации по конкретным делам.

В наиболее общем смысле под толкованием в юриспруденции предлагается понимать мыслительный процесс, направленный на установление содержания юридических текстов (объектом толкования в конечном счете выступает язык), а также прямо не закрепленных, но обладающих возможностью влияния на юридические последствия обязательных требований суверенной власти. Это происходит посредством их уяснения (раскрытия для себя) и разъяснения (раскрытия для других) [2, с. 45; 2, с. 15]. Такая формулировка показывает зависимость толкования от проводимой государственной политики и непосредственную связь с политико-правовым идеалом, который подразумевается суверенной властью конкретно взятого государства.

1. Необходимость обращения к политико-правовому идеалу при толковании

И. Кант отмечал, что «человеческий разум содержит в себе не только идеи, но и идеалы, которые, правда, не имеют в отличие от платоновской творческой силы, но все же обладают практической силой (как регулятивные принципы) и лежат в основе возможности совершенства определенных поступков» [3, с. 322]. Примени-

тельно к праву использование идеалов в процессе толкования подчеркивалось многими исследователями, включая Р. Паунда. Согласно ему, обращение к идеалу в качестве представления о наилучшем социальном порядке является одним из приемов, осуществляемых в правоприменительной деятельности [4, р. 45]. Например, такие ситуации возникают при отсутствии возможности использования классической методологии разрешения коллизий в праве и при наличии технических пробелов в праве. В силу объективных обстоятельств законодатель нередко оказывается не способен своевременно отреагировать на вновь возникшие социальные отношения, что приводит к необходимости обращения к политико-правовому идеалу. В свою очередь, политико-правовой идеал представляется в качестве существующего в индивидуальном либо групповом сознании образца состояния и функционирования политически организованного общества, достигаемого с помощью права. Он призван (в представлении лиц, его разделяющих) обеспечивать выживание, совершенствование и развитие социального организма и выступать самой общей целью для правового регулирования [5, с. 5]. Политико-правовой идеал – результат «моделирования второго порядка» [6, с. 218], отличного от моделирования на эмпирическом уровне познания. Право, будучи само по себе явлением идеальным [6, с. 9], отражает и общее представление об идеальной модели общества, к реализации на практике которой следует стремиться. При толковании в результате оперирования идеальными объектами – совокупностью суждений о норме права и совокупностью суждений о наличии или отсутствии фактов «выводится третий идеальный объект – правоприменительное решение» [6, с. 11]. В практической юридической деятельности требуется определение тех случаев, когда обращение к политико-правовому идеалу как наиболее общей модели развития общества является необходимым средством толкования права.

Во-первых, сам по себе политико-правовой идеал может закрепляться в действующем праве в форме преамбул нормативно-правовых актов, а также посредством норм-целей, деклараций и принципов. Эти принципы включают как наиболее общие положения, устанавливаемые, как правило, в конституции или основном законе государства (равенство прав и свобод гражданина, свобода экономической деятельности, идеологическое многообразие и др.), так и специальные (например, принципы неприкосновенности собственности и свободы договора в гражданском праве, отраслевые положения о применении аналогии права и закона). Если в законодательстве отсутствуют специальные модели правоотношений, так называемые отраслевые политико-правовые идеалы, необходимо обращаться к политико-правовому идеалу как более общей модели, т.е. к всеобщей модели общества [7, с. 72]. Нередко в закрепленном на законодательном уровне политико-правовом идеале уже имеются правила толкования, например в Конституции ЮАР 1996 г. [8, с. 62]. Отсюда, при наличии закрепленного в законодательстве политико-правового идеала, процесс толкования права в значительной степени упрощен ввиду наличия выраженной воли суверенной власти, даже если последняя для конкретно взятых правоотношений не предусмотрела детально прописанных норм. Здесь требуется не допустить искажения смысла, подразумеваемого в политико-правовом идеале или принятых в соответствии с ним правовых нормах (например, это

может происходить при неверном применении аналогии права). По свидетельству Л. Л. Фуллера, среди причин подобных ситуаций могут быть индивидуальные властные амбиции, безразличие государственных служащих, коррупция, недоступность законов, неправильное толкование и др. [9, р. 81].

Во-вторых, если отсутствуют необходимые общие отраслевые положения, а квалификацию правоотношений однозначно невозможно вывести из закрепленного в законодательстве политико-правового идеала, допустимо прибегать к доктринальному толкованию. Результаты такого толкования можно разделить на три группы.

Собственное видение каждым исследователем политико-правового идеала и идеальной модели конкретных правоотношений, в частности, включая их соотношение друг с другом. Подразумевается, что даже при наличии материала, позволяющего в эффективной мере установить содержание правовых норм, избежать влияния субъективных представлений о должном правиле поведения невозможно. Влияние отмеченной группы представлений имеет еще большее значение при расширительном толковании права. Это актуально, по замечанию исследователей, «при отсутствии формулирования в юридической норме предписания должного поведения, которое суверен желал в ней закрепить» [10, с. 79], а также при наличии цели «на регламентацию общественных отношений, которые юридическими правилами не регулируются» [10, с. 81]. Причем в научных трудах преимущественно дается негативная оценка практики расширительного толкования, в том числе в качестве созидательной фикции, результат применения которой необходимо оценивать на предмет пользы для общества [10, с. 81].

Представления о возможном политико-правовом идеале и идеальной модели конкретных правоотношений, в частности, которые способны быть одобренными суверенной властью. Это обусловлено тем обстоятельством, что доктринальное толкование неизбежно должно исходить из реальности его применения на практике, что невозможно без его согласования со стороны политических элит. В данном случае ученые используют дивинаторный метод правовой герменевтики, подразумевающий «интуитивное схватывание и эмпатию» [11, с. 10], но только его специфическую разновидность: когда правовые акты еще не созданы или не вступили в законную силу и присутствует только возможность предвидеть их содержание (отчасти пересекается с общим феноменологическим подходом [2, с. 337]). Отмеченный случай был подвергнут детальному анализу Г. Ф. Шершеневичем, согласно которому необходимо разрешить вопрос относительно того, необходимо ли толковать законы по смыслу, заложенному законодателем в момент издания, или по смыслу, который они приобретают в процессе применения [12, с. 633]. По словам исследователя, это прямо связано с вопросом о том, «чья воля толкуется в законе – законодателя или закона» [12, с. 633].

Г. Ф. Шершеневич склоняется к тому, что здесь речь идет о толковании воли закона, а не законодателя. Однако с такой позицией видится возможным не согласиться, потому что не во всех случаях можно уяснить волю закона, если в целом такая терминология здесь применима. Следуя логике Г. Ф. Шершеневича, по степени сложности случаи толкования можно условно распределить на три уровня:

когда нет необходимости устанавливать волю закона, а правильный и необходимый результат толкования возможно достичь посредством совокупности стандартных приемов толкования; когда стандартные приемы не позволяют достичь необходимого результата толкования и необходимо более глубокое изучение права и выявление воли закона; когда даже постигнутая воля закона тем не менее приводит к абсурдным выводам, что делает невозможным применение полученных результатов толкования, что обуславливает необходимость обращения к воле законодателя. Тем самым позиция Г. Ф. Шершеневича заведомо исключает третий уровень сложности толкования, который ученый относит к «аргументу в пользу изменений в законодательстве» [12, с. 633]. Однако критикуемая исследователем позиция немецкого ученого Р. Штамллера, согласно которой «законодатель, желавший тогда-то при таких-то условиях того-то, теперь при изменившихся условиях, наверное, желал бы другого» [12, с. 633], лучше соответствует действительности. Более того, по мнению Р. Штамллера, в ряде случаев определить справедливое содержание закона исходя из достоинств законодателя невозможно, а собственно «справедливый закон нуждается в этической доктрине для своей полной реализации» [13, р. 68].

Ясно, что позиция политических элит не во всех случаях согласуется с научно доказуемыми требованиями, а в некоторых из них приходится иметь дело с «имитацией... в сфере реализации государственной власти, осуществления государственного управления», где, по словам Н. А. Власенко, происходит только изображение целей, деятельности и «желания благополучия, по существу, не решая и не выполняя собственных функций и задач» [14, с. 265]. Однако влияние политических элит на форму и содержание государства нельзя игнорировать [15, с. 42].

Представления, являющиеся синтезом уже отмеченных двух, результатом нахождения баланса между ними в форме определенной модели правового регулирования, которая призвана способствовать максимально эффективной имплементации научного знания в правоприменительную деятельность. Тем не менее научное сообщество не всегда приходит к консенсусу о должном политико-правовом идеале, идеальной модели конкретных правоотношений и последствий их применения в процессе толкования права, что обуславливает необходимость определения методологии, которую требуется брать за основу.

2. Методологическое значение приема «доведение до абсурда» в толковании

При отсутствии среди научного сообщества совместно с практикующими юристами единой позиции о политико-правовом идеале и о результатах толкования права посредством такого образца наиболее оптимальной представляется методология, которая включает применение приема «доведение до абсурда». Указанный прием способствует не только нахождению необходимого решения при квалификации правоотношений в правоприменительной деятельности, но и собственно моделированию прогрессивного политико-правового идеала и определению соответствующего такой модели законодательства. Несмотря на то обстоятельство, что при толковании правовых норм в современных государствах прием «доведение до абсурда» нередко игнорируется (таких примеров существует бесчислен-

ное множество, в том числе и в России), в действительности он не является чем-то новым для политико-правовой мысли.

Например, И. Кант косвенно определял подобную и включающую указанный прием методологию посредством категорического императива, согласно которому необходимо «поступать согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона», где «твой разум задается вопросом, можешь ли ты... мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы», а само это «основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеобщего законодательства» [16, с. 75]. «Высшее основоположение учения о нравах гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона. Каждая максима, которая не пригодна для этого, противна морали» [16, с. 77]. Как следствие, в процессе моделирования политико-правового идеала, толкования политико-правового идеала и толкования конкретных норм права для квалификации правоотношений прием «доведение до абсурда» предполагает, что правоприменитель (законодатель, правовед и т.д.) должен задаться вопросом о том, можно ли распространить его решение на всех субъектов государства, находящихся в таких же правоотношениях. Если ответ на указанный вопрос отрицательный, то такое решение является неправовым и не основано на нормах права, по крайней мере если мыслить в категориях правового государства, законности и разумности.

Фактически в рассматриваемом случае речь идет о метателеологическом способе толкования права, где происходит установление не только собственно цели правовой нормы, но и цели установления такой цели в рамках более широкой модели развития социума. Не зря в свое время среди критериев правильности толкования правовой нормы А. С. Пиголкин выделил «целесообразность», «гуманизм», а также «конечную цель издания нормативно-правового акта... его назначение в общественной жизни» [17, с. 105]. В этой части прием «доведение до абсурда» нельзя относить исключительно к логическому способу толкования права [18, с. 23], так как в нем может присутствовать и телеологический компонент. Кроме того, ввиду использования схожих логических средств рассматриваемый прием толкования тесно взаимосвязан с «доказательством от противного» [19, с. 71], в соответствии с которым какое-либо утверждение признается ложным, а затем демонстрируется, что такое предположение приводит к абсурдным выводам. Причем если при системном способе толкования права в большей степени происходит динамическое уяснение содержания правовой нормы по иерархии системы права, то прием «доведение до абсурда», оперируя методом движения от частного к общему посредством наложения статичных моделей, апеллирует уже к правовой системе и политико-правовой модели всего государства. Систематическое толкование права «состоит в том, чтобы уяснить смысл определенной нормы путем сравнения ее с другими нормами права... где для более полного понимания ее смысла необходимо исследование не только ее внутреннего содержания, но и установление связей между нормами права» [20, с. 37]. Подобный акцент не делается при использовании приема «доведение до абсурда».

Прием «доведение до абсурда» должен всегда применяться не только в сложных вопросах толкования права, когда приходится обращаться к более общим от-

раслевым моделям или к еще более общей модели – политико-правовому идеалу политически организованного общества как целостности, но и при рассмотрении каждого, в целом понятного с точки зрения правоприменительной практики дела, не ограничиваясь правоохранительной и судебной деятельностью. «Помимо привычных нам судей, органов внутренних дел (полиции), налоговых и таможенных органов рассмотрением правонарушений и применением санкций занимаются... еще более шести десятков государственных образований» [2, с. 31]. Например, в конце первой четверти XXI в. Центральный банк РФ и Московская фондовая биржа выразили беспокойство относительно нарушения прав миноритарных акционеров публичных компаний в процессе их национализации, когда таким миноритариям не направляют обязательное предложение о выкупе при смене мажоритарного владельца, которое предусмотрено законодательством об акционерных обществах [21]. Очевидно, что если такое правило распространить на все правоотношения для всех акционерных обществ, зарегистрированных на территории государства, то это приведет к ущемлению корпоративных прав, снижению инвестиционной активности и в конечном счете прекращению «розничного» участия в инвестиционных капиталах, что вряд ли будет способствовать общему росту экономики и прогрессу государства. В этой связи в исследованиях справедливо обращают внимание на тезис Р. Г. Коуза, согласно которому суды должны учитывать экономические последствия выносимых решений, не допуская при этом чрезмерной правовой неопределенности [22, с. 48]. Требование к соблюдению последнего отмеченного условия находят подтверждение и во многих других отечественных работах [23, с. 43; 24, с. 122].

3. Ограничения использования приема «доведение до абсурда»

Рассматриваемый прием толкования права, принимая во внимание его очевидность и продуктивность, все же имеет ряд ограничений. Равно как в процессе доктринального толкования необходимо учитывать волю суверенной власти в лице представителей политических элит, так и в процессе правоприменительной деятельности, включая таковую в области толкования права – даже в государстве с эффективной системой сдержек и противовесов и высокой правовой культурой, невозможно избежать такого влияния. В рассматриваемом случае наименьшим из зол видится концентрация такого воздействия исключительно в самых высших судебных инстанциях и сохранение полной независимости всех нижестоящих. В общем это уже следует из российского законодательства, однако на практике судьи нередко вынуждены и заранее исследуют потенциальную позицию не только Верховного Суда РФ, но и апелляционных и кассационных инстанций, не говоря уже о некоторых решениях, где позиция согласовывается и с правоохранительными органами. Несмотря на указанные обстоятельства, будет справедливым отметить, что уровень правовой культуры судебного сообщества в стране повышается и к началу второй четверти XXI в. судебная власть видится одной из наиболее квалифицированных.

Другое ограничение связано с объективно существующими формой и содержанием любого государства. Как замечает Г. Кельзен, если рассматривать «индивидуальные нормы, установленные административными актами и судебными решения-

ми и конкретизирующие общие правовые нормы (ведь и те, и другие принадлежат к одному государственному порядку), обнаружится, что позитивное государство едва ли когда-либо соответствовало представлению об унитарном государстве как о централизованном правовом сообществе» [25, с. 381–382]. Так как даже правовые нормы универсального характера «конкретизируются, как правило, в индивидуальных нормах, которые действительны лишь для отдельных частей государственной территории и которые издаются нормоустанавливающими органами, чья компетенция территориально ограничена» [25, с. 382]. По замечанию Г. Кельзена, не существует полностью централизованных или децентрализованных «позитивных правопорядков», которые могут только приближаться к какому-либо из двух таких идеальных типов [25, с. 382]. Крайним случаем децентрализации в области позитивного права выступает множественность государств в рамках международного сообщества как целостности [25, с. 382]. Причем исследователь отмечает возможность существования одновременно различных по содержанию, но также и действительных для всей территории правовых норм, что обусловлено потребностью в установлении императивных правил для людей, «отличающихся друг от друга по языку, религии, расе, полу или профессии» [25, с. 384].

Действительно, ввиду объективно существующих различий в территории, климатических, экологических, демографических и других подобных условиях, нормативно-правовое регулирование должно учитывать такую специфику. Вместе с тем представляется, что здесь исключение из «категорического императива» И. Канта (как одной из основ применения толкования права «доведение до абсурда») оправданно только по пространственному признаку, но не по субъектно-социальному, где сам по себе пространственный признак не является раз и навсегда предписанным (люди сохраняют за собой право изменять место своего нахождения). Отмеченный тезис в действительности может выглядеть крайне спорным, но, следуя предлагаемой логике исследования, он кажется верным. Он подразумевает, что «идеальное правовое регулирование», включая «идеальное правоприменение», «идеальное толкование права» и все другие возможные частные положения прогрессивно смоделированного политико-правового идеала, должны быть универсальны для любого человека независимо от той специфики общества, в котором он живет (культурной, религиозной, исторической, расовой и т.п.), а также от особенностей, соответствующих такой специфике, которыми обладает сам индивид. Следуя отмеченной логике Г. Кельзена, который признавал крайним случаем децентрализации множественность национальных правопорядков, разве возможно применить «категорический императив» И. Канта к правовой норме государства с религиозной правовой семьей? В рамках национального государства на определенном историческом этапе, вероятно, это возможно. Но в условиях информационного общества XXI в., где трансграничные перемещения, миграция, культурная конвергенция и скорость движения информации вышли на качественно иной уровень, даже в рамках национального государства это становится проблематичным. Последствия исключений в правовом регулировании и связанные с ними вопросы правоприменительной деятельности могут столкнуться с существенным для целостности государства социальным неприятием. Поэтому при использовании при-

ема толкования права «доведение до абсурда» и прогрессивном политико-правовом идеале недопустимо учитывать вышеуказанную специфику.

Например, если законодательством за нарушение экологических требований предусмотрена ответственность, ее дифференциация в зависимости от территории и общественно опасных последствий представляется обоснованной, в то время как дифференциация, согласно которой для малочисленных и коренных народов делается исключение (или смягчение) из общего правила в связи с осуществлением ими на этой территории основного промысла, сопряженного с риском для экологии, ведет к невозможности универсализации правила. В последнем случае, во-первых, все будут стремиться осуществлять деятельность, подразумевающую экологические риски, с привлечением прямо или косвенно таких малочисленных народов. Во-вторых, это приведет к нарушению целей правового регулирования, поскольку отмеченное исключение будут использовать все субъекты правоотношений, подпадающие под него. Такая же логика применима и при толковании права, например при учете смягчающих или отягчающих обстоятельств (согласно ч. 2 ст. 61 Уголовного кодекса РФ перечень смягчающих обстоятельств при назначении наказания является открытым).

Заключение

Таким образом, политико-правовой идеал играет ключевую роль в толковании права, особенно при пробелах в законодательстве и правовых коллизиях. Когда политико-правовой идеал прямо закреплен в законодательстве, процесс толкования упрощается, однако требует защиты от искажения вследствие злоупотреблений и неправильного толкования. В противном случае допустимо обращение к доктринальному толкованию, которое должно учитывать как научное видение идеала, так и политическую реальность. Наиболее эффективным приемом для разрешения спорных ситуаций и в условиях отсутствия консенсуса является прием «доведение до абсурда», основанный на кантианском императиве и требующий проверки частного решения на возможность его универсализации. Применение этого приема одновременно служит способом уяснения политико-правового идеала и частью самого прогрессивного политико-правового идеала. Несмотря на свою продуктивность, применение приема «доведение до абсурда» на практике сталкивается с ограничениями, связанными с влиянием политических элит и судебной иерархии, что частично можно преодолеть концентрацией такого воздействия в высших органах власти и обеспечением полной законности и независимости всего остального государственного аппарата. В процессе как нормотворчества, так и толкования права исключение кантианского «категорического императива» допустимо только в рамках учета пространственно-территориальной специфики, но не специфики, относящейся к субъектно-социальным особенностям (социальным и производным от них индивидуальным). При использовании понятия политико-правового идеала и его видов прием «доведение до абсурда» становится метателеологическим средством толкования в юриспруденции, выходящим за рамки логического способа, и может успешно применяться для обеспечения единства, непротиворечивости и предсказуемости юридической практики.

Пристатейный библиографический список

1. *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. *Юридическая герменевтика в XXI веке : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева.* СПб. : Алетейя, 2016.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Академический проект, 2020.
4. *Round R.* Ideal Element in Law. Indianapolis : Liberty Fund, 2002.
5. *Лыков А. Ю.* Некоторые проблемы конструирования и понимания политико-правового идеала // *Юридические исследования.* 2024. № 3.
6. *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма; ИНФРА-М, 2012.
7. *Будагова А. Ш.* К вопросу о функциях конституционного идеала // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2022. № 6.
8. *Шустров Д. Г.* Понятие толкования в конституционном праве // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право.* 2020. № 1.
9. *Fuller L. L.* The Morality of Law. New Haven : Yale University Press, 1964.
10. *Тихонравов Е. Ю.* Понятие расширительного и ограничительного толкования права // *Вестник Воронежского государственного университета.* Серия: Право. 2016. № 1 (24).
11. *Аникин С. А.* Роль дивинаторного метода в герменевтике Ф. Шлейермахера // *Философская мысль.* 2020. № 7.
12. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное : в 6 т. Т. 4. М. : Статут, 2016.
13. *Stammler R.* The Theory of Justice. New York : Macmillan, 1925.
14. *Власенко Н. А.* Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.* 2023. Т. 17. № 2.
15. *Малько А. В., Панченко В. Ю.* Содержание государства: дискуссионные вопросы // *Юридическая наука.* 2024. № 1.
16. *Кант И.* Метафизика нравов. Ч. 1 : Сочинения на немецком и русском языках Т. 5. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.
17. *Пиголкин А. С.* Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздат, 1962.
18. *Султанова С.* Толкование норм права – как важный фактор правильного правоприменения // *Вестник юридических наук.* 2018. № 3.
19. *Рагозина И. Ф.* Доказательство от противного в предложении и тексте // *Вопросы языкознания.* 2019. № 3.
20. *Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р.* Толкование права в курсе общей теории государства и права // *Юридическая наука: история и современность.* 2023. № 5.
21. «Ложка дегтя»: как нарушение прав инвесторов мешает росту фондового рынка // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/68cd57229a7947f55cc5ec3b> (дата обращения: 17.10.2025).
22. *Смирнов А. В.* Правовая герменевтика как связующий элемент системы права // *Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия.* СПб. : Астерион, 2023.
23. *Милинчук Д. С.* Диптих. Часть 1. Толкование права: способ предотвращения или причина коллизий? // *Ex Jure.* 2025. № 1.

24. Белов С. А., Ревазов М. А. Неверное толкование закона судом // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 3.
25. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб. : Алф-Пресс, 2015.

References

1. Cherdantsev A. F. Interpretation of Law and Contract. Moscow: Iuniti-Dana, 2003. (In Russ.)
2. Tonkov E. N., Vetiutnev Iu. Iu. (eds.). Legal Hermeneutics in the 21st Century: Monograph. St. Petersburg: Aleteia, 2016. (In Russ.)
3. Kant I. Critique of Pure Reason. Moscow: Akademicheskii proekt, 2020. (In Russ.)
4. Pound R. Ideal Element in Law. Indianapolis: Liberty Fund, 2002.
5. Lykov A. Iu. Some Problems of Constructing and Understanding the Political and Legal Ideal. *Legal Studies*, 2024, no. 3. (In Russ.)
6. Cherdantsev A. F. Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence: Monograph. Moscow: Norma; Infra-M, 2012. (In Russ.)
7. Budagova A. Sh. On Functions of the Constitutional Ideal. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 6. (In Russ.)
8. Shustrov D. G. The Concept of Interpretation in Constitutional Law. *Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, 2020, no. 1. (In Russ.)
9. Fuller L. L. The Morality of Law. New Haven: Yale University Press, 1964.
10. Tikhonravov E. Iu. The Concept of Extensive and Restrictive Interpretation of Law. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 2016, no. 1 (24). (In Russ.)
11. Anikin S. A. The Role of the Divinatory Method in F. Schleiermacher's Hermeneutics. *Philosophical Thought*, 2020, no. 7. (In Russ.)
12. Shershenevich G. F. Selected Works. In 6 vols. Vol. 4. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)
13. Stammler R. The Theory of Justice. New York: Macmillan, 1925.
14. Vlasenko N. A. Deviant State: Research Methodology and Foundations of the Theory. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2023, vol. 17, no. 2. (In Russ.)
15. Malko A. V., Panchenko V. Iu. The Content of the State: Debatable Issues. *Legal Science*, 2024, no. 1. (In Russ.)
16. Kant I. Metaphysics of Morals. Part 1: Works in German and Russian. Vol. 5. Moscow: Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiia", 2014. (In Russ.)
17. Pigolkin A. S. Interpretation of Normative Acts in the USSR. Moscow: Gosizirizdat, 1962. (In Russ.)
18. Sultanova S. Interpretation of Legal Norms as an Important Factor of Correct Law Enforcement. *Bulletin of Legal Sciences*, 2028, no. 3. (In Russ.)
19. Ragozina I. F. Proof by Contradiction in Sentence and Text. *Linguistics Issues*, 2019, no. 3. (In Russ.)
20. Khabibulin A. G., Mursalimov K. R. Interpretation of Law in the General Theory of State and Law Course. *Legal Science: History and Modernity*, 2023, no. 5. (In Russ.)
21. A Fly in the Ointment: How Investors' Rights Violations Hinder the Growth of the Stock Market. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/68cd57229a7947f55cc5ec3b> (date of the application: 17.10.2025). (In Russ.)

22. *Smirnov A. V.* Legal Hermeneutics as a Connecting Element of the Legal System. In *Law Development in the Context of Interdisciplinary Interaction*. St. Petersburg: Asterion, 2023. (In Russ.)

23. *Milinchuk D. S.* Diptych. Part 1: Interpretation of Law: A Method of Prevention or a Cause of Conflicts? *Ex Jure*. 2025, no. 1. (In Russ.)

24. *Belov S. A., Revazov M. A.* Incorrect Interpretation of the Law by the Court. *Law Enforcement*, 2024, vol. 8, no. 3. (In Russ.)

25. *Kelsen G.* Pure Theory of Law. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press, 2015. (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.

Е. Н. Пузанкова – доктор педагогических наук.

А. Ю. Лыков – соискатель.

Information about authors:

V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.

E. N. Puzankova – Doctor of Pedagogy.

A. Yu. Lykov – Applicant.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 10.11.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-45-62>

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИКАЗОВ О ВЗЫСКАНИИ ЗАДОЛЖЕННОСТИ СО СЧЕТОВ КЛИЕНТОВ ВЫСОКОГО УРОВНЯ РИСКА

Диана Геннадьевна Алексеева^{1,2}

¹ Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

² Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Россия, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2

^{1,2} alexi59@mail.ru

Аннотация

В действующем законодательстве порой выявляются требования, которые сложно выполнить из-за противоречивых норм. Коллизия общих и специальных норм имеет понятные и простые правила разрешения. В случае возникновения коллизии специальных норм алгоритмы правоприменения не столь очевидны. Одной из таких правовых проблем является правовое регулирование порядка взыскания денежных средств по исполнительным документам со счетов клиентов, отнесенных кредитной организацией (банком) к высокому уровню риска совершения подозрительных операций. В статье проводится анализ правового регулирования данной проблематики; формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: банк; исполнительное производство; судебный приказ; банковский счет; списание денежных средств; подозрительные операции; высокий уровень риска.

Для цитирования: Алексеева Д. Г. Исполнение судебных приказов о взыскании задолженности со счетов клиентов высокого уровня риска // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 45–62. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-45-62>

Research Article

ENFORCEMENT OF COURT ORDERS TO COLLECT DEBT FROM HIGH-RISK CLIENT ACCOUNTS

Diana G. Alekseeva^{1,2}

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 125993, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradskii Ave., Moscow, 125167, Russia

^{1,2} alexi59@mail.ru

Abstract

Current legislation sometimes reveals requirements that are difficult to fulfill due to conflicting norms. The conflict of general and special rules has clear and simple rules for resolution (its solutions). In the event of a conflict of special rules, the enforcement algorithms are not so obvious. One of such legal problems is the legal regulation of the procedure for collecting funds according to executive documents from customer accounts classified by a credit institution (bank) as having a high risk of suspicious transactions. The article analyzes the legal regulation of this issue and formulates proposals for improving the current legislation.

Keywords: bank; enforcement proceedings; court order; bank account; debit of funds; suspicious transactions; high level of risk.

For citation: Alekseeva D. G. Enforcement of Court Orders to Collect Debt from High-Risk Client Accounts. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 45–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-45-62>

Введение

Известно, что взыскание денежных средств в соответствии с требованиями, содержащимися в исполнительных документах, осуществляется путем списания соответствующих денежных средств с банковских счетов должников, открытых в кредитных организациях.

Открытие и ведение банковского счета представляет собой банковскую операцию, осуществляемую кредитной организацией на основании договора банковского счета, заключенного между клиентом и соответствующим банком (ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности») [1].

В соответствии с п. 1 ст. 845 Гражданского кодекса РФ по договору банковского счета банк¹ обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету.

В рамках открытого банковского счета банк обязан совершать для клиента операции, предусмотренные для счетов данного вида законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями, если договором банковского счета не предусмотрено иное. При этом законом могут быть предусмотрены случаи, когда банк обязан отказать в зачислении на счет клиента денежных средств или их списании со счета клиента. Если иное не установлено законом, договором банковского счета могут предусматриваться случаи, когда банк обязан отказать в зачислении на счет клиента денежных средств или в их списании со счета (ст. 848 Гражданского кодекса РФ).

Вместе с тем институт банковского счета характеризуется сложной правовой природой, обусловленной сочетанием частноправовых и публично-правовых элементов. Заключая договор банковского счета и осуществляя в дальнейшем операции по нему, банк выступает в «двух лицах». С одной стороны, он является равноправным контрагентом своего клиента, действует на основании его распоряжения в силу положений заключенного между ними гражданско-правового договора (частноправовой аспект). С другой стороны, банк выступает контролером своего клиента, осуществляя контрольные функции в соответствии с требованиями действующего законодательства в части кассовых операций клиента [2], валютного контроля [3] и, конечно же, «антилегализационного контроля» в силу требований Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4] (далее – Закон о противодействии) (публично-правовой аспект).

Деятельность кредитных организаций по осуществлению «антилегализационного» контроля обусловлена высокой ролью кредитных организаций как элементов банковской системы для обеспечения банковской и в конечном счете финансовой безопасности страны [5]. В непростых условиях санкционных ограничений становится очевидно, что именно банковская система является движущей силой отечественной экономики, без которой немыслимо поступательное развитие Рос-

¹ По сути, понятия «банк» и «кредитная организация» не являются тождественными. Согласно ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» кредитной организацией признается юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности, на основании специального разрешения (лицензии) Банка России, имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные данным Федеральным законом. Банк – это кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности и срочности, а также открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Таким образом, банк является одной из разновидностей кредитной организации. Вместе с тем, поскольку для целей настоящей статьи юридические различия понятий «банк» и «кредитная организация» несущественны, они могут использоваться как синонимы.

сии. Развитие национальной экономики невозможно без финансово устойчивой, стабильной банковской системы [6]. В свою очередь, устойчивость финансовой системы должна обеспечиваться созданием комплекса мер безопасности, обеспечивающих эффективное регулирование финансовой деятельности государства [7], к числу которых, безусловно, относится безопасность антитеррористическая, включающая комплекс мер, направленных на ПОД/ФТ/ФРОМУ.

1. Проблемы, связанные с разработкой механизмов контроля подозрительных сделок

Борьба с отмыванием «грязных» денег представляет собой общемировую повестку, реализуемую в соответствии с многочисленными международными документами: конвенциями, декларациями и межправительственными соглашениями [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Российское законодательство о ПОД/ФТ, нормативные акты и рекомендации Банка России и Росфинмониторинга во многом являются отражением основных международных документов, раскрывают новые типологии отмывания грязных денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения, предлагают способы снижения риска ОД/ФТ и повышения устойчивости финансовой системы. Высокая динамика российской правовой среды по ПОД/ФТ обусловлена, таким образом, действием ряда международных документов, выявлением новых схем преступных деяний и необходимостью эффективного управления риском ОД/ФТ [17]; она позволяет осуществлять своевременное реагирование на возникающие угрозы, вызовы и новые схемы совершения противоправных действий.

Законодательство в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, а также система органов, реализующих задачи Закона о противодействии, представляют собой важное правовое средство обеспечения финансовой безопасности государства, позволяющее минимизировать угрозы финансирования мирового терроризма, сдерживать насыщение денежной системы страны криминальным капиталом, минимизировать риски деловой репутации банковской системы страны и противостоять дезорганизации публичных финансов. Именно право является основным инструментом обеспечения финансовой безопасности. Механизм обеспечения финансовой безопасности с помощью права преобразовывается в систему конкретных требований, адресованных как органам государственной власти, так и юридическим и физическим лицам [18].

Реализуя функции «антилегализационного» контроля, банки выступают в качестве агентов финансового мониторинга [19], обязанных в случае нарушения клиентом «антиотмывочного» законодательства применять в отношении него ряд ограничительных мер: приостанавливать операции по счету, отказывать в их проведении, ограничивать дистанционный доступ к счету, замораживать (блокировать) денежные средства на счете и т.д. К сожалению, создание действенных препятствий для отмывания «грязных» денег и финансирования терроризма неизбежно влечет некоторое ограничение прав добросовестных клиентов финансовых организаций, связанное с необходимостью предоставления в банк сведений и документации о себе, своем бизнесе, особенностях осуществления банковских опера-

ций и сделок. Задача законодателя в данной связи – максимально минимизировать дискомфорт добропорядочных клиентов, сохраняя при этом максимальные препятствия для отмыwania грязных денег и финансирования терроризма. Представляется, что одних мер по разработке механизма контроля подозрительных сделок недостаточно – важно четко понимать, какие операции относятся к категории подозрительных, сомнительных, необычных и транзитных. К сожалению, соответствующая терминология до сих пор в законодательстве не выработана, что в значительной мере затрудняет осуществление кредитными организациями контрольных мероприятий в отношении клиента, а также риска ПОД/ФТ на клиента и проводимые им операции [20].

При осуществлении внутреннего контроля кредитная организация (филиал иностранного банка), использующая информацию Банка России, полученную в рамках работы платформы «Знай своего клиента», в отношении российского клиента – юридического лица¹ (индивидуального предпринимателя), отнесенного кредитной организацией (филиалом иностранного банка) и Банком России к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, применяет следующие меры (п. 5 ст. 7.7 Закона о противодействии):

- не проводит операции по списанию денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), по уменьшению остатка электронных денежных средств, не осуществляет переводы денежных средств с использованием сервиса быстрых платежей платежной системы Банка России, операции выдачи наличных денежных средств (за отдельными исключениями), а также операции с иным имуществом;

- не выдает при расторжении договора банковского счета (вклада, депозита) остаток денежных средств на счете или не перечисляет его на другой счет такого клиента или на счет третьего лица по указанию такого клиента (за отдельными исключениями);

- прекращает обеспечение возможности использования таким клиентом электронного средства платежа.

Кроме того, кредитные организации осуществляют контроль, оценивая степень (уровень) риска совершения клиентом (потенциальным клиентом) подозрительных операций, в том числе для обеспечения прозрачности транзакций. В случае выявления подозрительных операций банки применяют ограничительные меры для их пресечения на основании собственных правил внутреннего контроля, разработанных в соответствии с Законом о противодействии, и информируют о принятых мерах Росфинмониторинг [21].

Даже в случае отказа от использования кредитной организацией (филиалом иностранного банка) информации Банка России в рамках платформы «Знай своего клиента» при осуществлении внутреннего контроля в рамках ПОД/ФТ/ФРОМУ² они вправе осуществлять в отношении российского клиента – юридического лица, от-

¹ За исключением кредитных организаций, филиалов иностранных банков, государственных органов и органов местного самоуправления (индивидуального предпринимателя).

² Противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма или финансированию распространения оружия массового уничтожения.

несенного к группе средней или высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций (п. 1 ст. 7.7 Закона о противодействии), действия, предусмотренные абз. 2 и 3 п. 5.2 и п. 11 ст. 7 Закона о противодействии [22], а именно:

- отказаться от заключения договора банковского счета (вклада) в случае наличия подозрений о том, что целью заключения такого договора является совершение операций в целях ОД/ФТ;
- расторгнуть договор банковского счета (вклада) с клиентом в случае принятия в течение календарного года двух и более решений об отказе в совершении операции на основании распоряжения клиента, в случае, предусмотренном п. 11 ст. 7 Закона о противодействии;
- отказать в совершении операции, в том числе в совершении операции на основании распоряжения клиента, при условии, что в результате реализации правил внутреннего контроля у работников кредитной организации возникают подозрения, что операция совершается в целях ОД/ФТ.

2. Правомерность и особенности списания денежных средств со счетов клиента высокого уровня риска

В соответствии с п. 6 ст. 7.7 Закона о противодействии по банковскому счету (вкладу, депозиту) российского клиента (юридического лица или индивидуального предпринимателя), отнесенного кредитной организацией (филиалом иностранного банка) и Банком России к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, допускается проведение отдельных банковских операций, включая (но не ограничиваясь):

- уплату налогов и сборов, таможенных платежей, страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации, установленных законодательством Российской Федерации;
- оплату труда работников, получавших заработную плату до дня отнесения кредитной организацией и Банком России такого клиента к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций;
- *списание денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), уменьшение остатка электронных денежных средств, выдачу наличных денежных средств, а также операции с иным имуществом такого клиента после исключения его из единого государственного реестра юридических лиц или единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей по исполнительным документам, поступившим до исключения такого клиента из единого государственного реестра юридических лиц или единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей.*

Правомерность списания кредитными организациями денежных средств со счетов «высокорискованных» должников только после исключения их из соответствующих реестров (ЕГРЮЛ или ЕГРИП) подтверждается и регулятором.

В информационном письме от 26 апреля 2024 г. № ИН-08-12/29 «Об особенностях применения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ при исполнении исполнительных документов» Банк России рекомендовал кредитным организа-

циям при поступлении постановлений ФССП России или судебных приставов-исполнителей в отношении клиентов, к которым применены меры, предусмотренные п. 5 ст. 7.7 Закона о противодействии, информировать подразделение ФССП России либо судебного пристава-исполнителя, вынесших постановление о взыскании денежных средств с такого клиента, в течение трех рабочих дней со дня получения соответствующего документа о возможности списания денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), уменьшения остатка электронных денежных средств, выдачи наличных денежных средств по исполнительным документам *после исключения такого клиента из ЕГРЮЛ (ЕГРИП)* со ссылкой на абз. 9 п. 6 ст. 7.7 Закона о противодействии.

По мнению Банка России, сформулированному в ответ на обращение Ассоциации российских банков от 29 июля 2024 г. № А2402/5-322 и изложенному в письме от 28 августа 2024 г. № 12-4-2/6306, исходя из п. 6 ст. 7.7 Закона о противодействии исполнительные документы, предъявленные к счету клиента, к которому применены меры, предусмотренные п. 5 ст. 7.7 Закона о противодействии, *могут быть исполнены в рамках процедур банкротства или ликвидации такого клиента либо после его исключения из ЕГРЮЛ (ЕГРИП)*.

Годом ранее Банк России подчеркнул, что операции по исполнительным документам, связанным в том числе с взысканием задолженности по оплате труда работников, не приравниваются к операциям, указанным в абз. 2 и 3 п. 6 ст. 7.7 Закона о противодействии. В случае поступления в банк исполнительного документа после применения к клиенту мер, предусмотренных п. 5 ст. 7.7 Закона о противодействии, но до его исключения из ЕГРЮЛ или ЕГРИП, такой исполнительный документ помещается в очередь и исполняется банком в порядке очередности, установленной ст. 855 Гражданского кодекса РФ, после исключения указанного лица из ЕГРЮЛ (ЕГРИП) (письмо Банка России от 30 мая 2023 г. № 12-4-2/4071 (по вопросам 1.1.1–1.1.3, 1.1.4 и 1.1.5)).

Аналогичный вывод содержится и в некоторых решениях российских судов (например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 июля 2024 г. № Ф08-5970/2024 по делу № А18-2016/2023).

Ассоциация банков России направила в адрес Росфинмониторинга письмо от 7 февраля 2025 г. № 02-05/127 о необходимости выработки решений, учитывающих методологические подходы, доведенные Банком России до кредитных организаций в отношении клиентов, к которым применены меры, предусмотренные п. 5 ст. 7.7 Закона о противодействии. Кредитные организации выступили с инициативой устранить правовую неопределенность по порядку исполнения исполнительных документов по клиентам, отнесенным к группе высокого степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, поскольку на практике они сталкиваются с судебными решениями, не учитывающими положения абз. 9 п. 6 ст. 7.7 Закона о противодействии и порядок обработки исполнительных документов, определенный Банком России, а также признающими действия банков незаконными. В ответном письме от 3 июня 2025 г. № 01-01-33/15326 Росфинмониторинг пояснил, что осуществляется проработка с компетентными государственными органами и Банком России вопроса об устранении правовой неопределенности относи-

тельно исполнения исполнительных документов, представляемых в отношении денежных средств или иного имущества клиентов, отнесенных кредитной организацией и Банком России к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций.

Таким образом, исходя из буквального толкования ст. 7.7 Закона о противодействии *списание денежных средств с банковского счета (вклада, депозита) клиента, отнесенного к группе высокого уровня (степени) риска подозрительных операций, осуществляется кредитной организации только после исключения такого лица из ЕГРЮЛ или ЕГРИП.*

Вместе с тем такая правовая позиция не находит соответствующего понимания и поддержки лиц, исполняющих требования Федерального закона «Об исполнительном производстве» [23] (далее – Закон об исполнительном производстве).

Нельзя не отметить, что несовершенство положений Закона об исполнительном производстве довольно часто обуславливает возникновение проблем в правоприменении; множество судебных споров, завершающихся разновекторными судебными решениями; активные обсуждения проблематики в профессиональных бизнес-сообществах и научных кругах. Сюда можно отнести, например, требование о предъявлении судебным приставом-исполнительным в банк постановлений о взыскании денежных средств со всех имеющихся в банке счетов должника, что приводит к ошибочному списанию денежных средств, не подлежащих взысканию, и, как следствие, потенциальный риск привлечения кредитной организации к ответственности либо за неисполнение постановления судебного пристава-исполнителя, либо за нарушение требований ст. 99 и 101 Закона об исполнительном производстве [24].

Определенные сложности списания денежных средств со счета должника вытекают из-за правовой природы самих денежных средств, находящихся на счете, что образует предмет научных дискуссий уже довольно продолжительное время. Ввиду того, что денежные средства индивидуализируются на счете исключительно путем указания на их количество, списание суммы со счета означает, что денежные средства утрачены клиентом. Взамен клиент приобретает право требования к банку об исполнении платежа в соответствии с договором счета. Именно поэтому взыскание денежных средств должника возможно только с его банковского счета (абз. 12 п. 2 ст. 11 и ст. 48 Налогового кодекса РФ, п. 2 ст. 70 Закона об исполнительном производстве). Кроме того, будучи зачисленными на счет, они смешиваются с уже учтенными на нем средствами до обезличивания. При ошибочном зачислении средств на счет они входят в имущественную массу владельца счета, вследствие чего истинный получатель не может взыскать свои денежные средства [25].

Проблематика очередности списания денежных средств по исполнительным документам со счетов клиентов высокого уровня риска подозрительных операций также относится к числу правовых проблем, не имеющих пока однозначного и приемлемого для всех разрешения.

Согласно ч. 2 и 5 ст. 70 Закона об исполнительном производстве перечисление денежных средств со счетов должника производится на основании исполнительного документа или постановления судебного пристава-исполнителя без пред-

ставления в банк или иную кредитную организацию взыскателем или судебным приставом-исполнителем расчетных документов. Банк, осуществляющий обслуживание счетов должника, незамедлительно исполняет содержащиеся в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств.

Не исполнять исполнительный документ или постановление судебного пристава-исполнителя полностью банк или иная кредитная организация может в случае отсутствия на счетах должника денежных средств либо в случае, когда на денежные средства, находящиеся на указанных счетах, наложен арест или когда в порядке, установленном законом, приостановлены операции с денежными средствами, либо в иных случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 8 ст. 70 Закона об исполнительном производстве).

При этом в отношении исполнительного документа о взыскании денежных средств, являющегося судебным актом, исполнительного документа, выданного на основании судебного акта, а также в отношении постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании денежных средств, вынесенного на основании таких исполнительных документов, банк или иная кредитная организация не вправе не исполнить такие исполнительный документ или постановление судебного пристава-исполнителя по основаниям, связанным с применением правил внутреннего контроля, разработанных в соответствии с Законом о противодействии (ч. 8.1 ст. 70 Закона об исполнительном производстве).

В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 2 декабря 2024 г. № 09АП-66349/2024 по делу № А40-51790/2024 особо подчеркнута, что нормой ч. 8.1 ст. 70 Закона об исполнительном производстве, предусматривающей право банка не исполнять исполнительный документ в случае возникновения подозрений в результате реализации правил внутреннего контроля, разработанных в соответствии с Законом о противодействии, прямо предусмотрено, что положения данной нормы не применяются в отношении исполнительного документа, выданного на основании судебного акта. Судебный акт арбитражного суда не может быть признан документом, принятым в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Именно исходя из этого в ч. 8.1 ст. 70 Закона об исполнительном производстве сделано исключение из общего правила возможности неисполнения исполнительного документа при возникновении у работников банка подозрений в отношении денежной операции.

Судебная практика, сформировавшаяся по спорам, связанным с кредитными организациями при исполнении требований исполнительных документов о взыскании денежных средств со счетов клиентов, отнесенных к высокому уровню (степени) риска подозрительных операций, представляется единообразной и исходит из того, что *само по себе отнесение должника как клиента кредитной организации к высокой категории риска совершения подозрительных операций не может служить основанием для отказа в исполнении судебного акта (приостановления исполнения).*

Возлагая на Банк России функцию по оценке степени (уровня) риска совершения подозрительных операций клиентами кредитных организаций (юридически-

ми лицами и индивидуальными предпринимателями), законодатель преследовал цель уменьшить нагрузку на добросовестных предпринимателей, особенно на малый бизнес, за счет снижения превентивных ограничительных мер со стороны банков, снижения объема сомнительных операций и повышения эффективности работы противолегализационных систем кредитных организаций.

При этом Закон о противодействии, исходя из его места в системе законодательства, не может содержать положений, отменяющих обязательность неукоснительного исполнения судебных актов, отраженную в предписаниях федеральных конституционных законов (ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 7 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»), и *не предусматривает правового механизма приостановления исполнения судебных актов в связи с отнесением должника к той или иной группе рисков совершения подозрительных операций.*

В определении от 18 июля 2024 г. № 305-ЭС24-5098 [26] (далее – Определение ВС РФ) (определением Верховного Суда РФ от 26 ноября 2024 г. № 329-ПЭК24 по делу № А40-76579/2023 отказано в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ) Верховный Суд РФ отметил, что банк обязан осуществить возложенные на него публичные функции по исполнению исполнительного документа с учетом предоставленных ему полномочий и всех имеющихся в его распоряжении сведений. При наличии денежных средств на счете должника исполнительный документ подлежал исполнению. Отсутствие у банка правовых оснований для неисполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, свидетельствует о наличии с его стороны незаконного бездействия и, как следствие, возможности применения к нему меры ответственности за неисполнение денежного обязательства, предусмотренной ст. 395 Гражданского кодекса РФ, поскольку *само по себе отнесение должника как клиента кредитной организации к высокой категории риска совершения подозрительных операций не могло служить основанием для отказа в исполнении судебного акта (приостановления исполнения).*

Из содержания приведенных взаимосвязанных положений законодательства Российской Федерации о судебной системе, об арбитражных судах, об исполнительном производстве и правовой позиции Конституционного Суда РФ вытекает, что *банк, исполняющий выданный судом исполнительный документ, выполняет возложенную на него законом публичную функцию. При этом обязательность вступивших в законную силу судебных актов не может быть преодолена или поставлена под сомнение, поскольку действующим законодательством банку не предоставлены полномочия проверять законность принятого судом судебного акта и выданного на его основании исполнительного документа.*

При поступлении выданного судом исполнительного документа или соответствующего постановления судебного пристава-исполнителя банк обязан обеспечить незамедлительное исполнение содержащегося в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств путем списания денежных средств со счета должника в порядке, установленном законодательством об исполнитель-

ном производстве, и не вправе задерживать исполнение, за исключением случаев, связанных с необходимостью подтверждения подлинности исполнительного документа, а также проверки достоверности указанных взыскателем сведений.

Банк не вправе отказывать в перечислении денежных средств со счета должника на основании выданного судом исполнительного документа, в том числе обуславливать исполнение требования исполнительного документа какими-либо дополнительными требованиями, если исполнение судебного акта не приостановлено самим судом или судебный акт не отменен в установленном процессуальным законодательством порядке.

В рассматриваемом деле судами установлено, что банк, получив постановление судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на денежные средства должника, тем не менее посчитал возможным не исполнять требование о перечислении денежных средств, содержащееся в судебном акте (судебном приказе), приостановив его исполнение и ссылаясь при этом на отнесение должника к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, что в силу ст. 7.7 Закона о противодействии позволяет осуществлять списание денежных средств с его счета по исполнительным документам только после его исключения из ЕГРЮЛ. Поддерживая позицию банка о наличии оснований для приостановления исполнения исполнительного документа, суд округа указал, что рассматриваемая операция не относится к допустимым операциям, совершаемым по счету клиента, отнесенного банком и Банком России к группе высокой степени риска.

Как следует из Определения ВС РФ, правовая позиция суда округа признана необоснованной и не поддержана, поскольку *само по себе отнесение должника как клиента кредитной организации к высокой категории риска совершения подозрительных операций не могло служить основанием для отказа в исполнении судебного акта (приостановления исполнения).*

Из указанных положений усматривается, что Закон о противодействии не регулирует правоотношения, связанные с исполнением судебных актов, а направлен на совершенствование национальной системы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Возлагая на Банк России функцию по оценке степени (уровня) риска совершения подозрительных операций клиентами кредитных организаций (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями), законодатель преследовал цель уменьшить нагрузку на добросовестных предпринимателей, особенно на малый бизнес, за счет снижения превентивных ограничительных мер со стороны банков, а также снизить объем сомнительных операций и повысить эффективность работы противомолегалитационных систем кредитных организаций.

Закон о противодействии, исходя из его места в системе законодательства, не может содержать положений, отменяющих обязательность неукоснительного исполнения судебных актов, отраженную в предписаниях федеральных конституционных законов, и не предусматривает правового механизма приостановления исполнения судебных актов в связи с отнесением должника к той или иной группе рисков совершения подозрительных операций.

В связи с этим не может быть признана состоятельной ссылкой суда округа на ч. 8 ст. 70 Закона об исполнительном производстве, допускающую неисполнение банком или иной кредитной организацией исполнительного документа или постановления судебного пристава-исполнителя в случае, когда в порядке, установленном законом, приостановлены операции с денежными средствами, либо в иных случаях, предусмотренных федеральным законом.

Соглашаясь с доводами банка, суд округа *фактически обусловил возможность исполнения действующего (не отмененного) судебного акта (судебного приказа) будущим событием – исключением должника из реестра, которое может не наступить в течение длительного периода времени и на наступление которого взыскатель, к тому же, не может повлиять.*

Таким образом, исследовав обстоятельства дела и руководствуясь положениями ст. 70 Закона об исполнительном производстве, суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу *об отсутствии предусмотренных указанной нормой оснований, при которых кредитная организация вправе не исполнить исполнительный документ.*

В рассматриваемом случае банк был обязан осуществить возложенные на него публичные функции по исполнению исполнительного документа с учетом предоставленных ему полномочий и всех имеющихся в его распоряжении сведений. При наличии денежных средств на счете должника исполнительный документ подлежал исполнению. Отсутствие у банка правовых оснований для неисполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, свидетельствует о наличии с его стороны незаконного бездействия и, как следствие, возможности применения к нему меры ответственности за неисполнение денежного обязательства, предусмотренной ст. 395 Гражданского кодекса РФ.

Аналогичные решения выносились и другими судами (см., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 305-ЭС24-5098 по делу № А40-76579/2023; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16 апреля 2025 г. № 49-КАД25-3-К6; постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 июля 2024 г. № Ф04-2314/2024 по делу № А75-9822/2023, Арбитражного суда Уральского округа от 9 октября 2024 г. № Ф09-5598/24 по делу № А76-36694/2023, Арбитражного суда Московского округа от 2 августа 2024 г. № Ф05-14443/2024 по делу № А40-117962/2023 и др.).

Примечательно, что в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 февраля 2025 г. № Ф07-19484/2024 по делу № А56-89206/2023 суд подчеркнул, что действия банка, исполняющего требования, содержащиеся в судебных актах, регулируются *Законом об исполнительном производстве, имеющим специальный и вследствие этого приоритетный характер*; положения ст. 7.7 Закона о противодействии не относятся к нормам, регулирующим отношения по исполнению судебных актов.

В определении Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 305-ЭС21-54 по делу № А41-9815/2020 подчеркнуто, что при разрешении коллизии между этими нормами приоритетом обладает специальная норма в соответствии с общеправовым

принципом «*lex specialis derogat generali*», определяющим критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

Однако только лишь Закон об исполнительном производстве носит специальный, а значит, приоритетный характер?

По общему правилу общими являются нормы, распространяющиеся на целый род определенных отношений в целом, а специальными – нормы, относящиеся к определенному, конкретному виду этих отношений.

В частности, общие нормы регулируют общественные отношения определенного рода, а специальные – соответствующий вид данных отношений. Иначе говоря, общие нормы регулируют более широкий круг общественных отношений, применяя достаточно высокую меру их обобщения. Специальные нормы содержат более детализированные предписания по сравнению с общими, поскольку более полно учитывают особенности общественных отношений. Так, например, в § 1 гл. 30 Гражданского кодекса РФ содержатся общие положения договора поставки, а нормы § 4 той же главы регламентируют поставку товаров для государственных нужд. Также нормы по объему действия могут быть разграничены по кругу лиц. Здесь тоже существуют общие и специальные нормы, но их особенности связаны с определенной категорией субъектов. Так, в трудовом праве общие нормы, распространяющиеся на всех работников, сочетаются со специальными, дифференцированными сначала отдельно в отношении рабочих и служащих, а затем еще и по особым категориям служащих [27].

Требования Закона о противодействии также регулируют особый вид общественных отношений, связанных с противодействием агентами финансового мониторинга легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Применительно к осуществлению операций по банковскому счету, предусмотренных, соответственно, гл. 45 Гражданского кодекса РФ (в том числе ст. 845–849 Кодекса), а также п. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», нормы ст. 6, 7 и 7.7 Закона о противодействии содержат специальные требования, касающиеся идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев; контроля подозрительных, необычных и транзитных операций клиентов; отнесения клиентов к группам по степени (уровню) риска подозрительных операций и реализации «отказных» полномочий (отказ в открытии банковского счета (вклада), проведении операций по счету, расторжении договора банковского счета (вклада) и др.).

Неисполнение обоих федеральных законов для кредитной организации образует состав правонарушения, влекущего применение мер ответственности, в том числе в соответствии со ст. 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [28], вплоть до отзыва лицензии на осуществление банковских операций (ст. 13 Закона о противодействии), и ч. 2 ст. 17.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Очевидно, что в рассматриваемом случае возникла правовая коллизия требований ст. 70 Закона об исполнительном производстве и ст. 7.7 Закона о проти-

водействии. *Оба федеральных закона носят специальный характер* и регулируют определенные области общественных отношений. В связи с этим считается, что коллизия вышеуказанных правовых норм может быть разрешена не применением правила общей и специальной нормы (поскольку обе нормы носят специальный характер), а внесением изменений в действующее законодательство.

Заключение

Учитывая сказанное, представляется целесообразным исключить из формулировки абз. 9 п. 6 ст. 7.7 Закона о противодействии слова об исключении лица из единого государственного реестра юридических лиц или единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей и изложить данную норму следующим образом:

«Статья 7.7. Права и обязанности кредитных организаций, филиалов иностранных банков при приеме на обслуживание и обслуживании клиентов – юридических лиц (индивидуальных предпринимателей), зарегистрированных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в зависимости от отнесения их к группам риска совершения подозрительных операций

<...>

6. По банковскому счету (вкладу, депозиту) клиента – юридического лица (за исключением кредитных организаций, филиалов иностранных банков, государственных органов и органов местного самоуправления) (индивидуального предпринимателя), зарегистрированного в соответствии с законодательством Российской Федерации, который отнесен кредитной организацией, филиалом иностранного банка, использующими информацию Центрального банка Российской Федерации, предусмотренную абзацем вторым пункта 1 статьи 7.6 настоящего Федерального закона, и Центральным банком Российской Федерации к группе высокой степени (уровня) риска совершения подозрительных операций, допускается проведение следующих операций:

<...>

списание денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), уменьшение остатка электронных денежных средств, выдача наличных денежных средств, совершение операций с иным имуществом такого клиента».

Подобная формулировка позволит кредитным организациям осуществлять списание денежных средств по исполнительным документам, не дожидаясь исключения клиента из соответствующего реестра (ЕГРЮЛ или ЕГРИП). Тем самым будет устранено противоречие ст. 70 Закона об исполнительном производстве и ст. 7.7 Закона о противодействии, а риск привлечения кредитной организации за невыполнение требований исполнительных документов будет снижен.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
2. Положение Банка России от 29 января 2018 г. № 630-П «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и мо-

неты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации» // Вестник Банка России. 2018. № 51.

3. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

4. Федеральный закон от 7 августа 2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

5. *Алексеева Д. Г.* Понятие и основные составляющие банковской безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2011. № 2 (13).

6. *Алексеева Д. Г.* Банковская безопасность – составляющая экономического суверенитета государства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2.

7. *Саттарова Н. А., Гараев И. Г., Гафарова Г. Р.* Правовая политика государства в сфере публичных финансов как средство обеспечения экономической безопасности // Хозяйство и право. 2024. № 12.

8. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом 1999 г. // СПС «КонсультантПлюс».

10. Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма 2007 г. // СПС «КонсультантПлюс».

11. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. (Варшавская конвенция) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (Меридская конвенция).

13. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс».

14. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (Палермская конвенция) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (Нью-Йоркская конвенция) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (Страсбургская конвенция) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019.

18. *Саттарова Н. А., Гафарова Г. Р.* О правовых инструментах обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. 2024. № 11.

19. *Прошунин М. М., Татчук М. А.* Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) : учебник. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014.

20. *Алексеева Д. Г.* Направления совершенствования законодательства о ПОД/ФТ // Банковское право. 2021. № 3.

21. Методические рекомендации для предпринимателя 3.0 «Что делать, если банк ограничил операции по счету» (подготовлены Банком России, Росфинмониторингом, ФТС России, Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, НСФР) // Банк России : сайт. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 18.12.2023).

22. Алексеева Д. Г. «Отказные» полномочия банков в отношении подозрительных операций клиентов: вопросы соблюдения частных и публичных интересов // Банковское право. 2018. № 4.

23. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

24. Кузнецов Е. Н. Совершенствование законодательства об исполнительном производстве как способ повышения эффективности механизма принудительного исполнения // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 4.

25. Рассказова Н. Ю. Понятие денежных средств // Закон. 2024. № 9.

26. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 305-ЭС24-5098 по делу № А40-76579/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Маркет ДС, 2007.

28. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

References

1. Federal Law of December 2, 1990 No. 395-I "On Banks and Banking Activities". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 6, art. 492. (In Russ.)

2. Bank of Russia Regulation of January 29, 2018 No. 630-P "On the Procedure for Conducting Cash Transactions and the Rules for the Storage, Transportation, and Collection of Banknotes and Coins of the Bank of Russia in Credit Institutions on the Territory of the Russian Federation". *Bank of Russia Bulletin*, 2018, no. 51. (In Russ.)

3. Federal Law of December 10, 2003 No. 173-FZ (as amended on December 28, 2024) "On Currency Regulation and Currency Control". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 50, art. 4859. (In Russ.)

4. Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 33 (part I), art. 3418. (In Russ.)

5. Alekseeva D. G. The Concept and Main Components of Banking Security. *National Security / Nota Bene*, 2011, no. 2 (13). (In Russ.)

6. Alekseeva D. G. Banking Security – a Component of the Economic Sovereignty of the State. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2011, no. 2. (In Russ.)

7. Sattarova N. A., Garaev I. G., Gafarova G. R. Legal Policy of the State in the Sphere of Public Finances as a Means of Ensuring Economic Security. *Business and Law*, 2024, no. 12. (In Russ.)

8. Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Countering Extremism, 2017 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Treaty on Cooperation between the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Fight against Terrorism, 1999 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Treaty of the Member States of the Commonwealth of Independent States on Combating the Legalization (Laundering) of Criminal Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism, 2007 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism, 2005 (Warsaw Convention) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. UN Convention against Corruption, 2003 (Mérida Convention). (In Russ.)
13. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism, 2001 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
14. UN Convention against Transnational Organized Crime, 2000 (Palermo Convention) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. UN International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, 1999 (New York Convention) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime, 1990 (Strasbourg Convention) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. *Efimova L. G., Alekseeva D. G. (eds.). Banking Law: Textbook for Bachelors. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2019.* (In Russ.)
18. *Sattarova N. A., Gafarova G. R. On Legal Instruments for Ensuring Financial Security. Financial Law, 2024, no. 11.* (In Russ.)
19. *Proshunin M. M., Tatchuk M. A. Financial Monitoring (Counter-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism): Textbook. Kaliningrad: Publishing house of Immanuel Kant Baltic Federal University, 2014.* (In Russ.)
20. *Alekseeva D. G. Directions for Improving AML/CFT Legislation. Banking Law, 2021, no. 3.* (In Russ.)
21. Methodological Recommendations for Entrepreneurs 3.0 "What to Do if the Bank Has Restricted Account Transactions" (prepared by the Bank of Russia, Rosfinmonitoring, the Federal Customs Service of Russia, the Presidential Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights, the National Financial Monitoring Service). Bank of Russia: website. URL: <http://www.cbr.ru> (accessed: 18.12.2023). (In Russ.)
22. *Alekseeva D. G. "Waiver" Powers of Banks with Respect to Suspicious Client Transactions: Issues of Compliance with Private and Public Interests. Banking Law, 2018, no. 4.* (In Russ.)
23. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 2007, no. 41, art. 4849.* (In Russ.)
24. *Kuznetsov E. N. Improving the Legislation on Enforcement Proceedings as a Way to Enhance the Efficiency of the Enforcement Mechanism. Herald of Civil Procedure, 2024, vol. 14, no. 4.* (In Russ.)
25. *Rasskazova N. Iu. The Concept of Monetary Funds. Law, 2024, no. 9.* (In Russ.)
26. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 18, 2024 No. 305-ES24-5098 in Case No. A40-76579/2023 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
27. *Melekhin A. V. Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Market DS, 2007.* (In Russ.)

28. Federal Law of July 10, 2002 No. 86-FZ "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 28, art. 2790. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. Г. Алексеева – доктор юридических наук.

Information about the authors:

D. G. Alekseeva – Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 20.09.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-63-74>

СТАНДАРТЫ ПРИРОДООХРАНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Анна Саламуевна Алихаджиева

Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС, 410012,
Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г 2

ranitta@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обоснована тем, что современная наука, экономика и политика государств объединились для создания устойчивого будущего, балансируя между потребностями общества, его здоровьем, коммерческой прибылью и экологическим равновесием. Целью исследования является научное осмысление и анализ важности экологических стандартов как средства сдерживания отрицательного воздействия на окружающую среду и минимизации экологически неблагоприятных рисков. Методологию составили диалектический метод, общенаучные и специально-юридические методы. Автор приходит к выводу, что природоохранный эффект через экостандарты должен быть достигнут, если развивать экологический менеджмент, поддерживать предприятия, для которых новые экологические штампы вызывают затруднения, оказывать государственную поддержку в переоборудовании и внедрении новейших технологий в производственные процессы, ввести нормативы экологической сертификации, детализировать обязанности по соблюдению природоохранных требований потребителей. Полученные выводы позволяют более широко взглянуть на стандарты в экологии, закладывают основу для дальнейших доктринальных исследований и формирования обновленной экоправовой системы России.

Ключевые слова: окружающая среда; государство; стандарты; экологическое благополучие; законодательство; экологическая политика; экологическое управление; государственная поддержка; экологичные технологии.

Для цитирования: Аликхаджиева А. С. Стандарты природоохраны как инструмент достижения экологического благополучия // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 63–74. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-63-74>

Research Article

ENVIRONMENTAL PROTECTION STANDARDS AS A TOOL FOR ACHIEVING ENVIRONMENTAL WELL-BEING

Anna S. Alikhadzhieva

Volga Institute of Management – Branch of the Russian Academy
of National Economy, 164, Bldg. 2 Moskovskaia St., Saratov, 410012, Russia
ranitta@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research is justified by the fact that modern science, economics and state policy have combined to create a sustainable future, balancing the needs of society, its health, commercial profit and environmental balance. The purpose of the research is to scientifically comprehend and analyze the importance of environmental standards as a means of curbing negative environmental impacts and minimizing environmentally adverse risks. The methodology consists of the dialectical method, general scientific and special legal methods. The author comes to the conclusion that the environmental effect through eco-standards should be achieved if environmental management is developed, enterprises for which new environmental stamps cause difficulties are supported, government support is provided for retrofitting and introducing the latest technologies into production processes, environmental certification standards are introduced, and obligations to comply with environmental requirements of consumers are detailed. The findings allow us to take a broader look at environmental standards, lay the foundation for further doctrinal research and the formation of an updated environmental legal system in Russia.

Keywords: environment; state; standards; environmental welfare; legislation; environmental policy; environmental management; state support; environmentally friendly technologies.

For citation: Alikhadzhieva A. S. Environmental Protection Standards as a Tool for Achieving Environmental Well-Being. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 63–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-63-74>

Введение

Стандартизация в экологической сфере играет важную роль. Стандарты служат мерилom качества окружающей среды, с одной стороны, и, с другой стороны, рассматриваются как необходимое средство регулирования отношений в области рационального природопотребления и обеспечения экологического равновесия. Российская Федерация и мировое сообщество проводят огромную работу по стабилизации и поддержанию природной среды. Обеспечение экологического благополучия – одна из задач государственной политики в области экологии. В России в 2025 г. стартовал Национальный проект «Экологическое благополучие», реализация которого предполагает обеспечение сохранности природных систем, рост качества жизни, улучшение здоровья населения, повышение рождаемости, развитие территорий природоохранного значения, обустройство городской среды. До конца 2030 г. – периода реализации национальной цели улучшения экологической составляющей планируется потратить порядка 800 млрд руб. К 2036 г. в России планируется обеспечить сокращение выбросов загрязняющих веществ вдвое, достигнуть технологического суверенитета в биоэкономике, а благодаря поддержке Фонда экологических и природоохранных проектов компании, запускающие экологические инициативы, станут более привлекательными для аудитории и эко-ответственными. Средством сохранения экологического равновесия выступают нормативы качества окружающей среды и экологические стандарты – требования закона, регулирующие воздействие на экосистему. Экологические стандарты, федеральные, региональные, городские и корпоративные, основаны на общеправовых принципах защиты конституционного права на жизнь и благоприятную окружающую среду, научно обоснованном сочетании экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства, а также на принципах независимости надзора и презумпции экологической опасности, ответственности, общественной участливости, международной солидарной ответственности и сотрудничества в области охраны окружающей среды и природопользования. Отсутствие экономических рычагов воздействия на предприятия в целях проведения сертификации значительно ухудшает реальное восприятие состояния окружающей среды, позволяя избегать ответственности производителей и номинально следовать экологическим нормативам и правилам.

Актуальные вопросы реализации стандартов охраны окружающей среды как инструмента достижения национальной идеи обеспечения экологического благополучия

1. Правотворческий процесс на уровне национального и международного законодательства в природоохранной области значительно ускорился. Модернизировалась природоресурсная нормативно-правовая база, сформировавшаяся в 1990-е гг., произошла переоценка недостатков и пробелов правовых предписаний в сфере обращения с отходами, лесовосстановления, рекреации, энергосбережения и т.д. Все чаще экологические стандарты модифицируются по инициативе природоохранных ведомств ввиду глобальных вызовов, таких как изменение климата, загрязнение атмосферы, истощение и исчезновение природных ресурсов. Государственная политика в области оздоровления и оживления утраченных полез-

ных свойств природных объектов нацелена не только на сохранение природных комплексов, но и на создание благоприятных условий для жизнедеятельности человека. Стратегические документы в области устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности указывают на значимость защиты здоровья человека, вынужденно проживающего в промышленных зонах, на территориях с повышенной антропогенной нагрузкой. Основным закон страны, модернизированный в 2020 г., содержит как минимум несколько значимых законодательных положений, обязывающих как государство, так и производителя относиться к экологии обстоятельно и, в случае нарушения установленных правил, нормативов, регламентов, нести ответственность, несмотря ни на какие обстоятельства. Конституционные экологические стандарты предусмотрены в ст. 9, 36, 41, 42, 58, 71, 72, 114 Основного закона. Кроме того, Конституция РФ закрепляет общее правило для всех участников общественных экологических правоотношений – обязательность соответствия и исполнения положений (правил), предусмотренных текущим отраслевым законодательством [1]. Пункт 81 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации гласит: «Сохранение отвечающим экологическим стандартам качества атмосферного воздуха и воды, рекультивация нарушенных земель, экологическая реабилитация территорий и водных объектов, увеличение площади лесовосстановления, ликвидация накопленного вреда окружающей среде являются обязательными условиями для улучшения качества жизни в Российской Федерации» [2]. Одной из угроз экономической безопасности по смыслу п. 12 подп. 25 разд. II. «Вызовы и угрозы экономической безопасности» Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года следует считать «установление избыточных требований в области экологической безопасности и рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления» [3]. Соответственно, пишет И. О. Краснова, «перед правовым и финансовым обеспечением экологической безопасности возникают экономические ограничения, которые еще предстоит интегрировать в экологическую политику и право» [4, с. 41].

В 2025 г. законодательство в сфере экологической стандартизации значительно трансформировалось, особенно изменения коснулись стандартов по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Ужесточение стандартов в отношении промышленных выбросов обусловлено агрессивной нагрузкой на природную систему; значительно усилился контроль за деятельностью предприятий-загрязнителей. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2024 г. № 1290 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 года № 492» был утвержден размер ставок, по которым вносится плата за негативное воздействие на окружающую среду в 2024 и 2025 гг. [5]. Плата за негативное воздействие на окружающую среду призвана гарантировать компенсацию утраченных полезных свойств природных объектов. Средства, поступившие в региональные и федеральные бюджеты в качестве платы за вред экологии, должны направляться исключительно на экологические мероприятия и проекты по оздоровлению окружающей среды. Плата за негативное воздействие на окружающую среду остается обязательным платежом для большинства российских предприятий. По официальным данным, «в 2025 г. в России будет зарегистрировано от 10 до 15 тыс.

экологических преступлений. В 2024 г. Росприроднадзор выявил 30 тыс. экологических нарушений, что привело к поступлениям в бюджет в размере 32,5 млрд руб., что на 30% превысило прогнозные ожидания. На конец мая 2025 г. Росприроднадзор выявил 1471 нарушение в области экологии на 132 очистных сооружениях в ходе проверок результатов федерального проекта «Оздоровление Волги» [6]. Кроме того, все чаще Росприроднадзор составляет протоколы об административных правонарушениях за неуплату экологических платежей. Сборы в сфере природопользования предполагают начисление пени в случае нарушений сроков, чтобы стимулировать должников к скорейшему погашению задолженности. В случае возникновения споров с органами контроля инспекторы инициируют иски в суд, а статистика исков за последние годы показывает, насколько часто предприятия нарушают процедурные правила и сроки внесения платы за антропогенное воздействие на окружающую среду.

2. С 2023 г. на территории Российской Федерации действует национальный стандарт – ГОСТ Р 70805-2023, который устанавливает «методику (алгоритм) расчета массового выброса от организованных источников для программного обеспечения автоматических измерительных систем контроля загрязняющих веществ в промышленных выбросах» [7]. Правила применения указанного стандарта установлены в ст. 26 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [8]. Кроме того, с начала марта 2025 г. на территории страны введены в действие 16 экологических стандартов, обязательных для исполнения всеми потенциальными потребителями. Требования к экологической безопасности реализуются посредством системы мониторинга и контроля за исполнением природоохранных стандартов предприятиями. Эксперимент, проводимый в рамках национального проекта «Чистый воздух», выявил отдельные недостатки у предприятий в выполнении новых стандартов. Оказалось, что большинство хозяйствующих субъектов технически не были готовы к реализации предписаний, предусмотренных законодательством в области экологической стандартизации. Устаревшее оборудование, отсутствие альтернативных технических средств, а также доступных технологий для качественного снижения (либо не допускающих превышение установленных лимитов) воздействия на окружающую среду продемонстрировали неготовность предприятий к выполнению строгих нормативов. Более логично адаптирован под такие условия Национальный проект «Экологическое благополучие», реализация которого запланирована на ближайшие 10 лет. Целесообразно поэтапно реализовывать систему контроля и введения в производство экологических стандартов с целью получения наилучшего результата устойчивой окружающей среды. Сокращение антропогенного фактора в регионах и на отдельных предприятиях осуществимо в случае учета материальной базы, экономических возможностей и технического состояния предприятий; государственная поддержка предприятиям, не способным обновить технические ресурсы, должна осуществляться со стороны местных властей. Более того, региональное законодательство важно адаптировать к общефедеральным природоохранным требованиям, логично послабление для предприятий, которые не способны за счет получаемой прибыли решить природоохранные задачи. Сократить выбросы загрязняющих веществ

в окружающую среду до 50%, как это запланировано в нацпроекте обеспечения экологического благополучия, вполне реально, если нормативы будут совпадать с региональными особенностями и будут ориентироваться на экономическую ситуацию в стране. Корректировка квот и по необходимости снижение ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду в промышленных регионах помогут предприятиям финансово, простимулируют их сокращать вредное воздействие на природу, использовать чистые технологии. В дальнейшем по результатам мониторинга будет актуально применение к предприятиям, не следовавшим таким уступкам, со стороны государства более строгих мер принудительного характера за безответственное отношение к экологическим предписаниям. Так, с 1 июля 2025 г. введена административная ответственность за непредставление или несвоевременное представление отчета о выбросах парниковых газов (ст. 19.7.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях) [9].

3. При разработке проекта обеспечения экологического благополучия до 2026 г. Президент РФ Владимир Путин определил целевые показатели и задачи для национальной цели достижения устойчивого развития и экологического равновесия. Для обеспечения благоприятной окружающей среды в настоящее время используются не только общеправовые методы урегулирования экологических отношений, но и новейшие технологии, обеспечивающие реализацию экологических стандартов, в их числе: искусственный интеллект, беспилотные летательные препараты, дистанционное зондирование, цифровой двойник, федеральные информационные системы, цифровые платформы и многое другое. Положительным является то, что с недавнего времени в нашей стране наблюдается повышенный интерес компаний к экологической сертификации. Многие крупные проекты сертифицированы и зарегистрированы под международные экологические стандарты, потому что западные страны, крупные заказчики оказывают регулярное давление на производителей по всему миру по части соблюдения и расширения регулирования *ESG*. Повышенный спрос на *ESG* вынуждает компании следовать принципам устойчивого развития. В условиях жесткой конкуренции невыгодно иметь низкий *ESG*-рейтинг. Российские компании продолжают искать баланс между национальными стандартами, экономической устойчивостью и *ESG*-инициативами. Как отмечено в абз. «в» п. 22 Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, «при решении задачи развития международного сотрудничества в области охраны окружающей среды используются механизмы внедрения международных экологических стандартов, систем подтверждения соответствия экологическим требованиям, приведение их в соответствие с международными системами» [10]. По оценкам специалистов, наиболее динамичное развитие *ESG*-практик замечено за предприятиями финансового сектора и предприятиями из сегмента *IT*: их отличают наименьший экологический след и высокая адаптивность к принципам устойчивого развития. Систематическое ужесточение санкций и модернизация системы экологической стандартизации свидетельствуют о том, что Россия взяла курс на экологическое развитие и проводимая государственная политика в этой сфере сосредоточена как на поддержании природного благополучия, так и на защите права каждого на здоровую окружающую среду.

4. Природоохранительная функция государства, согласно действующему законодательству, осуществляется во исполнение норм, правил, стандартов и в соответствии с планом действий, сформированным в многочисленных программах и проектах, законах. Принципы экологической политики названы в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», для всех участников экологических правоотношений они расцениваются как базовые экологические императивы [11]. К сожалению, развитию стратегии экологической ориентации препятствуют фрагментарность и разобщенность некоторых законодательных положений в области охраны окружающей среды, слабое финансирование и нереальность в регионах на местах создавать благоприятные экологические условия для обеспечения жизнедеятельности населения. До сих пор действуют некоторые устаревшие стандарты, которые неактуальны, потому что не обеспечивают должной защиты от угроз природного и техногенного характера. Отставание от современных технологий, нереальность их использования в силу нехватки материальных ресурсов, дублирование контрольно-надзорных полномочий, бюрократические барьеры, неупорядочивание вопросов в сфере экологического аудита, сертификации, отсутствие экологического менеджмента становятся причинами ухудшения экологической обстановки в стране и регионах.

5. Требования охраны природы и рационального использования ресурсов – очевидные условия обеспечения устойчивого развития. Представляется, что природоохранные стандарты могли бы обеспечить наилучший результат в деле защиты природы при условии развития экологического менеджмента на производстве. К 2030 г. организация безопасных производственных процессов будет носить комплексный характер. Всесторонняя проверка предприятия по всем требованиям законодательства позволит сформировать реальную картину об экологическом состоянии предприятия, включая деятельность компании, ее проекты и взаимодействие с окружающей средой. Производственные комплексы, следующие современным технологиям, демонстрируют, что производитель действует по правилам, экологически дисциплинирован, блюдет нормативы по качеству окружающей среды, а его экологический имидж привлекает клиентов и партнеров. Основная цель экологического менеджмента состоит в сокращении воздействия на окружающую среду таким образом, чтобы минимизировать ущерб и риск возникновения ответственности предприятия. М. А. Егорова считает, что «несмотря на осведомленность в части экологических стандартов российских компаний, имеются проблемы развития экологического менеджмента в России: узкое экологическое понимание деятельности предприятий и обнаружения систем экологического менеджмента, недопонимание преимуществ экологических стандартов; недостаточный общий менеджмент и низкая правовая культура на предприятии; плохая информированность в отношении повышения конкурентоспособности посредством стандартов экологического менеджмента; недопонимание повышения качества изменений в подходах к решению экологических проблем; отсутствие совершенных нормативных мер экономического стимулирования внедрения экологических стандартов» [12, с. 14]. Подобная точка зрения объективна, потому что практика показывает, что российские компании попросту не готовы к внедрению системы экологичес-

кого менеджмента. Возникает вопрос: достаточно ли внимания уделяется их антропогенной деятельности? Отмечается низкая вовлеченность персонала в данную систему, наблюдается недостаток образования, отсутствие профессиональных навыков, кадровый голод, например, в области обеспечения экологической безопасности, в целом недопонимание сути и предназначения экологических стандартов, отсутствие стимулирующих механизмов внедрения инновационной деятельности. Все это свидетельствует о наличии проблем, которые препятствуют развитию инноваций в области стандартизации. Отрицательные результаты в сфере охраны окружающей среды обусловлены также поверхностными формулировками нормативной базы в сфере экологического управления.

6. Неурегулированность накопившихся проблем демонстрирует важность контроля за соблюдением правил и установок в сфере природоохраны. Очевидно также, что поддержка зеленой экономики и развитие зеленого предпринимательства в Российской Федерации давно пора рассматривать как средство наиболее успешного выполнения природоохранных императивов. Для реализации названных направлений по обеспечению экологического развития необходимо не только заботиться об окружающей среде и ее сохранении, но и предотвращать негативные последствия посредством профилактических мер, экономического стимулирования производства, применяя новейшие технологии. В настоящее время государственная поддержка экологического бизнеса выражается в субсидировании процентных ставок: государство компенсирует затраты на приобретение оборудования, оплату услуг работников (персонала), аренду помещений. Особенно ощутимо финансовое содействие регионам с наибольшими показателями образования твердых коммунальных отходов, но не готовым материально и технически к реализации национальных проектов и программ по улучшению качества окружающей среды. Стоит отметить, что, несмотря на сложное положение, многие предприятия, функционирующие еще с конца прошлого века, оперативно обновили оборудование, руководствуются принципами рационального использования и успешно реализуют цели, обозначенные в федеральном проекте экономики замкнутого цикла. До 2030 г. государство планирует выделять денежные средства на развитие инфраструктуры в регионах для обустройства площадок размещения и переработки твердых коммунальных отходов. Поддержка осуществляется в рамках реализации положений национального проекта по обеспечению экологического благополучия и реализации национальной идеи создания благоприятной окружающей среды. Однако программы господдержки в сфере охраны окружающей среды сталкиваются с некоторыми проблемами, и речь идет не только о дефицитах местных бюджетов или нецелевом использовании средств. В числе проблем – невладение альтернативными источниками финансирования экологических инициатив, изношенность предприятий, законодательные меры в этой сфере отличаются пробельностью или вообще отсутствием нормативных актов, регулирующих подобные вопросы. Например, существуют безусловные сложности в реализации института расширенной ответственности производителей. При этом законодательство не предусмотрело дополнительных источников финансирования для создания системы обращения с отходами, а корпоративный сектор просто блокирует все инициативы,

связанные с развитием института ответственности производителя. В целом наблюдается много противоречий во взаимоотношениях института расширенной ответственности и системы обращения твердых коммунальных отходов, трудности в вовлечении вторсырья из твердых коммунальных отходов в оборот, а по некоторым категориям отходов такого класса вообще нет конкретных нормативных требований, регламентирующих сферу обращения с отходами. Отсутствие унифицированных экологических стандартов обращения с отходами наталкивает на мысль о том, насколько самая уязвимая для экологии сфера урегулирована природоохранным законодательством. Названные противоречия и несостыковки препятствуют работе уполномоченных органов власти, призванных решать экологические задачи. Статусный разрыв, чрезмерная нагрузка и отсутствие механизмов сотрудничества между органами государственной власти федерального уровня, органами исполнительной власти субъектов РФ и муниципальными органами не позволяют в полной мере и объективно оценить состояние окружающей среды. Как и ранее, сохраняются противоречия между государственной и региональной экологической политикой: если в первом случае акцент делается на развитии экономического сектора, то во втором – экологические интересы считаются наиболее приоритетными. Интересы различных ведомств, подразделений и порой отдельных служащих органов власти могут существенно различаться.

7. Еще одним не менее важным критерием реализации стандартов природоохраны является применение зеленых технологий. Они способствуют снижению отрицательного воздействия производства на экологию. Существует множество примеров внедрения новейших технологий в производственный цикл, успешно апробированных во многих зарубежных странах. Зеленое строительство для России – относительно новое явление, но уже сейчас, по оценкам специалистов, оно приносит положительные результаты. Так, использование энергоэффективных решений в городской среде заметно снижает уровни загрязнения и минимизирует нагрузку на окружающую среду. Для обеспечения устойчивого будущего потребуются провести колоссальную работу в направлении развития и применения инновационных технологий в различных отраслях народного хозяйства. Чем быстрее прогрессирует производство, тем больше возникает потребность в ресурсах и тем больше образуется отходов. Компромисс между экономическими и экологическими интересами, а также приверженность правилам сохранения биологического разнообразия, поддержанию качества атмосферного воздуха и нормального состояния водных бассейнов можно достичь, вкладывая средства в развитие и применение альтернативных источников защиты природной системы. Зеленые технологии обязательно должны применяться в строительстве, транспортной сфере, сфере обращения отходов и т.д. В данный момент в связи с реализацией национальных проектов в России динамично внедряются экологически безопасные технологии. Безусловно, еще многое предстоит сделать, и начинать нужно с таких проблемных факторов, как первоначальные затраты, повышение профессиональной грамотности сотрудников, развитие новой инфраструктуры и прогнозирование. Появление новых технологий всегда обусловлено возникновением новых потребностей общества. Долгое время считалось, что при снижении потребительской активности эко-

логические проблемы решаются сами собой и государству придется только следить за поддержанием нормального состояния природных комплексов. Опыт показал, что системное ресурсосбережение меняет ситуацию и при этом нередко пагубно влияет на экологию. Необходимо помнить, что социальный фактор всегда преобладает над экологоохранным. Правительство РФ постепенно внедряет экологически чистые стандарты во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Однако введение новых требований, а также появление новейших экологических технологий порождает проблемы другого характера, и решать их предстоит профессионально, грамотно и в какой-то степени осторожно – государству, бизнесу и обществу, – чтобы сохранить экологическую стабильность для нынешних и будущих поколений. У любого явления есть свои положительные и отрицательные стороны, и если зеленые технологии действительно смогут изменить кризисную ситуацию в лучшую сторону, то начинать нужно с формулировки базовых законодательных положений, регламентирующих в первую очередь обязанности государства и непосредственно производителей. Ответственность должна быть предельно прозрачной и исключительной. Состояние законности в экологической сфере зависит от того, как реализуется природоохранное и текущее законодательство. Поддержание экологического правопорядка на достаточно высоком уровне напрямую зависит от комплекса мероприятий по обеспечению экологической безопасности в целом. Если все природоохранные регламенты и стандарты, принятые государством в части разумного природопользования, реализуются, то смело можно сказать, что экологическая реформа удалась, а национальная цель обеспечения экологического благополучия благодаря им достигнута в полной мере.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что повсеместное внедрение и тотальный контроль за соблюдением экологических нормативов способны навести порядок в сфере агрессивного экологопотребления. При этом природоохранные стандарты должны быть посильными для современной национальной экономики с учетом стремительно протекающих глобализационных процессов, не вредить человеку, бизнесу и государству. Экологическая стандартизация – это о балансе интересов, а не о столкновении экономики и экологии, о экологических технологиях, экологическом образовании и общественном участии. Только взаимное желание решать глобальные задачи обеспечения экологичного будущего нашего государства может дать положительный эффект. Опыт показал, что ужесточение налоговых обременений и увеличение штрафных санкций лишь усугубляют состояние окружающей среды и, вероятно, препятствуют развитию предпринимательского сектора.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
4. *Краснова И. О.* Политико-правовые акты в регулировании экологических отношений // Экологическое право. 2018. № 4.
5. Постановление Правительства РФ от 17 апреля 2024 г. № 492 «О применении в 2024 и 2025 годах ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду» // СЗ РФ. 2024. № 17. Ст. 2345; 2024. № 40. Ст. 5980.
6. Росприроднадзор выявил 30 тыс. экологических нарушений в 2024 году // Neftegaz.RU : сайт. URL: <https://neftgaz.ru/news/ecology/890679/rosprirrodnadzor-vyyavil-30-tys-ekologicheskikh-narusheniy-v-2024godu/?ysclid=md0htu3kg7265101205> (дата обращения: 12.07.2025).
7. ГОСТ Р 70805-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Автоматические измерительные системы для контроля выбросов загрязняющих веществ. Методика расчета массового выброса (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 25 сентября 2023 г. № 952-ст). М. : ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.
8. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953; 2021. № 1. Ст. 62.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
10. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2023. № 51. Ст. 9155.
12. *Егорова М. А.* К вопросу о некоторых правовых проблемах внедрения экологических технологий промышленного производства и экологических стандартов в России и в странах ЕС и их значении для предпринимательской деятельности // Юрист. 2022. № 5.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). *Rossiiskaia Gazeta*, December 25, 1993, No. 237; *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27, art. 5351. (In Russ.)
3. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2017, no. 20, art. 2902. (In Russ.)

4. Krasnova I. O. Political and Legal Acts in Regulating Environmental Relations. *Environmental Law*, 2018, no. 4. (In Russ.)

5. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 17, 2024 No. 492 "On the Application of Rates of Payment for Negative Impact on the Environment in 2024 and 2025". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 17, art. 2345; 2024, no. 40, art. 5980. (In Russ.)

6. Rosprirodnadzor identified 30 thousand environmental violations in 2024. URL: https://neftegaz.ru/news/ecology/890679_rosprirodnadzor-vvyavil-30-tys-ekologicheskikh-narusheniy-v-2024godu/?ysclid=md0htu3kg7265101205 (date of the application: 12.07.2025). (In Russ.)

7. GOST R 70805-2023. National Standard of the Russian Federation. Automatic Measuring Systems for Monitoring Pollutant Emissions. Methodology for Calculating Mass Emissions (approved and put into effect by Order of Rosstandart of September 25, 2023, No. 952-st). Moscow: Federal State Budgetary Institution "Institute of Standardization", 2023. (In Russ.)

8. Federal Law of June 29, 2015 No. 162-FZ "On Standardization in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 27, art. 3953; 2021, no. 1, art. 62. (In Russ.)

9. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1, art. 1. (In Russ.)

10. Fundamentals of State Policy in the Field of Environmental Development of the Russian Federation for the Period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 2, art. 133; 2023, no. 51, art. 9155. (In Russ.)

12. Egorova M. A. On Some Legal Problems of the Implementation of Environmental Technologies of Industrial Production and Environmental Standards in Russia and in the EU Countries and Their Significance for Entrepreneurial Activity. *Jurist*, 2022, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. С. Алихаджиева – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. S. Alikhadzhieva – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 12.07.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 12.07.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-75-83>

ПОДОХОДНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В РОССИИ И В СТРАНАХ БРИКС: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

Земфира Мухарбиевна Казачкова¹

Владислав Анатольевич Казаков²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ zem7900@yandex.ru

² director@vladkazakov.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ подоходного налогообложения в Российской Федерации и в странах БРИКС, раскрывается актуальность реформирования налоговой системы и используемых механизмов в условиях геополитических вызовов. Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных черт правового регулирования налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и определении направлений гармонизации налоговых систем. Методология анализа – совокупность методов формальной и диалектической логики, в том числе анализ, синтез, индукция, дедукция, а также применение специальных методов юридической науки, таких как сравнительно-правовой, историко-правовой и системный методы, позволяющие в единстве обобщить правовые режимы подоходного налогообложения в странах БРИКС, выявить их возможное влияние на построение оптимальных моделей подоходного налогообложения, в том числе в Российской Федерации. Научная новизна выражается во введении в анализ оригинальной литературы, в исследовании новейших данных о моделях подоходного налогообложения в странах БРИКС и в экстраполяции оптимальных и эффективных зарубежных практик. В результате исследования сформулированы выводы об общих и специфических направлениях развития моделей подоходного налогообложения в группе стран БРИКС.

Ключевые слова: подоходное налогообложение; налог на доходы физических лиц; резидент; нерезидент; налоговое администрирование; налоговая ставка; налоговые льготы.

Для цитирования: Казачкова З. М., Казаков В. А. Подоходное налогообложение в России и в странах БРИКС: опыт сравнительно-правового анализа // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 75–83. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-75-83>

Research Article

INCOME TAXES IN RUSSIA AND IN THE BRICS COUNTRIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Zemfira M. Kazachkova¹

Vladislav A. Kazakov²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

¹ zem7900@yandex.ru

² director@vladkazakov.ru

Abstract

The article provides a comparative legal analysis of income taxation in the Russian Federation and the BRICS countries and highlights the relevance of reforming the tax system and the mechanisms used in the context of geopolitical challenges. The purpose of the study is to identify the common and distinctive features of the legal regulation of personal income tax (PIT) and determine the directions for harmonizing tax systems. The analysis methodology is a combination of formal and dialectical logic methods, including analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as the use of special methods of legal science, such as comparative legal, historical legal, and systemic methods, which allow for a comprehensive analysis of the legal regimes of income taxation in the BRICS countries and their potential impact on the development of optimal income taxation models, including in the Russian Federation. The scientific novelty is expressed in the introduction of original literature into the analysis; in the study of the latest data on income taxation models in the BRICS countries; and in the extrapolation of optimal and effective foreign practices. As a result of the study, conclusions were formulated on the general and specific directions of development of income taxation models in the BRICS group of countries.

Keywords: income taxation; personal income tax; resident; non-resident; tax administration; tax rate; tax benefits.

For citation: *Kazachkova Z. M., Kazakov V. A. Income Taxes in Russia and in the BRICS Countries: Comparative Analysis. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 75–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-75-83>*

Введение

Налоговая система любого государства – это совокупность не только различных налогов и сборов, но и специфических законов и правил. Благополучие любого государства базируется на устойчивой налоговой системе, обеспечивающей стабильное и рациональное поступление налоговых доходов.

Как известно, группа «БРИК» была создана в 2006 г., объединив Бразилию, Россию, Индию и Китайскую Народную Республику (КНР). После присоединения Южно-Африканской Республики (ЮАР) в 2010 г. название группы было изменено на «БРИКС». Целью этого альянса изначально является обеспечение единства и создание мощного противовеса экономическому и политическому доминированию стран Северной Америки и Западной Европы. В январе 2024 г. страны БРИКС приветствовали стремление Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ войти в альянс. Расширенная группа становится серьезной силой, контролируя большую часть мировых ресурсов, населения, устанавливая новые правила в системе мирового финансового правопорядка.

Цель данной статьи – исследовать возможности налоговых систем государств, входящих в данную интеграцию, выстроить взаимовыгодное сотрудничество, в том числе в налоговой сфере. В рамках статьи предполагается провести сравнительно-правовой анализ налоговых систем.

Подходный налог – уникальный инструмент мобилизации ресурсов, доступный любому государству. Растущая интернационализация экономик БРИКС обусловила необходимость разработки налоговой политики в каждой стране с учетом не только внутренних, но и внешних факторов.

Изучение подходного налогообложения в странах БРИКС – это кратчайший путь исследования всей системы прямого налогообложения в этих странах, выявления особенностей временных и нормативных рамок построения наиболее приемлемых моделей налогообложения.

1.1. Хронология становления и развития подходного налога в странах БРИКС: сравнительно-исторический анализ

Налоговая система – это база существования любого государства. Стабильность власти напрямую зависит от готовности населения платить налоги [1, с. 345]. В специальной литературе уже сложилась тенденция рассмотрения подходного налогообложения в единстве с проблематикой социального страхования, ведь налоги и страховые взносы формируются в неразрывном единстве правовых и экономических императивов [2, р. 1–10].

Институциональная история данного налога различна в странах БРИКС и по хронологии, и по правовой структуре налога в различных юрисдикциях.

Так, в Бразилии с 1822 г. (года обретения независимости) постоянно предпринимались попытки ввести подоходный налог. Первое соглашение было достигнуто 21 октября 1843 г. в соответствии с Законом № 317, в котором были подсчитаны расходы и доходы на 1843, 1844 и 1845 гг. Был установлен прогрессивный налог на государственную казну, действовавший в течение двух лет. После этого подоходный налог стал временной мерой сбора.

Закон о подоходном налоге был официально принят в 1922 г. в соответствии со ст. 31 Закона № 4.625: устанавливался общий подоходный налог, который ежегодно уплачивается каждым физическим и юридическим лицом, проживающим или не проживающим в стране, и взимался с совокупного чистого дохода из любого источника [3].

Данная модель в целом сохраняет свое влияние. Система налоговых вычетов пока еще чрезвычайно проста: лица, зарабатывающие менее двух минимальных заработных плат, не обязаны платить НДФЛ. Бразильцы, проживающие за рубежом, но получающие налогооблагаемый доход в Бразилии, также обязаны платить данный налог.

Хронология современной правовой конструкции подоходного налога в ЮАР, напротив, насчитывает чуть более двух десятилетий. Этот подход состоит в том, что доход облагается налогом в стране его происхождения. В налоговой системе ЮАР, как и в Российской Федерации, применяется принцип резидентства.

Отправной логической точкой возникновения налоговых обязанностей является то, что, независимо от резидентства, любое лицо, получающее доход в стране, должно вносить свой вклад в расходы на оказание государственных услуг в этой стране. Это изменение было направлено на то, чтобы приблизить ЮАР к международно-признанным налоговым принципам и нейтрализовать схемы уклонения от уплаты налогов.

С 2001 г. резиденты облагаются налогом на свой доход независимо от того, в какой стране он получен, в то время как нерезиденты облагаются налогом только на доход, полученный из внутренних источников. Это освобождение от уплаты налога вступило в силу 1 января 2001 г. [4].

Хронологические рамки подоходного налогообложения в Индии – это два мощных исторических отрезка, насчитывающих более 160 лет. Первый связан с периодом колониального прошлого Индии вплоть до обретения независимости в 1947 г., а главное, принятия Конституции Индии 1950 г. [5].

Подоходный налог в Индии впервые был введен в 1860 г. Впоследствии неоднократно вносились изменения в ответ на финансовые трудности и растущие военные бюджеты [5].

Закон о подоходном налоге Индии был принят в 1961 г. В этот Закон неоднократно вносились различные поправки. Правительство Индии издавало различные разъяснения, сформировавшие базовую модель налогового администрирования [6].

Вместе с тем в Индии в 2026 г. грянут кардинальные перемены. Кодекс прямого налогообложения Индии (*Direct Tax Code*) 2025 г. заменит Закон о подоходном

налоге 1961 г. и Закон о налоге на имущество 1957 г., внедрив в Индии оптимизированную и модернизированную налоговую систему, которая прояснит правила, расширит налоговые ставки, сократит налоговые вычеты и повысит уровень соблюдения налогового законодательства. Новый Налоговый кодекс консолидирует все законы о прямых налогах в единую структуру, устранил устаревшие льготы и вычеты, расширив налоговую базу, введет механизм урегулирования споров и усилит налоговый аудит.

Налоговый кодекс Индии 2025 г. также построен на признании принципа резидентства, налогообложении дивидендов по ставке 15%, установлении максимальной ставки подоходного налога в 35%.

Таким образом, обновление прямого налогообложения актуально не только для России, но и для Индии [7].

Закон Китайской Народной Республики «О подоходном налоге с физических лиц» был принят на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 10 сентября 1980 г. В Закон неоднократно вносились поправки – в 1993–2007 гг. [8].

28 января 1994 г. Государственный совет КНР издал Положение о подоходном налоге с физических лиц в Китае.

Статья 1 данного Закона устанавливает правило резидентства, связанное с нахождением физического лица на территории КНР. Физическое лицо, находящееся на территории Китая в общей сложности менее 183 дней в течение налогового года, считается нерезидентом, уплачивает налог исключительно с доходов, полученных на территории КНР. Налоговый год начинается 1 января и заканчивается 31 декабря календарного года. Для правовой конструкции данного налога, как правило, характерны следующие элементы: объект налогообложения, налоговая база, налоговая ставка, порядок исчисления, налоговые вычеты и льготы, а также механизм исполнения обязанности по уплате данного налога.

Однако, как мы можем предположить, особенности реализации данного налога во многом зависят от институциональной истории этого налога, от специфики и принадлежности правовой системы.

Самые крупные расхождения наблюдаются в странах БРИКС по вопросам налоговых ставок, в построении систем налоговых вычетов и льгот в различных юрисдикциях. Так, уникальной является система стандартных вычетов по НДФЛ в России; инвестиционные вычеты в КНР, напротив, привлекают внимание во всем мире своей гибкостью, стимулированием развития инновационных технологий. В целом система налоговых вычетов в Российской Федерации является самой развитой в группе стран БРИКС.

Понятно, что противоречивое взаимодействие разнонаправленных процессов и явлений формирует уникальность каждой модели. Именно их соотношение и определяет общую модель налогообложения доходов физических лиц, которая в государствах, входящих в БРИКС, отличается уровнем прогрессии, структурой ставок, наличием специальных режимов и системой льгот.

I. II. Налог на доходы физических лиц в России: современное состояние и тенденции развития

Российская модель налога на доходы физических лиц – уникальная модель, сформированная на максимально широком толковании доходов, подлежащих налогообложению (ст. 41 Налогового кодекса РФ), и детализации экономического анализа выгод, декларируемых налогоплательщиком.

История подоходного налогообложения в нашей стране вписана в историю государства. Так, усиление фискальной функции налога в СССР было связано с нуждами военного бюджета в годы Великой Отечественной войны.

Стимулирующая функция активизировалась в контексте различных экономических реформ. С 2001 г. для отечественной модели характерно постепенное введение прогрессивного метода установления ставок при стагнации периода сохранения базовой ставки 13%, что позволило решить многие вопросы, связанные с правовым воспитанием налогоплательщика в части декларирования и своевременной уплаты налогов, формирования устойчивой привычки исполнять налоговую обязанность в заданном регулятором формате.

Одновременно развивались инструменты налогового администрирования в отношении резидентов, нерезидентов, плательщиков роялти, дивидендов, процентов. Налоговый контроль становился более детальным в отношении различных групп физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, самозанятых, нотариусов, частных адвокатов и т.д.

Однако нынешний этап характеризуется как усложнением самой конструкции НДФЛ, его администрирования, так и большей дифференциацией налогообложения, учитывающей уже пять уровней градации доходов. Это позволяет одновременно сформировать более весомый налоговый доход при направлении части доходов на различные налоговые вычеты и льготы.

Все эти процессы стали возможными на новой технологической основе функционирования данного налога: уникальные цифровые сервисы ФНС России, личный кабинет налогоплательщика, онлайн-кассы, внедрение высокотехнологичных банковских приложений, цифровой налоговый контроль, искусственный интеллект – это инновационные императивы, создающие цифровое налоговое право Российской Федерации.

Вместе с тем процесс цифровизации налогового сектора предопределяет возникновение трудных вопросов в рамках надлежащего обеспечения баланса между эффективностью контроля и соблюдением принципов справедливости, а также соразмерности и защиты персональных данных граждан. Обнаруживаются проблемы массового получения налоговыми органами информации от банковских структур и других организаций, что вызывает вопросы с точки зрения допустимости вмешательства государства в частную сферу и жизнь гражданина. Подобные вопросы возникают и в других юрисдикциях.

II. Сравнительно-правовой анализ моделей подоходного налогообложения в странах БРИКС в контексте экстраполяции тенденций их развития

Проводя сравнительно-правовой анализ систем налогообложения в странах БРИКС, мы видим демонстрацию внушительного спектра вариативности возмож-

ных подходов к установлению налоговых ставок, определению налоговой базы, а также к организации налогового администрирования в зависимости от специфики правовой системы конкретного государства. Действительно, каждое государство индивидуально сформировало свою налоговую систему, опираясь на собственные традиции и историю, учитывая циклы социально-экономического и геополитического развития.

Модель подоходного налогообложения в Бразилии в настоящее время испытывает растущее влияние системных преобразований в налоговой системе, особенно в части развития косвенного налогообложения, реформы моделей НДС и акцизов. Кардинально меняются системы управления и контроля. Внедряются программные решения, созданные для того, чтобы помочь физическим лицам и компаниям повысить эффективность управления своими налоговыми процессами и лучше соблюдать установленные законом налоговые правила. Эти подходы особенно полезны для обеспечения точности, экономии времени и снижения риска человеческих ошибок или несоблюдения требований. Данные инструменты, несомненно, сыграют важную роль в оказании помощи корпоративным налоговым отделам в оптимизации времени и сокращении затрат на переход к новой налоговой системе [9, p. 11–12].

Правительство Индии активно реализует реформу налогового администрирования. Реализовано и внедрено в практику множество важных инструментов: граждане страны благодаря информационной системе получают предварительные налоговые уведомления, масштабные обновления получили электронные сервисы для налогоплательщиков, активно используется принцип *«faceless assessment»*, который подразумевает минимизацию личного контакта гражданина с налоговыми органами. Это значительно снизило коррупционные факторы и повысило доверие граждан по отношению к налоговой системе страны. Налогоплательщикам вскоре придется считаться с системой соблюдения требований в рамках нового режима подоходного налога в Индии.

Центральный совет по прямым налогам подготовил пересмотренные формы и правила подачи налоговой декларации в соответствии с Законом о подоходном налоге 2025 г., что даст предприятиям и физическим лицам достаточно времени для адаптации к этим правилам до вступления нового Закона в силу 1 апреля 2026 г. [10].

Налоговая модель Китайской Народной Республики считается одной из наиболее развитых среди всех стран, входящих в состав БРИКС. Китайское налоговое управление приложило значительные усилия для совершенствования налогового администрирования посредством цифровой модернизации и интеллектуальной трансформации. Используя современные информационные технологии, налоговые органы создали новые платформы, например электронное налоговое бюро, которое позволяет провести онлайн-обработку регистрации в налоговых органах, подачу деклараций, а также контроль своевременности и полноты уплаты обязательных платежей.

Этот цифровой ландшафт позволяет налоговым органам интегрировать данные из различных источников, включая счета-фактуры, банковскую информацию, деловую документацию и таможенные данные.

В налоговой практике Южно-Африканской Республики широко используется механизм прогрессивного налогообложения; максимальная ставка налога на доходы граждан достигает 45%. Вместе с тем налоговая система ЮАР отличается повышенным уровнем транспарентности и развитым институтом налогового омбудсмена, благодаря которому укрепляется механизм защиты прав налогоплательщика. Кроме того, налоговые власти активно ведут борьбу с проблемой теневого сектора, но, несмотря на приложенные усилия и применяемые инструменты (в виде легализации неофициальной занятости населения и расширения налоговой базы), происходит значительное снижение эффективности налоговой политики страны из-за низких показателей в этой области [4, р. 7].

Заключение

Проведенный краткий сравнительно-правовой анализ продемонстрировал наличие множества нюансов налоговых систем крупнейших по территории (Россия), по населению (Индия, Китай), а также государств со спецификой правовых культур, столь разных по институциональной истории, объединенных общей судьбой стран, интегрированных в БРИКС. Вместе с тем даже столь краткий анализ позволяет обнаружить возможности для сотрудничества и обмена информацией в сфере укрепления налоговых систем с опорой на прошлое, настоящее и перспективы развития налоговых систем в части подоходного налогообложения.

Пристатейный библиографический список

1. Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М. : Юстицинформ, 2006.
2. *Hannam J.* What Everyone Needs to Know about Tax: An Introduction to the UK Tax System. Chichester : Wiley, 2017.
3. *Jaiswal K.* A Study of Direct Tax Structure of BRICS Countries // International Journal of Research and Analytical Reviews. 2021. Vol. 8. No. 2.
4. Tax Chronology of South Africa: 1979–2025. Pretoria : National Treasury, 2025.
5. The Constitution of India. New Delhi : Prakash Books India Pvt. Ltd., 2023.
6. *Kapoor S., Singh A.* Development of Indian Tax System: Pre and Post-Colonial Influences // Sage Journals. 2025. Vol. 14. Iss. 3.
7. Direct Tax Code 2025: Implementation Date, Key Changes, Tax Slabs & Expectations // Tax2Win : сайт. URL: <https://tax2win.in/guide/direct-tax-code-2025> (дата обращения: 14.11.2025).
8. Individual Income Tax Law of the People's Republic of China. Laws of the People's Republic of China.
9. Brazil Tax Reform: Insights, Challenges, and Opportunities for Corporate Tax Professionals. New York: Thomson Reuters Institute, 2024.
10. New Income Tax Bill 2025: Date & Key Changes // Tax2Win : сайт. URL: <https://tax2win.in/guide/new-income-tax-bill-2025> (дата обращения: 23.11.2025).

References

1. *Gadzhiev G. A. (ed.). Constitutional Economics. Moscow: Iustitsinform, 2006. (In Russ.)*
2. *Hannam J. What Everyone Needs to Know about Tax: An Introduction to the UK Tax System. Chichester: Wiley, 2017.*
3. *Jaiswal K. A Study of Direct Tax Structure of BRICS Countries. International Journal of Research and Analytical Reviews, 2021, vol. 8, no. 2.*
4. *Tax Chronology of South Africa: 1979–2025. Pretoria: National Treasury, 2025.*
5. *The Constitution of India. New Delhi: Prakash Books India Pvt. Ltd., 2023.*
6. *Kapoor S., Singh A. Development of Indian Tax System: Pre and Post-Colonial Influences. Sage Journals, 2025, vol. 14, iss. 3.*
7. *Direct Tax Code 2025: Implementation Date, Key Changes, Tax Slabs & Expectations. URL: <https://tax2win.in/guide/direct-tax-code-2025> (date of the application: 14.11.2025).*
8. *Individual Income Tax Law of the People's Republic of China. Laws of the People's Republic of China.*
9. *Brazil Tax Reform: Insights, Challenges, and Opportunities for Corporate Tax Professionals. New York: Thomson Reuters Institute, 2024.*
10. *New Income Tax Bill 2025: Date & Key Changes. URL: <https://tax2win.in/guide/new-income-tax-bill-2025> (date of the application: 23.11.2025).*

Сведения об авторах:

З. М. Казачкова – доктор юридических наук, профессор.
В. А. Казаков – аспирант.

Information about the authors:

Z. M. Kazachkova – Doctor of Law, Professor.
V. A. Kazakov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 19.01. 2026.

The article was submitted to the editorial office 24.11.2025; approved after reviewing 14.01.2026; accepted for publication 19.01. 2026.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-84-91>

НЕЗАВИСИМАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, КООРДИНИРУЮЩАЯ РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УПРАВЛЕНИЙ МИНЮСТА РОССИИ

Елена Витальевна Ким

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31

ellion@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что независимая антикоррупционная экспертиза является индикатором наличия гражданского общества в государстве и его качества. Методологию исследования составили диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. В статье представлены выводы о сформировавшихся подходах в отношении проблемы фактической безрезультативности независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, дана их оценка с учетом глубинного смысла привлечения к данной экспертизе граждан. Полученные выводы позволяют определить истинное значение независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления как признака гражданского общества и не пытаться встроить ее в систему формальных стадий данного вида экспертиз.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов); независимый эксперт; юридическая техника; толкование нормативных правовых актов; дискреция; коррупциогенные факторы.

Для цитирования: *Kim E. V.* Независимая антикоррупционная экспертиза проектов региональных и муниципальных нормативных правовых актов: новые тенденции, координирующая роль территориальных управлений Минюста России // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 84–91. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-84-91>

Research Article

INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF DRAFT REGIONAL AND MUNICIPAL REGULATIONS: NEW TRENDS, THE COORDINATING ROLE OF THE TERRITORIAL DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA

Elena V. Kim

Far Eastern Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
31 Gerasimova St., Khabarovsk, 680021, Russia
ellion@mail.ru

Abstract

The article discusses the problems of independent anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation and local governments. The relevance of the study is due to the fact that independent anti-corruption expertise is an indicator of the presence of civil society in the state and its quality. The research methodology was based on dialectical, formal-legal and comparative-legal methods. The article presents conclusions about the established approaches to the problem of the actual ineffectiveness of independent anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts, and their assessment is given, taking into account the deep meaning of involving citizens in this expertise. The findings make it possible to determine the true value of independent anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation and local governments as a sign of civil society and not try to integrate it into the system of formal stages of this type of expertise.

Keywords: anti-corruption expertise of normative legal acts (projects); independent expert; legal technique; interpretation of normative legal acts; discretion; corruption-causing factors.

For citation: *Kim E. V.* Independent Anti-Corruption Expertise of Draft Regional and Municipal Regulations: New Trends, the Coordinating Role of the Territorial Depart-

ments of the Ministry of Justice of Russia. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 84–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-84-91>

Введение

Независимая антикоррупционная экспертиза проекта нормативного правового акта – процесс анализа и оценки проекта нормативного правового акта с целью выявления и предотвращения возможных коррупционных рисков и противоречий с принципами прозрачности, эффективности и ответственности. В соответствии с п. 1 ст. 5 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [1] (далее – ФЗ № 172) *институты гражданского общества и граждане Российской Федерации* (далее – граждане) могут в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Данный вид экспертизы не является обязательным и осуществляется в отношении конкретного нормативного правового акта (проекта), исходя из желания самого независимого эксперта.

Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения установлены постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2], приказом Минюста России от 1 апреля 2010 г. № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований» [3].

ФЗ № 172 определяет непосредственную связь независимой антикоррупционной экспертизы в гражданском обществе и является одним из признаков, подтверждающих его существование.

Организация работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов РФ и уставов муниципальных образований возложена на территориальные органы Минюста России и проводится в соответствии с приказом Минюста России от 1 апреля 2010 г. № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований».

Антикоррупционная экспертиза проводится органами прокуратуры в соответствии с ФЗ № 172, ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4], приказом Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» [5], Методикой проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [2].

При необходимости работник прокуратуры, проводящий антикоррупционную экспертизу, может привлекать экономистов, лингвистов, финансистов и спе-

циалистов иного профиля, которые по результатам исполнения поручения органа прокуратуры по проведению специального экспертного исследования готовят заключение. С конца 2024 г. прокуратура активно привлекает независимых аккредитованных Минюстом России экспертов.

Состояние независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов

На 25 марта 2025 г. Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством РФ [6], включает 482 юридических лица и 3094 физических лица. В Хабаровском крае на 1 января 2025 г. функционируют четыре независимых эксперта из числа физических лиц, включая автора данной статьи.

Под независимостью экспертов понимается отсутствие какого-либо их формально-определенного отношения к нормативному правовому акту, являющемуся предметом экспертизы, или к соответствующему правотворческому органу. Иными словами, независимыми экспертами не могут быть юридические лица и физические лица, принимавшие участие в подготовке (разработке, обсуждении, принятии и др.) проекта правового акта, а также организации и учреждения, находящиеся в ведении соответствующего органа (организации, должностного лица), являющегося автором подлежащего антикоррупционной экспертизе правового акта. В данном случае можно вести речь о возникновении определенного конфликта интересов, не позволяющего эксперту сделать объективные, то есть независимые, выводы.

Аккредитация в качестве независимых экспертов проводится в соответствии с приказом Минюста России от 31 марта 2009 г. № 92 [7]. В настоящее время аккредитацию в Министерстве юстиции РФ на проведение независимой антикоррупционной экспертизы получили, например, региональные отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», общественные палаты субъектов РФ, торгово-промышленные палаты субъектов РФ и муниципальных образований, региональные отделения Межрегиональной общественной организации «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти» и др.

Основной проблемой независимой антикоррупционной экспертизы в настоящее время является низкий процент реального участия аккредитованных экспертов в проведении экспертиз проектов нормативных правовых актов. Ситуация не меняется годами: в 2012 г. на данную проблему указывал С. В. Шаклеин [8, с. 86]; в неизменном виде она сохранилась и на 2025 г. Автор увидел корень проблемы в «надеждах» экспертов на вознаграждение, которые не оправдались, поскольку данная деятельность не просто безвозмездная, но осуществляется за счет собственных средств. Аккредитация в качестве независимого эксперта достаточно проста, поскольку государство заинтересовано в широком доступе граждан к участию в такого рода сознательной деятельности по предотвращению коррупции посредством своевременного исключения из текстов нормативных правовых

актов коррупциогенных факторов. Эксперт при этом демонстрирует свою гражданскую позицию, получает моральное удовлетворение от проделанной работы. Отсутствие квалификационных требований к эксперту дает широкий доступ к аккредитации, но моральное удовлетворение от проведения экспертизы не может получить человек неподготовленный, не способный изучить правовую базу экспертной деятельности, понять суть, содержание, признаки коррупциогенных факторов, на выявление которых экспертиза направлена, поскольку такой эксперт не может качественно выполнить работу. Распространенная на сегодня точка зрения о необходимости профессиональной подготовки независимых экспертов весьма привлекательна, но дискуссионна, поскольку размывается глубинная суть данного института – широкое привлечение граждан к сознательной деятельности по совместной работе с органами публичной власти по подготовке качественных нормативных правовых актов.

Отдельными авторами предлагается автоматизация процесса проведения независимой антикоррупционной экспертизы с опорой на искусственный интеллект (*CorrFinder*) [9, с. 90], что максимально упростит работу экспертов. В условиях цифровизации всех сфер деятельности предложение, безусловно, актуальное. Будет утрачен весь смысл независимой экспертизы как способа вовлечения гражданина в сознательную интеллектуальную деятельность по улучшению качества нормативных правовых актов и как выражения своей гражданской позиции по неприятию коррупции.

Обращает на себя внимание новая тенденция вовлечения независимых экспертов в обсуждение актуальных вопросов антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов субъектов РФ и муниципальных образований посредством включения в рабочие группы, которые формируются по инициативе территориального управления Министерства юстиции РФ (далее – Управление) в составе представителей Управления, прокуратуры, органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и аккредитованных независимых экспертов. Такой формат активно реализуется Управлением Министерства юстиции по Хабаровскому краю и ЕАО. Оптимизация работы Управления с экспертным сообществом создает определенный стандарт для исполнительной власти субъекта РФ и прокуратуры. Прокуратура вовлекает независимых экспертов на основании соглашений о сотрудничестве в проведение антикоррупционной экспертизы на двусторонней основе. Правительство Хабаровского края включает независимых экспертов, аккредитованных Минюстом России, в состав Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Хабаровском крае.

Следует разработать программы подготовки независимых экспертов на базе юридических вузов, в первую очередь Всероссийского государственного университета юстиции и его филиалов, и проводить обучение в интерактивных формах до аккредитации гражданина в качестве независимого эксперта.

Институт независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов) является одним из признаков гражданского общества, доказательством его существования, а также способом проявления гражданского самосознания конкретного человека.

Заключение

Сложившиеся подходы к решению проблемы неучастия аккредитованных экспертов в проведении антикоррупционной экспертизы (АКЭ) проектов нормативных правовых актов можно определить следующим образом:

1) проблема будет решена, если эксперты будут получать вознаграждение за проведение экспертизы;

2) независимая антикоррупционная экспертиза должна осуществляться на профессиональной основе с предварительной сдачей кандидатами экзаменов на знание методики проведения АКЭ;

3) независимые эксперты должны нести ответственность за уклонение от проведения АКЭ, а при ее проведении – за некачественные заключения;

4) проведение АКЭ независимыми экспертами следует автоматизировать с применением программ искусственного интеллекта;

5) независимую АКЭ следует упразднить, поскольку она безрезультатна и только отвлекает от работы органы власти и местного самоуправления.

Предлагаем свою позицию, основанную на практической деятельности в качестве независимого эксперта по проведению АКЭ и многолетнем опыте взаимодействия с территориальным управлением Минюста России по Хабаровскому краю и ЕАО: независимую антикоррупционную экспертизу следует сохранить в имеющемся виде, поскольку именно в таком состоянии, определяющемся широким доступом граждан к осуществлению этой деятельности на безвозмездной непрофессиональной основе, она является индикатором состояния гражданского общества в России, который нужно изучать и делать выводы. Что касается аккредитации в качестве независимого эксперта, то гражданам следует дать возможность пройти обучение по освоению методики проведения АКЭ на основе практико-ориентированного подхода на безвозмездной основе. Такое обучение могут предложить преподаватели филиалов ВГУЮ по всей стране на базе юридических клиник филиалов. В вузах Минюста России методика проведения АКЭ должна изучаться в контексте разных дисциплин, начиная с первого курса. Это связано с тем, что вопросы юридической техники, толкования, сроков, дискреционных полномочий и коррупциогенных факторов уместно рассматривать при решении ситуационных задач в рамках изучения любой отраслевой дисциплины. Вузы Минюста России, во взаимодействии и при координирующей роли территориальных управлений Минюста в субъектах РФ, могут реализовывать данное направление подготовки студентов и, одновременно, правового просвещения населения. Следует развивать и далее наработанные механизмы взаимодействия управлений Минюста России, прокуратуры, органов власти субъектов РФ и независимых аккредитованных экспертов. Это предполагает включение названных субъектов в рабочие группы, комитеты по борьбе с коррупцией, а также участие в конференциях разных уровней и форматов по тематике проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 20 апреля 2024 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Минюста России от 1 апреля 2010 г. № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 мая 2024 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Генпрокуратуры РФ от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (дата обращения 02.05.2025).

7. Приказ Минюста России от 31 марта 2009 г. № 92 «Об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность» // СПС «КонсультантПлюс».

8. *Шаклеин С. В.* Проблемы развития независимой антикоррупционной экспертизы // *Право и безопасности.* 2012. № 3-4 (43).

9. *Поросенков Г. А., Резников И. А., Зюбанов К. А., Тухваттулин В. А.* Проблемы развития независимой антикоррупционной экспертизы и перспективы автоматизации // *Общественные науки и современность.* 2022. № 6.

References

1. Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ (as amended on December 5, 2022) "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 No. 96 (as amended on April 20, 2024) "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory

Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts” (together with the “Rules for Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts”, “Methodology for Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts”) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

3. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of April 1, 2010 No. 77 “On the Organization of Work on Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts of Subjects of the Russian Federation and Charters of Municipalities” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I (as amended on May 29, 2024) “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation of December 28, 2009 No. 400 “On the Organization of Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. State Register of Independent Experts Accredited to Conduct Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts in Cases Provided for by the Legislation of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (date of the application: 02.05.2025). (In Russ.)

7. Order of the Ministry of Justice of Russia of March 31, 2009 No. 92 “On the Accreditation of Legal Entities and Individuals as Independent Experts Authorized to Conduct Expertise of Draft Regulatory Legal Acts and Other Documents for Corruption Potential” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

8. *Shaklein S. V.* Problems of Development of Independent Anti-Corruption Expertise. *Law and Security*, 2012, no. 3-4 (43). (In Russ.)

9. *Porosenkov G. A., Reznikov I. A., Ziubanov K. A., Tukhvattulin V. A.* Problems of Development of Independent Anti-Corruption Expertise and Prospects of Automation. *Social Sciences and Modernity*, 2022, no. 6. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Ким – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E. V. Kim – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 05.05.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-92-105>

ВЛИЯНИЕ УСКОРЕННОГО РАЗВИТИЯ БИОЭКОНОМИКИ НА УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Александр Анатольевич Мохов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

med-farm-law@mail.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости анализа возможностей зарождающейся биоэкономики, ее отраслей и секторов для решения задач, способствующих обеспечению национальной безопасности в целом, а также ее отдельных видов. Показана роль современных биотехнологий в ускоренном социально-экономическом развитии, а также в обеспечении отдельных видов безопасности. Вскрываются основные проблемы организационно-правового характера, препятствующие укреплению национальной безопасности за счет ускоренного развития современных биотехнологий. Автором предлагаются направления возможных изменений и дополнений в национальное законодательство.

Ключевые слова: биоэкономика; современные биотехнологии; национальная безопасность; национальное законодательство; специальные правовые режимы экономической и иных видов деятельности.

Для цитирования: Мохов А. А. Влияние ускоренного развития биоэкономики на укрепление национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 92–105. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-92-105>

Research Article

THE IMPACT OF ACCELERATED DEVELOPMENT OF THE BIOECONOMY ON STRENGTHENING NATIONAL SECURITY

Alexander A. Mokhov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
med-farm-law@mail.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need to carry out an analysis of the emerging bioeconomy in general, its branches and sectors to solve problems that contribute to ensuring national security in general, as well as its individual types. The role of modern biotechnology in accelerated socio-economic development, as well as in ensuring individual types of security is shown. The main problems of organizational and legal nature that hinder the strengthening of national security through the accelerated development of modern biotechnology are revealed. The author proposes directions for possible changes and additions to national legislation.

Keywords: bioeconomy; modern biotechnology; national security; national legislation; special legal regimes for economic and other activities.

For citation: Mokhov A. A. The Impact of Accelerated Development of the Bioeconomy on Strengthening National Security. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 92–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-92-105>

Введение

Научно-технический прогресс привел к невиданным для человеческой цивилизации изменениям, значительная часть которых носит, безусловно, позитивный характер. К негативным последствиям чаще всего относят рост угроз и рисков экологического характера, а также некоторые другие.

В п. 78 указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1] обращается внимание на хищническое использование природных ресурсов, уменьшение ландшафтного и биологического разнообразия, а также на проблему нехватки природных ресурсов в ряде стран.

В последние десятилетия также возрастает внимание общества и государства к вопросам обеспечения биологической безопасности. В ст. 8 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [2] впервые предпринята попытка закрепить основные биологические угрозы (опасности), а в ст. 9 – возможные меры по защите населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, предотвращению биологических угроз (опасностей).

Следует также обратить внимание на понимание национальной безопасности в современных документах, включая указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», не только как состояния защищенности национальных интересов государства, но и в контексте активного социально-экономического развития страны. В документе появляется словосочетание «стратегические национальные приоритеты». Под ними понимаются важнейшие направления как обеспечения национальной безопасности, так и устойчивого развития общества и государства. Более того, в документе закрепляются стратегические национальные приоритеты, в том числе: сбережение народа; научно-технологическое развитие; экономическая безопасность; экологическая безопасность; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Вопросам развития (научного, технологического, экономического, пространственного) также посвящен ряд новейших документов. Многие из них прямо либо опосредованно связаны с биологическими технологиями. Отметим лишь некоторые из них: указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» [3]; указ Президента РФ от 2 ноября 2023 г. № 818 «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации» [4]; указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» [5]; распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [6].

Данный тренд отражает объективные изменения, обусловленные развитием наук о жизни, появлением все большего числа биотехнологий, используемых в медицине, фармацевтике, сельском хозяйстве, пищевой промышленности, энергетике и других областях.

В связи с изложенным эксперты все чаще ставят вопрос о становлении основ биоэкономики как экономики нового типа и ее последующем активном развитии [7]. Для этого необходимо осуществить довольно крупные преобразования в части государственного (в том числе правового) регулирования традиционной экономики и экономики нового типа (по крайней мере по ряду отраслей и секторов – драйверов биоэкономики). В настоящее время этот процесс только начинает активно обсуждаться правоведами и управленцами [8].

Кроме того, необходимо иметь общее понимание происходящих, реализуемых, управляемых процессов и с позиций системного подхода, в том числе с учетом возможных позитивных и (или) негативных последствий такого развития для национальной безопасности. В настоящей статье акцент делается именно на возможном

позитивном аспекте развития биоэкономики, ее отдельных отраслей и секторов для обеспечения национальной безопасности.

1. Современные биотехнологии, биоэкономика и национальная безопасность

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [9] прямо различает безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности.

Помимо этого акта в России действует довольно много федеральных законов и подзаконных актов, в той или иной мере регулирующих отношения по обеспечению отдельных видов безопасности (биологической, транспортной, энергетической, экологической, ядерной и др.).

В специальной литературе предлагается еще более широкий каталог видов безопасности, как прямо представленных в нормативных правовых актах различного уровня, так и нет. Не ставя перед собой задачи по определению возможных видов (подвидов и др.) безопасности, акцентируем внимание лишь на тех из них, которые позволяют наиболее точно показать связь отдельных биотехнологий, отдельных отраслей и секторов зарождающейся биоэкономики с отдельными видами безопасности и уровнем национальной безопасности в целом.

Научная и технологическая безопасность. С одной стороны, безопасность в сфере науки и технологий направлена на защиту человека, общества и государства от действия различных опасных факторов, обусловленных неверным использованием, применением современных достижений науки, технических и иных решений; с другой – позволяет прогнозировать, моделировать возможные угрозы и риски, а также создавать новые и (или) более эффективные средства защиты от имеющихся угроз, рисков (антропогенных, техногенных и др.).

В п. 68 указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1] прямо зафиксирован тезис о том, что в условиях перехода мировой экономики на новую технологическую основу лидерство в развитии науки и технологий становится одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности.

Активно разрабатываемые и внедряемые в практику новые биологические технологии способствуют экономическому росту, повышению благосостояния населения, а в аспекте безопасности – вносят свой вклад в обеспечение экономической и иных видов безопасности государства.

Однако это далеко не все. Многие биотехнологии получают свое развитие в медицине, фармацевтике, сельском хозяйстве и пищевой промышленности, следовательно, при верном целеполагании они способны вносить существенный вклад в решение важнейшей для страны задачи по сбережению народа, повышению продолжительности и качества здоровой жизни.

Нельзя также забывать и о том, что обладание самыми передовыми биотехнологиями, понимание дальнейших перспектив их использования, применения, а также реальных и потенциальных угроз и рисков имеет значение для обеспечения как научной и технологической, так и биологической безопасности.

Биологическая безопасность. В соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [2] под биологической безопасностью понимают состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

Защищенность обеспечивается комплексом специальных мер и средств. Применительно к решению задач, обусловленных естественной либо искусственно вызванной вспышкой инфекционной болезни, на первый план выходят: наличие высокочувствительных, точных средств диагностики, идентификации биологических агентов; наличие средств индивидуальной и коллективной защиты; наличие эффективных средств профилактики и лечения заболеваний (человека, животных, растений) [10].

Кроме того, большое значение имеют готовые либо высокой степени готовности технологические платформенные решения, позволяющие в короткий срок внедрять в производство, масштабировать необходимые обществу и государству продукты (антисептики, антибиотики, вакцины и др.).

Реализовать изложенное выше возможно при наличии не только соответствующего научного и технологического задела, но и достаточно развитой промышленности (биотехнологической, фармацевтической и др.). Оперативный и эффективный трансфер технологий требует наличия отработанной цепочки: передовые наука и технологии (научно-исследовательские и подобные им центры) – экспериментальное и мелкосерийное производство – массовое производство.

Продовольственная безопасность. Под продовольственной безопасностью понимают состояние, при котором обеспечивается продовольственная независимость – самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

В указе Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [11] различают физическую и экономическую доступность продовольствия (доступная для населения, должного качества, в объемах и ассортименте, соответствующем научно обоснованным, рекомендуемым рациональным нормам потребления), позволяющие в совокупности с чистыми питьевой водой и воздухом обеспечивать здоровье населения.

Достижение значительной части национальных интересов государства в сфере продовольственной безопасности (таких как развитие племенного животноводства, селекции растений, семеноводства и аквакультуры (рыбоводства), развитие производства комбикормов, кормовых добавок для животных, лекарственных средств для ветеринарного применения, минеральных добавок; восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения) возможно только при активном внедрении в сельское хозяйство и смежные с ним сферы новейших биотехнологий.

В контексте продовольственной безопасности нельзя также не обратить внимания на такие задачи, как: недопущение ввоза на территорию страны генно-инженерно-модифицированных организмов с целью их посева, выращивания и разведения, а также их оборота; запрещение выращивания и разведения животных,

генетическая программа которых изменена методами генной инженерии или которые содержат генетический материал искусственного происхождения; недопущение неконтролируемого ввоза на территорию РФ и применения синтетических биологических агентов.

Их решение требует наличия единой государственной системы, позволяющей идентифицировать, контролировать, мониторировать на всех этапах жизненного цикла сельскохозяйственную, пищевую и другую продукцию. Данная задача решается в условиях развитой инфраструктуры биоэкономики.

Экономическая безопасность. В указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [12] выделяется два основных блока, две составных части: защищенность, стабильность, устойчивость системы (национальной экономики); расширенное воспроизводство, научно-технический прогресс, инновационное развитие (основа обеспечения безопасности в настоящем и в будущем).

В специальной литературе, нормативных актах и иных документах можно найти указание на отдельные критерии, компоненты, признаки, критически значимые для экономической безопасности: угрозы и риски, конкурентоспособность, устойчивое развитие.

Роль технологий в целом, а также биотехнологий в экономическом развитии национальной экономики и государства трудно переоценить. Смена технологических укладов обусловлена научно-техническим прогрессом. Развитие инноваций все в большей степени связано именно с биотехнологиями. Они становятся ключевым фактором, определяющим облик технологического уклада национальной экономики, ее устойчивость и способность к развитию.

Развитие биоэкономики нивелирует значительную часть внешних и внутренних угроз. Внешние угрозы исходят из международной экономической обстановки, ситуации, экономической и иной политики экономически развитых стран и блоков, внутренние – из совокупности национальных и региональных факторов, причин, ослабляющих экономику (среда, конкуренция, спрос и др.).

Переход на новые технологии повышает степень независимости национальной экономики от внешних негативных факторов (санкции, неэкономические ограничения и запреты (на технологии, ресурсы и проч.)). Ориентация на внутренний спрос, а также наличие инвестиций в развитие (новых секторов, производств, а также территорий, соответствующей инфраструктуры) способствуют решению долгосрочных экономических задач.

Следует также обратить внимание на то, что ряд авторов, рассматривая экономическую безопасность, соответствующие угрозы и риски, все чаще обращают внимание и на иные факторы, оказывающие прямое либо косвенное влияние на экономику (качество и уровень жизни населения, демографические процессы (депопуляция, старение населения), межнациональные конфликты, преступность) [13]. На наш взгляд, данный подход является верным, позволяя решать не только краткосрочные, но и долгосрочные экономические и неэкономические задачи.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [6] не случайно акцентируется внимание на

межрегиональных диспропорциях социально-экономического развития, ухудшении демографической обстановки в большинстве субъектов РФ, кадровом голоде (по отдельным отраслям, секторам экономики, регионам).

Экологическая безопасность. Традиционно экологическая безопасность рассматривается как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного влияния антропогенной, техногенной, хозяйственной и иной деятельности.

В п. 83 указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1] закреплён ряд задач государственной политики в области обеспечения экологической безопасности. При всей важности каждой из перечисленных Указом задач достаточно указать первую – обеспечение экологически ориентированного роста экономики, стимулирование внедрения инновационных технологий, развитие экологически безопасных производств.

Решение данной задачи на современном этапе развития национальной экономики, уровне знаний и технологий невозможно без современных биотехнологий, разработки и внедрения в ряд отраслей и секторов экономики природоподобных и иных технологий, развития экономики нового типа, включая сектор экологического предпринимательства.

М. В. Ковальчук и О. С. Нарайкин пишут следующее: «Смысл создания природоподобной техносферы состоит в восстановлении естественного самосогласованного ресурсооборота, нарушенного сегодняшними технологиями, вырванными из естественного природного контекста» [14].

Рассматривая отдельные виды безопасности, формирующие основу национальной безопасности, нельзя не указать на связь биотехнологий и биоэкономики с обороноспособностью страны, военной безопасностью.

Военная безопасность. В соответствии с Военной доктриной, утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 [1], под военной безопасностью понимают состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять.

Применение военной силы может осуществляться с использованием различных сил и средств, вооружения и военной техники. В современных условиях противник чаще всего делает ставку на высокие технологии, фактор внезапности и молниеносности, а также на развязывание и поддержание так называемых гибридных войн, изматывающих противника, снижающих его моральный дух, способность к оказанию организованного сопротивления.

Все чаще фиксируется враждебная деятельность (интенсивные научные исследования патогенов, создание, конструирование новых, расширение сети биологических лабораторий США [16] и др.), направленная на создание биологических агентов, как не относящихся к биологическому оружию, так и относящихся к перспективным образцам такого оружия.

В связи с изложенным необходимо обеспечить: научно-технологический (биологический и иной) потенциал, позволяющий разрабатывать и, при необходимости,

ти, оперативно внедрять современные и перспективные технологии создания вооружения, военной и специальной техники; эффективное противодействие угрозам и рискам, снижающим полноценное решение задач военной организацией страны (в том числе биологическую, продовольственную, транспортную, экономическую и другие виды национальной безопасности).

2. Современные биотехнологии, биоэкономика и национальное законодательство

Биоэкономика в целом в силу новизны большинства отношений, требующих правового регулирования, пока практически не упоминается в федеральных законах. Лишь в некоторых подзаконных актах и иных документах можно встретить указание на биоэкономику.

В п. 7 указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [17] мы обнаруживаем упоминание биоэкономики в контексте решаемых задач технологического лидерства.

Распоряжением Правительства РФ от 7 августа 2024 г. № 2103-р [18] в целях обеспечения развития фундаментальных и прикладных научных исследований, опытно-конструкторских работ в области биоэкономики и биотехнологий был создан научно-технологический центр биоэкономики и биотехнологий.

В поручении Правительства РФ от 16 апреля 2025 г. М. В. Мишустин дал ряд указаний, связанных с подготовкой нового нацпроекта «Технологическое обеспечение биоэкономики» [19].

Развитие биоэкономики в силу масштаба решаемых задач, сложности и неоднородности отношений, нуждающихся в государственном регулировании, в том числе стимулировании, а также контроле (надзоре), ставит на повестку дня вопрос о базовых, отправных положениях о биотехнологиях, биоэкономике в целом именно на уровне федеральных законов.

Предпринимательская и иные виды экономической деятельности в силу сложившихся особенностей отечественной правовой системы регулируются у нас значительным массивом федеральных законов. Единый комплексный правовой акт (типа предпринимательского, хозяйственного кодекса) в России отсутствует. Чаще всего положения о государственном регулировании экономической деятельности встречаются в отраслевых законах (регулирующих банковскую, страховую сферы, торговлю и др.).

Из межотраслевых актов следует указать Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [20]. Он в целом регулирует отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере промышленности, ориентирует на стимулирование деятельности в данной сфере.

Одной из его целей является формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития, что полностью согласуется с целевыми установками, характерными для биоэкономики.

Стимулированию деятельности в сфере промышленности, конкретным мерам поддержки посвящена гл. 2 упомянутого Закона. Для нас непосредственный интерес также представляет гл. 4 Закона «Особенности промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе».

Биоэкономика – это и ускоренное развитие промышленности (пищевой, фармацевтической и др.), и, как отмечалось, повышение уровня национальной безопасности. Она проявляет себя через формирование и реализацию промышленной политики, в связи с чем может быть внесено предложение о дополнении Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» самостоятельной главой либо статьей, посвященной мерам стимулирования той части промышленности, которая выступает драйвером биоэкономики.

Поскольку биоэкономика несводима лишь к промышленности, реализуется посредством не только промышленной, но и иных политик (научной, технологической, образовательной, в сфере энергетики и др.), то необходима ревизия отраслевого законодательства (по отраслям биоэкономики) для «расшивки» слабых мест, устранения лагун. Это процесс длительный и трудоемкий, потому мало подходящий для решения стратегических задач. В то же время отдельные точечные изменения в отраслевые законы, способствующие развитию биоэкономики, могут и должны вноситься по мере необходимости, выявления соответствующих препятствий.

В связи с тем, что основой биоэкономики являются современные биотехнологии, необходимо проведение тщательного анализа федеральных законов, опосредующих отношения, возникающие в связи с разработкой, внедрением и последующим использованием биотехнологий, а также продуктов, полученных на их основе. Их у нас не так много.

Основным и морально устаревшим является Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [21]. Следует обратить внимание на узкий предмет его регулирования – отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности.

Еще один акт – Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [22]. Одной из его задач является ускоренное внедрение технологических инноваций для повышения качества и уровня жизни граждан, обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства.

Важно также обратить внимание на ст. 5 Закона, закрепляющую инструменты реализации технологической политики. В документе неоднократно упоминаются критические и сквозные технологии, что позволяет использовать его положения в решении задач по развитию биоэкономики в стране.

Короткий период его действия не позволяет оценить его потенциал.

Новейшая отечественная практика, направленная на стимулирование отдельных технологий, отраслей и сфер экономики, а также территориального развития (особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического разви-

тия, территории со специальными задачами и др.), свидетельствует о широком применении законодателем специальных правовых режимов осуществления экономической деятельности (преференциальных, стимулирующих, экспериментальных) [23].

Следовательно, наряду с внесением необходимых дополнений в Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» необходимо иметь отправные законодательные положения, позволяющие стимулировать разработку и ускоренное внедрение (ограниченное, на отдельных территориях, при условии обеспечения необходимых и достаточных мер безопасности) перспективных, наиболее востребованных биоэкономикой сегодняшнего и завтрашнего дня биотехнологий.

В качестве ориентира для дальнейшей законотворческой работы за основу, на наш взгляд, может быть взят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [24].

Частью 2 Закона закреплен исчерпывающий перечень направлений разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций. Их анализ показывает, что имеются отдельные области пересечения с биотехнологическими инновациями, но их явно недостаточно для стимулирования биоэкономики в целом.

Сам же подход – создание экспериментального правового режима (либо режимов, исходя из многообразия отраслей и сфер биоэкономики), на наш взгляд, представляется верным (оперативность (разработка одного либо нескольких законов), экономичность, индивидуальное (ручное) регулирование новых групп отношений (на начальных этапах), наличие системы сдержек и противовесов).

Заключение

Подводя итоги исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, ситуацию с государственным регулированием, в том числе правовым регулированием экономики, в основе которой лежат современные биотехнологии, нельзя считать удовлетворительной, достаточной для ускоренного развития основ биоэкономики в целом.

Во-вторых, имеющиеся нормы вне единой системы (дозволения-стимулы-ограничения и запреты (в необходимых случаях)) и без учета всех значимых этапов жизненного цикла современных биотехнологий (от разработки и внедрения до массового применения в отраслях экономики) не способствуют оперативному достижению задач, возлагаемых на биотехнологии и биоэкономик.

В-третьих, из возможных сценариев развития законодательства о биоэкономике оптимальными на начальном этапе представляются разработка и принятие следующих федеральных законов: «О внесении дополнений в Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» в связи с развитием биоэкономики» и «Об экспериментальных правовых режимах в сфере биологических технологий в Российской Федерации»¹.

¹ Наименования носят условный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 31.
3. Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7586.
4. Указ Президента РФ от 2 ноября 2023 г. № 818 «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8035.
5. Указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 74.
7. *Гаева Т. Н., Василев П. Г.* Конфликт между биосферой и техносферой: поиск путей к биосферосовместимому развитию // Вестник военного инновационного технополис «ЭРА». 2022. Т. 3. № 1.
8. Биоэкономика: доктрина, законодательство, практика / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2021.
9. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
10. Основы биологической безопасности : учебное пособие / отв. ред. А. А. Мохов. М. : Проспект, 2024.
11. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
12. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
13. Экономическая безопасность : учебник / под общ. ред. Л. П. Гончаренко. М. : Юрайт, 2018.
14. *Ковальчук М. В., Нарайкин О. С.* Природоподобные технологии – новые возможности и новые угрозы // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 3-4.
15. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. № 298.
16. *Шакарянц С. Э.* Биолаборатории США – угроза жизни для всего человечества // Регион и мир. 2022. Т. 13. № 5.
17. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
18. Распоряжение Правительства РФ от 7 августа 2024 г. № 2103-р «О создании Научно-технологического центра биоэкономики и биотехнологий в форме объеди-

нения научных организаций без образования юридического лица» // СЗ РФ. 2024. № 35. Ст. 5379.

19. Поручение Правительства РФ от 16 апреля 2025 г. «Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии, посвященной нацпроекту «Технологическое обеспечение биоэкономики»» // СПС «Гарант».

20. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

21. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

22. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

23. Черешнева И. А. Территории с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности (частно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

24. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russ.)
2. Federal Law of December 30, 2020 No. 492-FZ "On Biological Safety in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (part I), art. 31. (In Russ.)
3. Decree of the President of the Russian Federation of November 28, 2018 No. 680 "On the Development of Genetic Technologies in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 49 (part VI), art. 7586. (In Russ.)
4. Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 2023 No. 818 "On the Development of Nature-like Technologies in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 45, art. 8035. (In Russ.)
5. Decree of the President of the Russian Federation of June 18, 2024 No. 529 "On Approval of Priority Areas of Scientific and Technological Development and the List of the Most Important Science-Intensive Technologies". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 26, art. 3640. (In Russ.)
6. Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 4146-r "On Approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the Period through 2030 with a Forecast through 2036". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 2, art. 74. (In Russ.)
7. Gaeva T. N., Vasilov R. G. Conflict Between the Biosphere and the Technosphere: Search for Paths to Biosphere-Compatible Development. *Bulletin of the Military Innovation Technopolis "ERA"*, 2022, vol. 3, no. 1. (In Russ.)

8. Mokhov A. A., Sushkova O. V. (eds.). Bioeconomics: Doctrine, Legislation, Practice. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)
9. Federal Law of December 28, 2010 No. 390-FZ "On Security". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 1, art. 2. (In Russ.)
10. Mokhov A. A. (ed.). Fundamentals of Biological Safety: Study Guide. Moscow: Prospekt, 2024. (In Russ.)
11. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 "On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 4, art. 345. (In Russ.)
12. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period through 2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2017, no. 20, art. 2902. (In Russ.)
13. Goncharenko L. P. (ed.). Economic Security: Textbook. Moscow: Iurait, 2018. (In Russ.)
14. Kovalchuk M. V., Naraikin O. S. Nature-like Technologies: New Opportunities and New Threats. *Security Index*, 2016, vol. 22, no. 3-4. (In Russ.)
15. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976). *Rossiiskaia Gazeta*, 2014, no. 298. (In Russ.)
16. Shakariants S. E. US Biolaboratories – a Threat to the Life of All Humanity. *Region and World*, 2022, vol. 13, no. 5. (In Russ.)
17. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 20, art. 2584. (In Russ.)
18. Order of the Government of the Russian Federation of August 7, 2024 No. 2103-r "On the Establishment of the Scientific and Technological Center for Bioeconomics and Biotechnology in the Form of an Association of Scientific Organizations without Forming a Legal Entity". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 35, art. 5379. (In Russ.)
19. Instruction of the Government of the Russian Federation of April 16, 2025 "Mikhail Mishustin Issued Instructions Following the Results of the Strategic Session Dedicated to the National Project 'Technological Support for the Bioeconomy'" (SPS "Garant"). (In Russ.)
20. Federal Law of December 31, 2014 No. 488-FZ "On Industrial Policy in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 1 (part I), art. 41. (In Russ.)
21. Federal Law of July 5, 1996 No. 86-FZ "On State Regulation in the Field of Genetic Engineering Activity". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 28, art. 3348. (In Russ.)
22. Federal Law of December 28, 2024 No. 523-FZ "On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 53 (part I), art. 8533. (In Russ.)

23. *Chereshneva I. A. Territories with a Special (Special) Regime for Carrying Out Entrepreneurial Activity (Private Law Aspect): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2024. (In Russ.)*

24. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31 (part I), art. 5017. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Мохов – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. A. Mokhov – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 07.07.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-106-116>

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ

Ирина Валерьевна Рукавишникова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ramucni@gmail.com

Аннотация

В статье описываются особенности реализации органами местного самоуправления переданных полномочий, порядок их финансирования в условиях соблюдения принципа единства органов публичной власти. Особое внимание уделяется анализу современного бюджетного законодательства, обеспечивающего действенный механизм защиты интересов населения муниципальных образований. Используются общенаучные и специально-юридические методы исследования.

Ключевые слова: органы местного самоуправления; принцип единства; бюджетное законодательство.

Для цитирования: Рукавишникова И. В. Конституционный принцип единства органов публичной власти: особенности реализации в финансовом праве // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 106–116. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-106-116>

Research Article

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF THE UNITY OF PUBLIC AUTHORITIES: FEATURES OF IMPLEMENTATION IN FINANCIAL LAW

Irina V. Rukavishnikova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
rpamucni@gmail.com

Abstract

The article describes the specifics of the implementation of delegated powers by local self-government bodies, as well as the procedure for their financing, while adhering to the principle of the unity of public authorities. Special attention is given to the analysis of modern budget legislation, which provides an effective mechanism for protecting the interests of the population of municipal entities. General scientific and special legal research methods were used.

Keywords: local self-government bodies; the principle of unity; budget legislation.

For citation: *Rukavishnikova I. V. The Constitutional Principle of the Unity of Public Authorities: Features of Implementation in Financial Law. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 106–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-106-116>*

Введение

Органы местного самоуправления (далее – органы МСУ, ОМСУ) представляют интересы населения, проживающего на территории конкретного муниципально-го образования. Важнейшей функцией ОМСУ является самостоятельное решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения).

Современная система местного самоуправления [1] базируется на новом конституционном принципе единства органов публичной власти.

Проблемы реализации конституционного принципа единства органов публичной власти

Конституция РФ [2] в 2020 г. была дополнена ч. 3 ст. 132, согласно которой органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую

систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Закрепление в Основном законе страны указанного принципа устранило существовавшую разницу в подходах к отраслевому регулированию деятельности органов местного самоуправления. Самостоятельность организационно-правового статуса местного самоуправления, а также дискреция органов МСУ в части их компетенции теперь органично коррелируют с принципом единства бюджетной системы Российской Федерации и идентичностью содержания финансовых полномочий государственных органов и органов местного самоуправления.

Органы местного самоуправления как одно из звеньев единой системы публичной власти связаны единством финансовой системы страны, едиными принципами формирования бюджетов, равенством бюджетных прав, в том числе на получение межбюджетных трансфертов для выравнивания бюджетной обеспеченности.

Реализация конституционного принципа единства органов публичной власти должна укрепить взаимодействие между органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также гармонизировать ситуацию несоответствия реального количества полномочий, закрепленных за органами местного самоуправления, их финансовому обеспечению.

Проблема существования нефинансируемых мандатов имеет давнюю историю формального законодательного запрета. В частности, федеральные законы, в разное время регулировавшие эту область общественных отношений, содержали соответствующие предписания.

Так, Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу с 1 января 2009 г.) в ч. 2 ст. 38 предусматривал, что увеличение расходов или уменьшение доходов органов местного самоуправления, возникшие в результате решений, принятых федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, компенсируются органами, принявшими решения. Размер компенсации определяется одновременно с принятием соответствующего решения. Решения органов государственной власти, влекущие дополнительные расходы органов местного самоуправления, реализуются органами местного самоуправления в пределах переданных им в качестве компенсации средств.

Принятый позднее Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утрачивает силу с 1 января 2027 г.) в ч. 4 ст. 18 также содержит требование о том, что возложение на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий, не допускается.

Несмотря на законодательные ограничения, практика передачи органам местного самоуправления полномочий, не обеспеченных достаточным количеством денежных средств, стала широко распространенным явлением.

Указанная ситуация неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Так, например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П/2003 [3] отмечается, что обязанность федерального законодателя обеспечить в процессе финансового регулирования такую регламентацию финансовых отношений, при которой достижение конституционной цели – экономического обеспечения государственного единства и государственной целостности Российской Федерации – не должно приводить к умалению финансовой самостоятельности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П/2018 [4] указывается, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации, принимая на себя не связанные с наделением органов местного самоуправления таких публично-территориальных единиц отдельными государственными полномочиями публичные обязательства по оказанию им материально-финансовой поддержки, должны использовать финансово-правовые инструменты, которые обеспечивали бы, насколько это возможно, предсказуемость, своевременность (без неоправданных задержек) предоставления финансовых средств в достаточном объеме.

Кардинальное решение проблемы намечилось после принятия Конституционным Судом РФ постановления от 30 мая 2023 г. № 27-П/2023 [5], в котором, в частности, отмечалось, что закрепленный в ст. 132 (ч. 3) Конституции РФ принцип единства системы публичной власти, направленный на повышение эффективности ее функционирования, предполагает не только необходимость слаженного взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов и органов местного самоуправления, но и наличие организационно-правовых и финансовых механизмов данного взаимодействия. Такого рода механизмы – в контексте реализации предписаний ст. 751, 132 (ч. 2 и 3) и 133 Конституции РФ – должны быть основаны на принципе сбалансированного организационного и финансового участия в соответствующем процессе каждого из трех уровней публичной власти, с тем чтобы обеспечивались как развитие местного самоуправления на основе самостоятельности и приближенности к населению, так и реализация региональными и федеральными органами государственной власти возложенных на них конституционно значимых функций по обеспечению устойчивого развития территории данного региона и России в целом.

Изложенная в приведенном решении Конституционного Суда РФ позиция была полностью воспринята законодателем и отражена в тексте нового федерального закона, регламентирующего организацию местного самоуправления в единой системе публичной власти [1].

Законодательно установлен принцип разграничения полномочий между уровнями публичной власти, которое обеспечивается соответствующими финансовыми средствами и материальными ресурсами.

Теперь выделение финансовых ресурсов для выполнения органами местного самоуправления переданных полномочий должно происходить не в обобщенной форме межбюджетных трансфертов, а с использованием четкой формулы

единых, дополнительных и (или) дифференцированных нормативов отчислений от отдельных федеральных и (или) региональных налогов и сборов, налогов. Следовательно, усиливается роль и ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которые своими законами не только определяют налоговую политику региона, но и формируют условия для эффективного обеспечения интересов населения.

Таким образом, органы публичной власти регионов получают дополнительную методику реализации государственной финансовой политики.

Также следует обратить внимание на законодательную возможность установления гибкого правового регулирования при решении вопроса об объеме полномочий органов местного самоуправления. Региональные органы государственной власти должны руководствоваться общим принципом [1] учета социально-экономических, природно-климатических, территориальных и иных особенностей местности, а также исторических, культурных, национальных и иных местных традиций и обеспечивать решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Перераспределение полномочий органов местного самоуправления в пользу органов государственной власти субъекта РФ, а также наделение ОМСУ дополнительными полномочиями возможны только при одновременном определении источников их финансирования.

Таким образом финансово-правовая составляющая сложного общественного отношения, возникающего при взаимодействии органов государственной власти с органами местного самоуправления, является определяющей.

В теории права полномочия государственных органов рассматриваются как слитые воедино права и обязанности [6, с. 62; 7, с. 115; 8, с. 142].

Решение органов государственной власти субъектов РФ по перераспределению или дополнительному наделению органов местного самоуправления полномочиями оформляется в виде регионального закона. Органы государственной власти региона, имея такие полномочия, обязаны их реализовать исходя из целей развития территорий и действуя в интересах населения.

В данном контексте складывается сложное правоотношение, объединяющее конституционно-правовое и финансово-правовое содержание. Формальная передача полномочий может быть реализована только тогда, когда в распоряжении наделяемого субъекта появятся соответствующие финансовые ресурсы. В противном случае выполнение возложенных на органы публичной власти обязанностей невозможно.

Более того, юридическая ответственность органов местного самоуправления ограничена пределами предоставленных им для исполнения переданных полномочий субвенций [1].

Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 24.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях [9] (далее – КоАП РФ), если во время производства по делу об административном правонарушении, связанном с неисполнением или ненадлежащим исполнением государственных полномочий, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов РФ, органам местного самоуправле-

ния, будет установлено, что субвенции на осуществление таких полномочий выделены в размере, недостаточном для их осуществления, что привело к неисполнению или ненадлежащему исполнению таких полномочий, производство по делу об указанном административном правонарушении в отношении указанных органов и их должностных лиц подлежит прекращению.

При этом защита публичного интереса, связанного с добросовестным выполнением органами публичной власти возложенных на них функций, остается приоритетной. В связи с этим важное значение для формирующейся правоприменительной практики имеет постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025 г. № 29-П [10], выявившее конституционно-правовой смысл рассматриваемых положений КоАП РФ.

Согласно приведенной позиции Конституционного Суда РФ прекращение административного производства тем не менее не снимает с органов государственной власти обязанности по передаче органам местного самоуправления материальных ресурсов и финансовых средств, необходимых для осуществления государственных полномочий. Иное означало бы фактически снятие с органов местного самоуправления ответственности за надлежащее и добросовестное исполнение переданных им полномочий и вело бы к нарушению Конституции РФ.

Финансовое правоотношение как проводник информации о качестве использования бюджетных средств демонстрирует действие «системы прямых и обратных связей государства» [11], позволяющей объективно оценить эффективность осуществления государственной финансовой политики.

Полноценный и всеобъемлющий финансовый мониторинг движения бюджетных ресурсов на уровне регионов и муниципальных образований является важной сферой финансовой деятельности государства. Конституционный Суд РФ обратил внимание на данный аспект, отметив, что лежащая на органах государственной власти обязанность финансировать осуществление органами местного самоуправления переданных им полномочий, контролировать реализацию таковых, в том числе расходованию полученных органами местного самоуправления бюджетных средств, предполагает осведомленность органов государственной власти о состоянии дел в данной области, в том числе о достаточности или недостаточности соответствующих субвенций [10].

Практическая реализация конституционного принципа единства органов публичной власти и законодательное смещение акцентов в сторону надлежащего финансового обеспечения органов местного самоуправления стали основой для разрешения еще одной важной проблемы, связанной с высокой финансовой нагрузкой местных бюджетов.

Речь идет о многолетнем росте задолженности местных бюджетов по судебным решениям, вынесенным в отношении переданных, но неисполненных (исполненных не в полном объеме) органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий субъектов Российской Федерации. Недостаточность финансовых средств для осуществления возложенных на ОМСУ полномочий создала ситуацию «долговой петли» из-за накапливаемой бюджетной задолженности прошлых лет. По данным Минюста России [12], общее количество денежных

средств, необходимых для исполнения всех судебных решений, вынесенных в отношении ОМСУ, к 2023 г. составило 226,5 млрд руб.

Однократно, с целью снижения долговой нагрузки на местные бюджеты, законодателем было принято решение о признании безнадежной к взысканию и подлежащей списанию задолженности должников по административным штрафам, наложенным по результатам осуществления государственного контроля (надзора), и по исполнительскому сбору, образовавшейся по состоянию на 1 июля 2022 г. [13].

В качестве системной меры, призванной амортизировать возникновение критической массы неисполненных бюджетных обязательств, обновленные положения ст. 215.1 Бюджетного кодекса РФ предусматривают, что исполнение судебных актов (за исключением судебных актов, вынесенных в целях компенсации вреда, причиненного лицам), требующих выделения бюджетных ассигнований в текущем финансовом году, осуществляется в пределах ассигнований, предусмотренных законом (решением) о бюджете по статьям расходов, соответствующим целям, определенным судебным актом [14].

Еще одним аспектом реализации принципа единства органов публичной власти является использование гибкого инструментария для регулирования финансовых отношений с участием органов местного самоуправления. Для достижения целей эффективного управления финансовыми ресурсами требуется использование различных способов правового регулирования.

Метод финансового права располагает набором способов, сочетание которых создает уникальность правового воздействия. Применение правовых обязываний, дозволений императивного и диспозитивного типов, финансово-правовых договоров, правовых рекомендаций и согласований позволяет формировать такой режим взаимодействия субъектов финансовых правоотношений, который в наибольшей степени соответствует текущим задачам государственной финансовой политики и создает условия для достижения целей качественного обеспечения общественных интересов.

В частности, гибкость метода финансово-правового регулирования позволяет расширить возможности органов местного самоуправления в осуществлении собственной финансовой политики, в принятии решений о выборе направлений для бюджетных расходов. Так, например, органы местного самоуправления вправе осуществлять расходы за счет средств бюджета муниципального образования (за исключением финансовых средств, передаваемых местному бюджету на осуществление целевых расходов) на осуществление не переданных им полномочий, если возможность осуществления таких расходов предусмотрена федеральными законами. В случае установления дополнительных мер социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан финансирование из местного бюджета возможно вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право.

При этом особым условием принятия такого решения для органов местного самоуправления является то, что добровольное финансирование не переданных полномочий не признается обязанностью муниципального образования, осуществляется при наличии возможности и не является основанием для выделения до-

полнительных средств из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [1].

Заключение

Конституционный принцип единства публичной власти занимает важное место в числе принципов финансового права. В практическом преломлении он помогает «донастроить» и синхронизировать финансовые полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления с целью создания действительно единого и слаженного механизма финансового обеспечения интересов населения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита»» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Козьмодемьянск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области» // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Лазарев Б. М.* Компетенция органов управления. М. : Юрид. лит., 1972.

7. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1981.

8. *Тихомиров Ю. А.* Публичное право : учебник. М. : БЕК, 1995.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М. : Профобразование, 2003.

12. Информационно-аналитические материалы к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему: «Актуальные вопросы совершенствования контроля (надзора) за деятельностью органов местного самоуправления и муниципальных учреждений». М., 2023.

13. Федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 520-ФЗ «О внесении изменений в статьи 96.6 и 220.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2024 году» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и статьи 14 и 15 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2025 году» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ “On the General Principles of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 11, 2003 No. 16-P “On the Case of Reviewing the Constitutionality of the Provisions of Paragraph 2 of Article 81 of the Law of the Chelyabinsk Region ‘On the Budgetary Structure and Budgetary Process in the Chelyabinsk Region’ in Connection with the Request of the Chelyabinsk Regional Court” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2018 No. 33-P “On the Case of Verifying the Constitutionality of Paragraph 3 of Article 242 of the Budget Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of the Municipality – the Urban District of the City of Chita” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 30, 2023 No. 27-P "In the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Article 3.3 of the Federal Law 'On the Implementation of the Land Code of the Russian Federation', paragraph 18 of Part 1, parts 3 and 4 of Article 14 and paragraph 14 of Part 1 of Article 15 of the Federal Law 'On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation', Articles 10 and 51 of the Federal Law 'On Environmental Protection', Paragraph 1 of Article 22 of the Federal Law 'On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population', Paragraph 2 of Article 9 and Paragraphs 1 and 2 of Article 13 of the Federal Law 'On Production and Consumption Waste', as well as Paragraphs 16–18 of the Rules for Handling Municipal Solid Waste in Connection with Complaints from the Municipal Formation 'Urban Settlement of the Town of Kodinsk, Kezhemsky Municipal District, Krasnoyarsk Krai' and the Administration of the Novosibirsk District, Novosibirsk Region" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. *Lazarev B. M.* Competence of Governing Bodies. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1972. (In Russ.)

7. *Alekseev S. S.* General Theory of Law. Vol. 2. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1981. (In Russ.)

8. *Tikhomirov Iu. A.* Public Law: Textbook. Moscow: BEK, 1995. (In Russ.)

9. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2025 No. 29-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part 5 of Article 24.5 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in Connection with the Request of the Kostroma Regional Court" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. *Gorbunova O. N.* Financial Law and Financial Monitoring in Modern Russia. Moscow: Profobrazovanie, 2003. (In Russ.)

12. Information and Analytical Materials for the Meeting of the Council on Local Self-Government under the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on the Topic: "Current Issues of Improving Control (Supervision) over the Activities of Local Government Bodies and Municipal Institutions". Moscow, 2023. (In Russ.)

13. Federal Law of November 2, 2023 No. 520-FZ "On Amendments to Articles 96.6 and 220.1 of the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Suspension of Certain Provisions of the Budget Code of the Russian Federation, and Establishing Specifics for the Execution of Budgets of the Budget System of the Russian Federation in 2024" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Federal Law of April 21, 2025 No. 84-FZ "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Articles 14 and 15 of the Federal Law 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Suspension of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation, Recognition of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid and on Establishing the Specifics of Budget Execution of the Budget System of the Russian Federation in 2025'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

И. В. Рукавишникова – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

I. V. Rukavishnikova – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 18.09.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 349

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-117-132>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Константин Валерьевич Черкасов¹

Денис Дмитриевич Цыганов²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово, 142000, Россия, г. Домодедово, Каширское шоссе, д. 4, корп. 2

¹ CherkasovKV1978@yandex.ru

² tsyganovdenis97@gmail.com

Аннотация

Цель работы – исследование основных признаков государственных информационных систем, определение содержания дефиниции государственной информационной системы, выявление проблем, связанных с правовым регулированием государственных информационных систем. Использовались общенаучные методы диалектики, анализа, синтеза, обобщения, а также методы формально-логический, юрико-технический и сравнительного правоведения. Проведенное исследование позволило сформулировать вывод о том, что существующее правовое регулирование в России в области функционирования государственных информационных систем не только не является оптимальным, но и обладает рядом значительных недостатков, состоящих в следующем: отсутствие надлежащего термина «государственная информационная система», смешение терминов; затруднительность отнесения информационных систем к государственным, подсчета количества информационных систем, в том числе государственных, оценки и контроля эффективности государственных информационных систем; сложность определения четких требований к раскрытию информации о государственных информационных системах и недостаточный контроль за их соблюдением; проблемы доверия

потребителей информации, содержащейся в государственных информационных системах.

Ключевые слова: государственная информационная система; информационная система; государственный реестр; информация; правовое регулирование; Интернет; информационный ресурс; юридический факт.

Для цитирования: Черкасов К. В., Цыганов Д. Д. Правовое регулирование государственных информационных систем: некоторые проблемные аспекты // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 117–132. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-117-132>

Research Article

LEGAL REGULATION OF STATE INFORMATION SYSTEMS: SOME PROBLEMATIC ASPECTS

Konstantin V. Cherkasov¹

Denis D. Tsyganov²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

¹ Branch of Russian State University for the Humanities in Domodedovo, 4, Bldg. 2 Kashirskoe Ave., Domodedovo, 142000, Russia

¹ CherkasovKV1978@yandex.ru

² tsyganovdenis97@gmail.com

Abstract

The purpose of the work is to study the main features of state information systems, determine the content of the definition of the state information system, and identify problems related to the legal regulation of state information systems. General scientific methods of dialectics, analysis, synthesis, and generalization were used, as well as formal-logical, legal-technical, and comparative legal methods. The conducted research allowed us to formulate the conclusion that the existing legal regulation in Russia in the field of the functioning of state information systems is not only not optimal, but also has a number of significant disadvantages, consisting in the following: lack of an appropriate term “state information system”, confusion of terms; difficulties in classifying information systems as state, counting the number of information systems, includ-

ing government, evaluation and control of the effectiveness of government information systems; the difficulty of defining clear requirements for disclosure of information about government information systems and insufficient monitoring of their compliance; problems of consumer confidence in information contained in government information systems.

Keywords: state information system; information system; state register; information; legal regulation; Internet; information resource; legal fact.

For citation: *Cherkasov K. V., Tsyganov D. D. Legal Regulation of State Information Systems: Some Problematic Aspects. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 117–132. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-117-132>

Введение

Актуальность вопроса правового регулирования государственных информационных систем продиктована объективно обусловленной и планомерной цифровой трансформацией современного российского общества, а вместе с тем внедрением, развитием и применением элементов и инструментов такой трансформации. Вклад ИТ-отрасли (разработка программного обеспечения, обработка данных и т.д.) в ВВП страны за последние пять лет увеличился почти в два раза (с 1,32% до 2,43%), а объем реализации собственных продуктов – почти в четыре раза. Рост по остальным показателям также опережает другие сектора экономики, а число работников в отрасли существенно растет [1].

На необходимость развития отечественных информационных технологий, их имплементации в оборот и государственной поддержки неоднократно обращало внимание высшее руководство страны. При этом справедливо отмечалось, что высокие технологии, в том числе информационные и телекоммуникационные, стали локомотивом социально-экономического развития многих стран мира, а обеспечение гарантированного доступа граждан к информации – одной из важнейших задач государств.

На нормативном уровне указанная тенденция нашла отражение, в частности, в таких доктринальных документах, как указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2], указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [3], указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4], указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [5], указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [6].

Так, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы закрепляет цель, задачи, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информаци-

онных и телекоммуникационных технологий, науки, образования и культуры для продвижения страны по пути формирования и развития информационного общества. Среди приоритетов указываются и развитие электронных форматов, электронного документооборота, и формирование общедоступных баз данных. Определены векторы реализации прав граждан на доступ к информации и обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией. Отчетливо прослеживается позиция государства относительно активизации деятельности по имплементации информационных технологий в законодотворчество, административные процедуры, бизнес-процессы и иные сферы. Развитие и совершенствование цифровой экономики, направленной на обеспечение государственных интересов и реализацию национальных приоритетов, – основная цель данного документа [7]. Федеральные органы исполнительной власти, в свою очередь, детализирует данные акты и устанавливают показатели эффективности [8].

К настоящему времени в нашей стране существуют следующие государственные реестры: Единый государственный реестр юридических лиц, Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, Реестр уведомлений о залоге движимого имущества, Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, Единый государственный реестр недвижимости, Реестр наследственных дел, реестры лицензий на осуществление конкретных видов деятельности, Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении России, Единый реестр иностранных агентов и Единый реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами, Реестр воинского учета и другие. При этом наблюдается широкое использование различных информационных и автоматизированных систем, таких как ГАС «Выборы» [9], ГАС «Управление» [10], ГАС ПС [11], ГАИС «ЭРА-ГЛОНАСС» [12], ЕГАИС [13], ГИС ЖКХ [14].

Таким образом, сегодня отчетливо прослеживается направленность, в рамках которой Интернет и информационные технологии все активнее используются в различных сферах общественной жизни, где значимая роль отводится информационным системам. Государственные информационные системы становятся драйвером цифровизации публичных правоотношений [15; 16; 17]. Однако развитие цифровизации и информационных систем также оказывает прямое юридическое воздействие и на правоотношения, отличные от публичных [18].

Правовое обеспечение государственных информационных систем

В юридической литературе отмечается недостаточность регулирования информационных систем как на федеральном, так и на региональном уровнях, обозначается потребность их нового теоретического осмысления. Текущее восприятие государственных информационных систем ведет к появлению их множества с дублирующими функциями и сомнительной практической ценностью, что в конечном счете приводит к недостаточно эффективному использованию трудовых, временных и денежных ресурсов [19]. Разобщенность государственных информационных систем нередко влечет за собой недостоверность, устарелость, неполноту или просто неудовлетворительное качество содержащихся в них данных [20].

Вместе с тем государственные информационные системы представляют собой важный инструмент выполнения государственных управленческих задач, и далеко

не только в области осуществления информационной политики. В настоящее время без них практически невозможно осуществление органами публичной власти своих полномочий [21; 22]. Использование содержащихся в государственных информационных системах данных позволяет оптимизировать работу властных субъектов [23], что в результате положительно влияет и на условия делового оборота, и на качество оказываемых гражданам государственных услуг [24; 25].

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) под информационной системой понимает совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. При этом информационные системы могут быть государственными, муниципальными и иными [26]. Государственная информационная система фактически определена посредством квалифицирующих признаков, к каковым следует относить:

1) цели создания государственной информационной системы, правовые акты, с учетом требований которых учреждается, модернизируется и используется государственная информационная система;

2) виды информации, на основе которой государственная информационная система создается и эксплуатируется, а также некоторые правила обработки информации, в том числе условия доступа к ней;

3) обязанности заказчика государственной информационной системы, отдельные правила о возложении функций оператора;

4) обязательность оформления прав на использование компонентов государственной информационной системы, являющихся объектами интеллектуальной собственности;

5) требования к техническим средствам обработки информации, элементы правового режима информации, содержащейся в государственной информационной системе [27].

Нельзя не обратить внимания на значительное количество отечественных информационных систем. По состоянию на 2019 г. в России существовало 876 государственных информационных систем (без учета негосударственных) [28]. При этом отмечается рост числа государственных информационных систем при размытости дефиниции и критериальных признаков систем этого вида. Отсюда сложность в определении информационной системы именно как государственной.

Операторы государственных информационных систем, муниципальных информационных систем, информационных систем государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений при эксплуатации информационных систем обязаны использовать вычислительные мощности провайдера хостинга, предоставляемые для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет, сведения о котором включены в перечень провайдеров хостинга, утвержденный актом Правительства России [29].

По состоянию на 1 января 2025 г. в данном перечне были указаны всего две организации: ПАО «МегаФон» и ГУП Курской области «Информационный центр «Реги-

он-Курск». Изначально малый перечень таких организаций постепенно расширяется. С 28 января 2025 г. на основе распоряжения Правительства РФ от 28 января 2025 г. № 136-р в перечень включено ООО «ИТ-ГРАД 1 Клауд» [30]. С 11 марта 2025 г. в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 11 марта 2025 г. № 572-р перечень дополнен АО «Центр Хранения Данных» [31]. С 9 апреля 2025 г. согласно распоряжению Правительства РФ от 9 апреля 2025 г. № 854-р перечень расширен за счет ПАО «Ростелеком» [32]. Но и этого по-прежнему недостаточно. В этой связи возникает вопрос: означает ли это, что существующие государственные информационные системы, операторы которых не исполняют указанные требования, не являются государственными информационными системами или что большая часть таких систем не соответствует требованиям закона? Однозначного ответа нет в связи со сложностью определения правового статуса и режима государственных информационных систем, а также информации, которая в них размещается.

Важно отметить, что наряду с государственными информационными системами указываются информационные ресурсы, реестры, регистры и т.д. При этом отсутствует должная правовая регламентация таких категорий, как «электронные базы данных», «электронные сервисы», «платформа» [33]. Причина видится в следующем: во-первых, ряд терминов («информационная система», «база данных», «информационные технологии») был заимствован правоведением из технических наук во многом без учета особенностей формирования юридического понятийного аппарата [34]. Во-вторых, существование дискуссии о том, что вообще должно быть и в каком объеме закреплено в нормативных актах в части норм строго технического характера [35; 36].

До сих пор, к сожалению, отсутствует единое нормативное понимание термина «информационный ресурс». Иногда можно встретить определение информационного ресурса в качестве упорядоченной совокупности документированной информации (баз данных, других массивов информации), содержащейся в информационных системах. Как правило, информационный ресурс входит в понятие информационной системы. Однако невозможно утверждать, что информационный ресурс – это всегда государственная информационная система.

Так, ст. 4 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» установлено, что государственные реестры являются федеральными информационными ресурсами [37]. Следовательно, Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРЮЛ/ЕГРИП) является государственным реестром, федеральным информационным ресурсом. Кроме того, ЕГРЮЛ/ЕГРИП корректно определять как государственную информационную систему. Записи вносятся в государственные реестры (ЕГРЮЛ/ЕГРИП) на основании документов, представленных при государственной регистрации. Каждой записи присваивается государственный регистрационный номер, и для каждой записи указывается дата внесения ее в соответствующий государственный реестр. В обязательном порядке обеспечивается регистрация изменений таких сведений, вносятся отметки об утрате актуальности соответствующих сведений. Оператор данного реестра верифицирует вносимые сведения, но, самое главное, обеспечивает их достоверность и кор-

ректность. Таким образом, потребители могут однозначно доверять информации, которая содержится в ЕГРЮЛ/ЕГРИП, могут ссылаться на нее и т.д.

В то же время ст. 7.1 упомянутого нормативного акта устанавливает аналогичную дефиницию для Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – ЕФРСФДЮЛ). ЕФРСФДЮЛ также является федеральным информационным ресурсом, но однозначно признать его государственной информационной системой не представляется возможным. Дело в том, что информация, размещаемая в ЕФРСФДЮЛ, не признается официальной. Представляется, что свойство (качество) официальности информации является ключевым при определении информационной системы как государственной информационной системы. Ответственность за достоверность и корректность сведений, включенных в ЕФРСФДЮЛ, несет пользователь, который разместил соответствующие сведения [38]. При этом оператор ЕФРСФДЮЛ как не наделен полномочиями по внесению изменений или корректировок в соответствующие сведения, так и не несет никакой ответственности за достоверность размещаемых сведений.

Аналогичная ситуация складывается в части ведения неотъемлемой части ЕФРСФДЮЛ – Единого федерального реестра сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ). ЕФРСБ представляет собой федеральный информационный ресурс и формируется посредством включения в него сведений, предусмотренных Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [39]. По общему правилу сведения, размещаемые в ЕФРСБ, включаются в него арбитражным управляющим, если это не возложено на иное лицо.

Порядок формирования и ведения ЕФРСФДЮЛ и ЕФРСБ с 1 сентября 2025 г. регулируется приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2025 г. № 237 «О формировании и ведении Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, о размещении указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также о взаимодействии оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Минэкономразвития России» [40]. Несмотря на ряд новшеств, новый Приказ также не вносит никаких терминологических уточнений в части дефиниций соответствующих ресурсов. Таким образом, если признать за ЕФРСФДЮЛ и ЕФРСБ статус государственных информационных систем, то возникает парадоксальная ситуация, при которой государство не может однозначно гарантировать и обеспечивать актуальность, достоверность и юридическую значимость размещаемой там информации [41; 42; 43].

С пробельностью правового регулирования государственных информационных систем связаны и иные проблемы в области информатизации и цифровизации. Исследователи отмечают, что алгоритмический код становится эффективным средством регулирования киберпространства [44; 45]. Государственные информационные системы (в том числе их программный код), как справедливо утверждают Р. В. Амелин и С. Е. Чаннов, фактически становятся новыми источниками права. Трудно не согласиться с теми выводами и заключениями, к которым пришли ученые [46].

Действительно, информационные и государственные информационные системы все чаще выступают в качестве средства квалификации юридических фактов. К примеру, в 2019 г. был принят Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в переходных положениях которого установлено правило, согласно которому при использовании права, предусмотренного п. 12 ст. 7.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», третьи лица считаются извещенными об установленных правах и (или) ограничениях (при условии однозначной идентификации объекта, в отношении которого установлены надлежащие права и (или) ограничения, лицом, внесшим сведения) со дня, следующего за днем опубликования в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности соответствующего сообщения, за исключением случаев, установленных федеральными законами, а также если такое лицо знало или должно было знать о наличии права или ограничения ранее даты публикации [47]. Данное правило сохраняет свою актуальность по сей день, хоть и распространяется на ограниченный перечень размещенной в ЕФРСФДЮЛ информации [48].

Право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом ставится в зависимость от опубликования уведомления о намерении обратиться с таким заявлением в ЕФРСФДЮЛ. В период действия в России моратория на банкротство в качестве юридического факта выступала публикация сведений об отказе лица от моратория на банкротство в ЕФРСФДЮЛ. Публикация сведений о процедуре внесудебного банкротства граждан также зачастую представляет из себя юридический факт, в силу которого наступают определенные правовые последствия. Иными словами, квалификация размещения сведений в ЕФРСФДЮЛ/ЕФРСБ как юридического факта в ряде случаев допустима, и подобная позиция распространяется в реальной правовой практике [49]. Вместе с тем существующее несовершенство правового регулирования государственных информационных систем не позволяет на текущий момент сформулировать и закрепить необходимое универсальное правило, что порождает правовую неопределенность.

Заключение

Таким образом, в области правового обеспечения функционирования государственных информационных систем следует обратить внимание на такие моменты, как: размытость понимания дефиниции государственной информационной системы; сложность квалификации информационной системы как государственной информационной системы и подсчета их количества; затруднение при оценке эффективности трат бюджетных средств, выделяемых на государственные информационные системы; трудность определения требований к раскрытию информации о государственных информационных системах и недостаточный контроль за их соблюдением; проблемы доверия физических и юридических лиц к информации, которая содержится в государственных информационных системах. Обозначенные аспекты позволяют утверждать о необходимости скорейшей оптимизации правового регулирования государственных информационных систем.

Пристатейный библиографический список

1. Рудник П. Б., Зинина Т. С. ИТ-отрасль: ключевые показатели развития за 2019–2024 гг. // Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИ-ЭЗ) НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/1047754209.html> (дата обращения: 09.07.2025).
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
3. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
4. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
5. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 28.02.2024. № 0001202402280003.
6. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
7. Ручкина Г. Ф. Современное состояние функционирования государственных информационных систем: некоторые вопросы применения электронных технологий в банковской сфере // Банковское право. 2020. № 4.
8. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.
9. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172.
10. Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2009 г. № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление»» (вместе с «Положением о государственной автоматизированной информационной системе «Управление»») // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 101.
11. Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2020 г. № 2113 «Об утверждении Положения о государственной автоматизированной системе правовой статистики» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8810.
12. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 395-ФЗ «О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС»» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6960.
13. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

14. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4210.

15. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография / под. ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИД «Юриспруденция», 2022.

16. *Иванов Н. Ю.* К вопросу об источниках правового регулирования взаимодействия кредитных организаций с государственными информационными системами // Финансовое право. 2024. № 8.

17. *Глушаков А. В., Лапина М. А.* Влияние цифровых технологий на развитие правовой платформы сферы публичных финансов // International scientific review. 2020. № LXVI.

18. *Белякова А. В.* Правосудие и виртуальное пространство // Правовая информатика. 2025. № 1.

19. *Иванов Н. Ю.* Проблемы правового регулирования понятия и оценки эффективности государственных информационных систем // Юрист. 2024. № 2.

20. *Афанасьев С. Д.* Формирование национальной системы управления данными: конституционно-правовые основы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12.

21. *Ижаев О. А., Кутейников Д. Л.* Использование информации ограниченного доступа, содержащейся в государственных информационных системах: правовое регулирование порядка предоставления информации третьим лицам // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147).

22. *Троян Н. А.* Влияние цифровых технологий на процессы государственного управления // Правовая информатика. 2024. № 3.

23. *Еремин С. Г.* К вопросу о совершенствовании нормативно-правового регулирования сопряжения управления данными государственной информационной системы федеральных органов исполнительной власти // Право и экономика. 2022. № 7.

24. Актуальные проблемы информационного права : учебник / под ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапиной. 2-е изд., перераб. М. : Юстиция, 2020.

25. *Сарапкина Е. Н.* Правовые аспекты цифровизации правотворческой деятельности органов публичной власти // Правовая информатика. 2024. № 3.

26. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

27. *Иванов И. С.* Правовые признаки государственной информационной системы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2.

28. Аналитический доклад «Оценка открытости государственных информационных систем в России», подготовленный Счетной палатой совместно с АНО «Информационная культура» и АНО «Центр перспективных управленческих решений» // Счетная палата Российской Федерации : сайт. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Оценка%20открытости%20государственных%20информационных%20систем%20в%20России.pdf> (дата обращения: 09.07.2025).

29. Распоряжение Правительства РФ от 4 октября 2024 г. № 2753-р «Об утверждении перечня провайдеров хостинга, предоставляющих вычислительные мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети «Интернет», операторам государственных, муниципальных информационных систем, информационных систем государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений» // СЗ РФ. 2024. № 42. Ст. 6271.

30. Распоряжение Правительства РФ от 28 января 2025 г. № 136-р // СЗ РФ. 2025. № 5. Ст. 382.

31. Распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2025 г. № 572-р // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1324.

32. Распоряжение Правительства РФ от 9 апреля 2025 г. № 854-р // СЗ РФ. 2025. № 15. Ст. 1943.

33. *Пахомова Л. М.* Цифровизация контрактных отношений: первые итоги и правовые пробелы // Право и цифровая экономика. 2022. № 4.

34. *Жернова В. М.* Правовой режим информационных систем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2017.

35. *Тихомирова Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б.* Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2.

36. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : сб. науч. тр. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17–18 октября 2019 г.) / под ред. Н. Н. Ковалевой. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019.

37. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

38. Приказ Минэкономразвития России от 5 апреля 2013 г. № 178 «Об утверждении Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве» // Российская газета. 2013. 7 авг. № 172.

39. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

40. Приказ Минэкономразвития России от 14 апреля 2025 г. № 237 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 02.06.2025. № 0001202506020072.

41. *Амелин Р. В.* Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4.

42. *Булгакова Е. В.* Методы анализа и принципы систематизации данных, используемых при подготовке и принятии юридических решений // Информационное право. 2016. № 4.

43. *Минбалеев А. В., Петровская О. В.* Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145).

44. *Ефимова Л. Г.* Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // *Lex russica*. 2020. № 3 (160).

45. *Сидоренко Э., Савельев А., Пушкин А., Янковский Р., Чубурков А., Дедова Е., Гуляева Н., Архипов В., Тюльканов А., Булгаков И., Костыра А.* Нужно ли регулировать биткоин? // *Закон*. 2017. № 9.

46. *Амелин Р. В., Чаннов С. Е.* Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023.

47. Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Парламентская газета*. 2019. 15–21 нояб. № 41.

48. *Адрианова М. Д., Волоков Д. В., Гулевич К. Д., Кеклис А. Ю., Лисицкая С. А., Мияйленко Н. Н., Мясников В. В., Панченко В. Ю., Поляков В. А., Уманцев Н. В., Цыганов Д. Д.* Юридические факты в правовой жизни современной России: проблемы теории и практики: обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 28 июня 2023 года) // *Сибирский антропологический журнал*. 2023. Т. 7. № 4.

49. *Цыганов Д. Д.* Размещение информации о деятельности хозяйствующих субъектов в сети «Интернет» в системе юридических фактов // *Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и соискателей (Москва, 22 марта, 2024 года)*. М. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024.

References

1. *Rudnik P. B., Zinina T. S.* IT Industry: Key Development Indicators for 2019–2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/1047754209.html> (date of the application: 09.07.2025). (In Russ.)

2. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 “On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation through 2024”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 20, art. 2817. (In Russ.)

3. Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 “On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 50, art. 7074. (In Russ.)

4. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 41, art. 5700. (In Russ.)

5. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”. Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru), February 28, 2024, no. 0001202402280003. (In Russ.)

6. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation

for 2017–2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2017, no. 20, art. 2901. (In Russ.)

7. *Ruchkina G. F.* Current State of Functioning of State Information Systems: Some Issues of Applying Electronic Technologies in the Banking Sector. *Banking Law*, 2020, no. 4. (In Russ.)

8. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 313 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Information Society'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 18 (part II), art. 2159. (In Russ.)

9. Federal Law of January 10, 2003 No. 20-FZ "On the State Automated System of the Russian Federation 'Elections'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 2, art. 172. (In Russ.)

10. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 25, 2009 No. 1088 "On the State Automated Information System 'Management'" (together with the "Regulations on the State Automated Information System 'Management'"). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 1, art. 101. (In Russ.)

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 15, 2020 No. 2113 "On Approval of the Regulations on the State Automated System of Legal Statistics". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 52 (part I), art. 8810. (In Russ.)

12. Federal Law of December 28, 2013 No. 395-FZ "On the State Automated Information System 'ERA-GLONASS'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 52 (part I), art. 6960. (In Russ.)

13. Federal Law of November 22, 1995 No. 171-FZ "On State Regulation of the Production and Circulation of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 48, art. 4553. (In Russ.)

14. Federal Law of July 21, 2014 No. 209-FZ "On the State Information System of Housing and Public Utilities". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 30 (part I), art. 4210. (In Russ.)

15. *Kuchеров I. I., Povetkina N. A. (eds.)*. The Digital Essence of Financial Law: Past, Present, Future: Monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House "Iurisprudentsiia", 2022. (In Russ.)

16. *Ivanov N. Yu.* On the Sources of Legal Regulation of Interaction between Credit Institutions and State Information Systems. *Financial Law*, 2024, no. 8. (In Russ.)

17. *Glushakov A. V., Lapina M. A.* The Impact of Digital Technologies on the Development of the Legal Platform for Public Finance. *International Scientific Review*, 2020, no. LXVI. (In Russ.)

18. *Beliakova A. V.* Justice and Virtual Space. *Legal Informatics*, 2025, no. 1. (In Russ.)

19. *Ivanov N. Iu.* Problems of Legal Regulation of the Concept and Evaluation of the Effectiveness of State Information Systems. *Jurist*, 2024, no. 2. (In Russ.)

20. *Afanasiev S. D.* Formation of a National Data Management System: Constitutional and Legal Foundations. *Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 12. (In Russ.)

21. *Izhaev O. A., Kuteinikov D. L.* Use of Restricted Information Contained in Government Information Systems: Legal Regulation of the Procedure for Providing Information to Third Parties. *Current Issues of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 2 (147). (In Russ.)
22. *Troian N. A.* The Impact of Digital Technologies on Public Administration Processes. *Legal Informatics*, 2024, no. 3. (In Russ.)
23. *Eremin S. G.* On Improving the Regulatory Framework for the Integration of Data Management in the State Information System of Federal Executive Bodies. *Law and Economics*, 2022, no. 7. (In Russ.)
24. *Bachilo I. L., Lapina M. A. (eds.)*. Current Issues of Information Law: Textbook. 2nd ed. Moscow: Iustitsiia, 2020. (In Russ.)
25. *Sarapkina E. N.* Legal Aspects of Digitalization of Law-Making Activities of Public Authorities. *Legal Informatics*, 2024, no. 3. (In Russ.)
26. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part I), art. 3448. (In Russ.)
27. *Ivanov I. S.* Legal Features of a State Information System. *VSU Bulletin, Series: Law*, 2020, no. 2. (In Russ.)
28. Analytical Report "Assessment of the Openness of Government Information Systems in Russia", prepared by the Accounts Chamber Jointly with the ANO "Information Culture" and the ANO "Center for Promising Management Decisions". URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Оценка%20открытости%20правленные%20информационные%20систем%20в%20России.pdf> (date of the application: 09.07.2025). (In Russ.)
29. Order of the Government of the Russian Federation of October 4, 2024 No. 2753-r "On Approval of the List of Hosting Providers Providing Computing Power for Placing Information in an Information System Permanently Connected to the Internet, to Operators of State, Municipal Information Systems, Information Systems of State and Municipal Unitary Enterprises, State and Municipal Institutions". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 42, art. 6271. (In Russ.)
30. Order of the Government of the Russian Federation of January 28, 2025 No. 136-r. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 5, art. 382. (In Russ.)
31. Order of the Government of the Russian Federation of March 11, 2025 No. 572-r. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 12, art. 1324. (In Russ.)
32. Order of the Government of the Russian Federation of April 9, 2025 No. 854-r. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 15, art. 1943. (In Russ.)
33. *Pakhomova L. M.* Digitalization of Contractual Relations: First Results and Legal Gaps. *Law and Digital Economy*, 2022, no. 4. (In Russ.)
34. *Zhernova V. M.* Legal Regime of Information Systems: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk, 2017. (In Russ.)
35. *Tikhomirova Iu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B.* Law and Digital Information. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 2. (In Russ.)
36. *Kovaleva N. N. (ed.)*. Problems and Challenges of the Digital Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations: Collection of Scientific Papers on the Materials of the 1st International Scientific and Practical Conference (Saratov, October 17–18, 2019). Saratov: Publishing house of the Federal State Budgetary

Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2019. (In Russ.)

37. Federal Law of August 8, 2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 33 (part I), art. 3431. (In Russ.)

38. Order of the Ministry of Economic Development of Russia of April 5, 2013 No. 178 "On Approval of the Procedure for the Formation and Maintenance of the Unified Federal Register of Information on the Activities of Legal Entities and the Unified Federal Register of Bankruptcy Information and the List of Information Subject to Inclusion in the Unified Federal Register of Bankruptcy Information". *Rossiiskaia Gazeta*, August 7, 2013, no. 172. (In Russ.)

39. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 43, art. 4190. (In Russ.)

40. Order of the Ministry of Economic Development of Russia of April 14, 2025 No. 237. Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru), June 2, 2025, no. 00012025 06020072. (In Russ.)

41. Amelin R. V. Legal Issues of Creation and Use of State Information Systems. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 4. (In Russ.)

42. Bulgakova E. V. Methods of Analysis and Principles of Systematization of Data Used in the Preparation and Making of Legal Decisions. *Information Law*, 2016, no. 4. (In Russ.)

43. Minbaleev A. V., Petrovskaia O. V. Problems of Implementing the Principle of Reliability of Information in the Context of Digital Transformation. *Russian Law Journal*, 2022, no. 4 (145). (In Russ.)

44. Efimova L. G. Sources of Legal Regulation of Social Relations in Cyberspace. *Lex russica*, 2020, no. 3 (160). (In Russ.)

45. Sidorenko E., Saveliev A., Pushkov A., Iankovskii R., Chuburkov A., Dedova E., Guliaeva N., Arkhipov V., Tiulkanov A., Bulgakov I., Kostyra A. Should Bitcoin Be Regulated? *Law*, 2017, no. 9. (In Russ.)

46. Amelin R. V., Channov S. E. Evolution of Law under the Influence of Digital Technologies. Moscow: Norma, 2023. (In Russ.)

47. Federal Law of November 12, 2019 No. 377-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Parliamentary Newspaper*, November 15–21, 2019, no. 41. (In Russ.)

48. Adriianova M. D., Volokov D. V., Gulevich K. D., Keklis A. Iu., Lisitskaia S. A., Miniailenko N. N., Miasnikov V. V., Panchenko V. Iu., Poliakov V. A., Umantsev N. V., Tsyganov D. D. Legal Facts in the Legal Life of Modern Russia: Problems of Theory and Practice: Review of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kazan, June 28, 2023). *Siberian Anthropological Journal*, 2023, vol. 7, no. 4. (In Russ.)

49. Tsyganov D. D. Posting Information on the Activities of Economic Entities on the Internet in the System of Legal Facts. Actual Problems of Modern Law in Scientific Research of Young Legal Scholars: Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Master's Students, Postgraduate Students, and Applicants (Moscow, March 22, 2024). Moscow: All-Russian State University of Justice, 2024. (In Russ.)

Сведения об авторах:

К. В. Черкасов – доктор юридических наук, профессор.
Д. Д. Цыганов – аспирант.

Information about the authors:

K. V. Cherkasov – Doctor of Law, Professor.
D. D. Tsyganov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 29.09.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-133-147>

ПРИОРИТЕТ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЛИ И ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ НАД РЕЖИМОМ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Вячеслав Евгеньевич Карнушин

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344000, Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, д. 2/32

karnushinV@gmail.com

Аннотация

В статье обозначена проблема законодательного и практического использования понятий «земля» как природного объекта и территории государства и «земельный участок» как объекта гражданских прав. Актуальность исследования обусловлена непрекращающимися спорами о том, является ли земля в первую очередь объектом гражданских прав или, напротив, объектом публичного права. Целью статьи является теоретическое разграничение понятий «земля» и «земельный участок» и их отнесение к различным отраслям системы российского права для последующего практического применения в законодательстве и судебной практике. Для достижения цели исследования поставлены задачи определения правового режима земли и земельного участка, выявления межотраслевых связей в регулировании режима земли и земельного участка, а также подтверждения приоритета публично-правового регулирования режима земель и земельных участков над частноправовым. В ходе написания статьи использовались формально-логические методы анализа, синтеза, абстрагирования и моделирования, а также структурный и системно-функциональный методы, формально-юридический метод, методы системного и буквального толкования норм права. В результате исследования доказан приоритет публично-правового режима земли и земельного участка над частноправовым режимом земельного участка. Сделан вывод о производности права частной собственности на земельный участок от права публичной

собственности на землю и земельный участок. Показана недостаточность гражданско-правовых конструкций для понимания и описания содержания публичной собственности на землю.

Ключевые слова: земельное право; земельные правоотношения; публичная собственность; частная собственность; земельный участок; земля.

Для цитирования: *Карнушин В. Е.* Приоритет публично-правового режима земли и земельных участков над режимом земельного участка как объекта гражданских прав // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 133–147. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-133-147>

Research Article

THE PRIORITY OF THE PUBLIC-LAW REGIME OF LAND AND LAND PLOTS OVER THE REGIME OF A LAND PLOT AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Vyacheslav E. Karnushin

Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 2/32 Sovetskaia St., Rostov-on-Don, 344000, Russia

karnushinV@gmail.com

Abstract

The article identifies the problem of legislative and practical use of concepts of “land” as a natural object and territory of the state and “land plot” as an object of civil rights. The relevance of the study is due to the ongoing debate about whether land is primarily an object of civil rights or, on the contrary, an object of public law. The purpose of the article is to distinguish theoretically the concept of “land” and “land plot” and their attribution to various branches of the Russian legal system for subsequent practical application in legislation and judicial practice. To achieve the goal of the study, the tasks were set to determine the legal regime of land and land plot, to identify inter-branch connections in the regulation of the regime of land and land plot, as well as to confirm the priority of public-law regulation of the regime of land and land plots over private law regulation. When writing the article, formal logical methods of analysis, synthesis, abstraction and modeling were used, as well as structural and systemic-functional methods, formal-legal method, methods of systemic and literal interpretation of legal norms. The study proved the priority of the public-law regime of land and land plot

over the private-law regime of land plot. A conclusion was made about the derivative nature of the right of private ownership of land plot from the right of public ownership of land and land plot. The insufficiency of civil-law structures for understanding and describing the content of public ownership of land was shown.

Keywords: land law; land law relations; public property; private property; land plot; land.

For citation: *Karnushin V. E. The Priority of the Public-Law Regime of Land and Land Plots over the Regime of a Land Plot as an Object of Civil Rights. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 133–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-133-147>*

Введение

Наряду с понятием земельного участка в земельном законодательстве широко используется понятие «земля», которое является основным и главным по отношению к понятию «земельный участок». Определение и раскрытие понятий «земля» и «земельный участок» является ключевым для разграничения отраслей земельного и гражданского права.

Изначально следует отметить, что понятие «земельное право» не используется в смысле, который часто придается ему доктриной в той мере, в какой земельное право признается комплексной отраслью права. Признавая комплексный характер земельного права, сторонники данной концепции исходят из того, что земельное право регулирует общественные отношения, основанные на совокупности методов правового регулирования, не обладающих однородным предметным единством и включающих разнородные общественные отношения, имеющие, с одной стороны, в качестве общего объекта землю как природный объект, а с другой – земельный участок как объект недвижимости. Так, О. И. Крассов указывает, что земельное право включает отношения по поводу использования и охраны земель, иных природных ресурсов, отношения по созданию объектов недвижимости, а также что земельные отношения имеют имущественный и организационный характер и могут касаться перемещения людей [1, с. 44]. Такое определение не позволяет понять категорию земельного правоотношения и отграничить его от гражданского правоотношения, каждое из которых должно иметь строго отраслевую принадлежность и не быть комплексным. Перечисленные отношения входят в предмет регулирования земельного законодательства, которое регулирует все указанные отношения, что связано с тем, что земельное законодательство по своему существу является комплексным и включает нормы как гражданского, так и земельного права. Судебная практика также исходит из комплексного подхода и не разграничивает ни правоотношения на земельные и гражданские, ни такие объекты правоотношений, как земля и земельный участок, как объекты земельного или гражданского права [2].

Представляется правильным полагать, что земельное правоотношение должно пониматься как такое урегулированное нормой права отношение, которое ка-

сается земли в целом, земельного участка, но лишь в той мере, в какой земельный участок относится к земле как природному объекту, а не к оборотоспособному объекту гражданских прав.

Земельное право в случае признания его единым объективно-правовым образованием должно исключить из своего предмета регулирования и охраны отношения, регулируемые гражданским правом; в этом случае земельное право должно относиться к публичным отраслям права. Будет выглядеть допустимым относить земельное право к подотрасли административного права.

Законодателем предполагается схожий подход и в п. 3 ст. 3 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) указывается, что к имущественным отношениям по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними применяется гражданское законодательство, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Если иные правила регулирования, предусмотренные перечисленными отраслями законодательства, содержатся в соответствующем законе, то следует полагать, что нормы права, содержащиеся в специальном законодательстве, должны относиться к гражданско-правовым нормам и быть специальными, применимыми к отношениям по использованию соответствующих природных объектов и их частей.

Понятие «земля» является публично-правовым и рассматривается в рамках земельного и экологического законодательства. Понятие «земля» следует также относить к земельному праву, если понимать земельное право в вышеобозначенном смысле как публичную подотрасль права, нормы которой сосредоточены преимущественно в земельном законодательстве [3, с. 4].

Земельное законодательство включает в себя нормы земельного права и регулирует земельные отношения, которые выступают предметом регулирования земельного права.

Земельное законодательство, являясь основной формой существования земельного права, в представленном виде шире по своему объему, чем земельное право, потому что включает в себя нормы иной отраслевой принадлежности, в частности гражданско-правовые нормы.

1. Производность гражданских правоотношений от земельных правоотношений через землю и земельный участок как объекты правоотношений

Исходя из того, что во всяком правоотношении имеется юридическое и фактическое содержание, к которым соответственно относятся права и обязанности сторон, а также реальное (социальное) поведение участников правоотношения, земельные отношения являются социально-экономическим и реальным содержанием земельных правоотношений [4, с. 257; 5, с. 152]. Земельные правоотношения относятся к публичным правоотношениям.

Следовательно, имущественные отношения, обозначенные в п. 3 ст. 3 ЗК РФ, регулируемые гражданским законодательством, не должны относиться к земельным отношениям.

Все обозначенные в ст. 3 ЗК РФ отношения, за исключением охранительных, являются имущественными в широком смысле данного понятия, поскольку возникают по поводу использования особых материальных благ – земли и земельных участков. Из текста ст. 3 ЗК РФ не вытекает однозначного вывода о том, каким образом следует разграничивать имущественные земельные отношения, относимые к предмету регулирования земельного права, и имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, относимые к регулированию гражданским правом.

Равным счетом из текста ст. 3 ЗК РФ нельзя сделать однозначного вывода о том, как земля как объект публичных земельных правоотношений, земельный участок как объект публичных земельных отношений и земельный участок как объект гражданских правоотношений соотносятся между собой.

Соответственно, ключевым вопросом является вопрос о том, могут ли земельные правоотношения и гражданские правоотношения каким-то образом пересекаться и быть взаимосвязанными настолько, что на практике будут представлять собой единую социально-экономическую и юридическую связь.

Земельное и гражданское законодательство исходят из того, что земельные и гражданские правоотношения не являются взаимоисключающими понятиями и в большом количестве норм допускают пересечение данных правоотношений. Такое пересечение возможно именно на уровне объектов данных правоотношений. Устанавливая различные параметры правового режима земли и земельного участка, а также признавая, что всякий земельный участок является составной частью земли, образуется неразрывная связь земельных и гражданских правоотношений.

По своей сути всякое земельное правоотношение выступает главным по отношению к гражданскому правоотношению, если объектом является земельный участок. Если же правоотношение касается земли в целом, то гражданских правоотношений в отношении земли не может быть – правоотношение будет земельным.

Земельный участок может являться объектом как земельных, так и гражданских правоотношений.

Земля может являться объектом только земельных правоотношений, но ни при каких условиях не может быть объектом гражданских правоотношений.

Так, ст. 6 ЗК РФ содержит перечень объектов земельных отношений, среди которых обозначена не только земля, но и земельные участки и их части. Действующий п. 3 ст. 6 ЗК РФ лишь в отношении земельного участка отдельно указывает на его гражданско-правовые свойства, но не говорит о таких свойствах в отношении земли и части земельного участка.

Следует полагать, что часть земельного участка в случае ее индивидуализации может являться также объектом гражданских правоотношений, хотя бы в ст. 6 ЗК РФ все же не указано, что именно это за объект и относится ли он к недвижимым вещам.

Объект правоотношений, причем не только земельных и гражданских, не должен рассматриваться только с физической стороны как материальное или нематериальное благо. В первую очередь объект представляет собой правовой режим [6, с. 145–146]. Рассматривая объект как правовой режим, не следует полностью

умалить физические свойства действительного явления – они зачастую снабжают «ценной информацией» правовую норму, устанавливающую правовой режим объекта.

Что касается земли и земельных участков, то, несомненно, свойства их режимов снабжаются природными свойствами земли, а также привносятся извне со стороны права и правовой политики. Например, земли водного фонда (ст. 102 ЗК РФ) предопределяются тем, что на них находятся поверхностные водные объекты. Со стороны законодательного регулирования устанавливается, напротив, ряд исключений из данного правила, например, для водных объектов, окруженных землями сельскохозяйственного назначения, – такие земли будут относиться к землям сельскохозяйственного назначения, даже несмотря на то, что природные свойства могут свидетельствовать о том, что земли должны относиться к землям водного фонда (п. 2 ст. 102 ЗК РФ). Другим примером являются земли запаса (ст. 103 ЗК РФ): такие земли, напротив, не определяются никакими природными свойствами, но в то же время императивными нормами права относятся к землям, использование которых гражданами и юридическими лицами не допускается. Земли запаса тем самым лишены возможности стать объектом гражданских прав. Даже если бы в рамках данных земель выделялись земельные участки, то даже теоретическое выделение земельного участка означало бы не правовое, а техническое значение и не меняло бы отраслевую принадлежность правоотношений, возникающих по поводу земель запаса и земельных участков, отнесенных к землям запаса, – такие правоотношения всегда являются земельными.

В первую очередь правовой режим земель определяется нормативными актами разной законодательной принадлежности. Как было показано выше, эти акты могут относиться не только к земельному законодательству, но и к экологическому законодательству. Если исходить из исследований, посвященных публичной собственности, то земля должна относиться к национальному достоянию, которое отличается значимостью для социального воспроизводства многонационального народа, народов, проживающих на соответствующей территории, населения муниципальных образований [7, с. 10]. Нормы, закрепляющие правовой режим земли как территории и как национального достояния, должны относиться к административно-правовым нормам.

Во вторую очередь правовой режим земельных участков как индивидуализированной и ограниченной территории определяется нормами различных законодательных актов, относящихся к земельному и специальному экологическому законодательству. Такое определение правового режима земельного участка также осуществляется при помощи административно-правовых норм.

Наконец, в последнюю очередь правовой режим земельных участков определяется гражданским и иным, в частности земельным и специальным, законодательством, которые содержат нормы гражданского права и определяют правовой режим земельного участка как объект недвижимого имущества.

В конечном счете это означает, что всякое субъективное гражданское право на земельный участок оказывается производным от публично-правового режима земли, а также от публичной собственности на землю в целом – через публично-пра-

новой режим всякого земельного участка. Так, право собственности на земельный участок, определяемое гражданским правом и относимое к гражданскому праву, всегда оказывается ограниченным и целевым, поскольку оно заранее предопределено и ограничено публично-правовым режимом земли и земельного участка. Каждая категория земель, перечисленная в ст. 7 ЗК РФ как объект исключительно земельных правоотношений, имеет определенное целевое назначение, а значит, и использование земельного участка всегда будет иметь целевое назначение. Точно так же всякое гражданское правоотношение в отношении земельных участков оказывается производным от публичного земельного правоотношения в отношении земли и земельного участка.

Таким образом, помимо производности гражданских правоотношений от земельных, земельные правоотношения являются ограничением гражданско-правовых отношений, соответственно гражданских прав и обязанностей.

Данная концепция подкреплена принципами земельного законодательства, закрепленными в п. 1 ст. 1 ЗК РФ. Буквально в каждом из принципов земельного законодательства, особенно в первых трех подпунктах п. 1 ст. 1 ЗК РФ, закрепляется приоритет публично-правового режима земель и земельных участков над частноправовым режимом земельного участка. Соответственно, все земельное право предназначено для закрепления приоритета публично-правовых начал и регулирования режима земель и земельных участков над их частноправовым регулированием и над правовым режимом земельного участка, который осуществляется гражданским правом.

2. Оборотоспособность земельных участков как критерий разграничения публично-правового и частноправового режима земельного участка

Основополагающей нормой для разграничения гражданско-правового режима земельного участка и административно-правового режима земли является норма об оборотоспособности земельного участка.

Нормы об оборотоспособности объектов гражданских прав содержатся по общему правилу в гражданских кодексах. В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) оборотоспособности посвящена ст. 129. Последовательно нормы об оборотоспособности земельных участков конкретизированы в ЗК РФ. При этом формулировка нормы об оборотоспособности объектов гражданских прав позволяет судить о ее гражданско-правовой принадлежности, потому что содержит общее дозволение и ссылается на запреты и ограничения, которые устанавливаются в законе, а формулировка нормы об оборотоспособности земельных участков (п. 3 ст. 129 ГК РФ и ст. 27 ЗК РФ) носит разрешительный и скорее административно-правовой характер. Так, ст. 129 ГК РФ в своем наименовании содержит слово «оборотоспособность» и включает общее указание о том, что запреты об ограничении оборотоспособности и запреты оборотоспособности могут содержаться в нормативном акте. В то же время в п. 3 ст. 129 ГК РФ установлено правило о том, что оборотоспособность земли, напротив, может осуществляться лишь в той мере, в которой это разрешается нормативными актами о земле. Отсюда и в наименовании ст. 27 ЗК РФ содержится словосочетание «ограничение оборотоспособности» земель-

ных участков, а содержание статьи хотя и совершает отсылку к гражданскому законодательству, тем не менее содержит отсылочную норму к нормам ЗК РФ об ограничении оборотоспособности земельных участков, что является не чем иным, как разрешительным методом определения оборотоспособности земельных участков в конкретных нормах ЗК РФ.

Иными словами, в общем понимании норма ГК РФ об оборотоспособности в целом носит гражданско-правовой характер и использует гражданско-правовой метод правового регулирования, а нормы об ограничении оборотоспособности земельных участков являются административно-правовыми и используют разрешительный административно-правовой метод правового регулирования.

Что касается земли как природного объекта и национального достояния, то ее оборот находится за пределами гражданского права и не является гражданско-правовым оборотом вообще, поэтому статьи ГК РФ и ЗК РФ ничего не говорят об обороте «земель».

Всевозможные ограничения гражданско-правового оборота земельных участков сближают административно-правовой режим земельного участка и административно-правовой, конституционно-правовой и в целом публично-правовой режим земли. Так, будет верным утверждать, что административно-правовой режим земельного участка, изъятого из оборота и относящегося к определенной категории земли, и правовой режим земли той же самой категории могут рассматриваться как тождественные, если не вдаваться в законодательно-техническую описательную часть такого земельного участка и земли той же самой категории.

Применительно к правовому режиму земли как природного объекта ее нельзя называть вещью, изъятой из оборота, в том смысле, который придается режиму вещей, изъятых из оборота (п. 2 ст. 129 ГК РФ). Земля является объектом публичного права [8]. Если же следовать некоторым диссертационным исследованиям, то земля будет являться объектом конституционного права [7, с. 11]. Если говорить конкретнее, то земля является объектом административно-имущественного права, которое в своей абстрактной и общей основе содержит конституционно-правовые нормы.

С определенной условностью отношения принадлежности земли публичному образованию (государству в целом, субъекту федерации или муниципальному образованию) можно считать относимыми к такому же условно выделяемому публичному вещному праву, которое так же должно, в свою очередь, относиться к административно-имущественному праву, как правовой институт относится к подотрасли. Такое условно выделяемое административно-имущественное право может относиться к части земельного права как публичной отрасли права.

Здесь следует отметить, что в законодательстве РФ не развита концепция публичной собственности как самостоятельной категории. Публичная собственность как конституционная, административная и самостоятельная категория становится предметом научных исследований, однако в законодательстве не является самостоятельной и является лишь формой права собственности, которая существует лишь в гражданском законодательстве с опорой на ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9 Конституции РФ.

В мировой же практике сформировалось две основные концепции относительно публичной собственности. Обе концепции основаны на различной отраслевой

принадлежности норм, определяющих режим публичных и частных вещей. В правопорядках, принявших концепцию публичной собственности, действует специальный массив законодательства, определяющий режим публичных вещей. Остальные вещи, обладающие признаками оборотоспособного объекта частных прав, регулируются нормами гражданского права. Такая концепция принята, к примеру, во Франции [9, с. 15].

Другая концепция состоит в модификации частной собственности: публичная собственность в целом регулируется нормами гражданского права, но в отдельных случаях принимаются специальные законы, устанавливающие режим публичных вещей, к примеру, в случае необходимости введения регулирования режима вещей, изъятых из оборота. Такая концепция принята в Германии [9, с. 52].

Российское законодательство следует традициям германского права, и в целом у нас постепенно наметились тенденции развития публично-вещного права, но происходят они из гражданского права.

Так или иначе, по своему содержанию публичная собственность приобретает свои отличительные признаки, которые никак не могут проявляться в частной собственности.

Во-первых, объекты публичной собственности имеют особый конституционно-правовой и административно-правовой режим.

Во-вторых, отношения по регулированию публичной собственности являются конституционно-правовыми и административно-правовыми, для их регулирования, соответственно, используются административные методы правового регулирования. В конечном счете это означает, что такие отношения связаны с отправлением государственной власти и выполнением социальных государственных функций через экономическую категорию собственности. Отношения публичной собственности являются тем самым субординационными: публичный собственник всегда находится во властном положении по отношению к любому несобственнику.

В-третьих, неизбежно отношения публичной собственности со своей формальной стороны получают регулирование со стороны норм конституционного и административного права.

Эти критерии публичной собственности должны позволить правоприменительной практике выяснять, разделять и квалифицировать возникающие в отношении земли или земельного участка правоотношения, относя их либо к гражданскому, либо к земельному праву.

Это означает, что земельное право в части регулирования отношений в отношении земли в целом черпает свою основу из конституционно-правовых норм. Далее данные нормы конкретизируются административно-правовыми нормами права в отношении земли и земельных участков.

Такое разделение правоотношений в отношении земли и земельных участков не всегда отвечает исторической традиции, сложившейся в России и в некоторых зарубежных странах. Так, исторически и локально в различных правопорядках представлены многочисленные примеры регулирования режима земли исключительно административными нормами права. Земля и природные ресурсы мог-

ли быть изъяты из гражданского оборота полностью – в этом случае их правовой режим регулировался полностью административно-имущественным правом. Наглядным примером являлся ГК РСФСР 1922 г., где было указано, что земля не могла являться предметом частного оборота (ст. 21 ГК РСФСР 1922 г.). Этот пример показывает, что публичная собственность на землю полностью отвечала всем вышеобозначенным признакам и полностью исключила возможность хотя бы частичного регулирования публичной собственности на землю и земельные участки гражданским правом. Данный период советской российской истории считается начальным этапом зарождения земельного права в России.

Верным будет утверждение о том, что ни в одном законодательстве не бывает случаев, когда земля в целом могла бы составлять объект только гражданских прав, образно, даже предполагая, что вся земля поделена на земельные участки, которые являются объектами гражданских прав, в особенности объектами частной собственности. Совершенно немислимой выглядит идея о том, что земельные участки как некое множество вещей не образовали бы территорию (землю), которая обладала бы режимом, отличающимся от режима каждого элемента такого множества – земельного участка. Признание земельных участков и земли объектами исключительно гражданских прав образовало бы противоречие с существованием государства вообще, привело бы к невозможности отправления публичной власти.

Так, даже несмотря на то, что в первую очередь ЗК РФ говорит о частной собственности на землю, большая часть статей посвящена государственной и муниципальной собственности на землю – ст. 16–19 гл. III ЗК РФ. Это показывает высокую значимость норм именно о публичной собственности на землю и ее прежде всего публично-правовой режим, так как нормы сосредоточены в земельном законодательстве.

Именно из публично-правового режима земли вытекает такая особенность регулирования публичной собственности на землю, как невозможность определения содержания данной собственности традиционной и удобной для гражданского права триадой правомочий собственника. Эта особенность вытекает из властной компетенции публичного собственника. В земельном законодательстве наряду с традиционной триадой собственнических правомочий вводится понятие управления землей и земельными участками. Так, в ст. 9 ЗК РФ говорится об управлении в области осуществления мониторинга земель, федерального государственного земельного контроля (надзора). В ч. 2 ст. 9, ч. 2 ст. 10 и ч. 2 ст. 11 ЗК РФ упоминается об управлении и распоряжении земельными участками публичными собственниками в отношении земельных участков, находящихся в такой собственности. Понятие управления прежде всего предполагает осуществление властно-нормативных и властно-ненормативных функций в отношении земельных участков и земель в целом. Понятие управления связано с отправлением административно-властных функций, именно поэтому принципиально понятие субъективного права публичной собственности и собственнических обязанностей как гражданско-правовых категорий не вполне применимо к публичной собственности [10]. Содержанием выступает компетенция публичного собственника, в которой права и обязанности публичного собственника слиты воедино.

Таким образом, право публичной собственности на землю становится конкретным и четко определенным через компетенцию публичного собственника. Данная собственность определяется не как свобода собственника в установленных законом пределах, а как разрешение делать только то, что соответствует публичной компетенции. По этой причине публичная собственность может претерпевать совершенно различные метаморфозы в зависимости от конкретной компетенции конкретного публично-правового собственника.

Помимо этого, в ЗК РФ широко представлены нормы об охране земель (прежде всего в гл. II), где также закреплена управленческая функция государства. В данном случае не может быть и речи о каких-либо частнособственнических правомочиях.

Также положения о мониторинге земель, землеустройстве, государственном кадастровом учете земельных участков и резервировании земель для государственных и муниципальных нужд (гл. XI ЗК РФ), о государственном земельном надзоре, муниципальном и общественном земельном контроле (гл. X ЗК РФ) являются не чем иным, как реализацией властной, но все же публичной компетенции публично-правовых образований в отношении своей собственности.

3. Конкретизация правового режима земли в градостроительном законодательстве и гражданско-правовой режим земельного участка

Данный правовой режим публичных земель в настоящее время получает подробную и сложную регламентацию на уровне Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ).

На уровне ГрК РФ выделяются многоступенчатые административные процедуры, предшествующие формированию правового режима земельного участка как объекта гражданских прав.

Первой из таких процедур является территориальное планирование, определение которого дано в ст. 3 ГрК РФ. Территориальное планирование, согласно действующему правовому регулированию, является базовым административным порядком определения и индивидуализации земли. На данном этапе речь еще не идет о земельных участках: речь идет о публичных образованиях в целом – Российской Федерации, ее субъектах и муниципальных образованиях. Условно говоря, земля как территория определенного публичного образования еще не обрела статуса земельного участка или их совокупности.

Следующим этапом является подготовка и утверждение генерального плана городского округа или поселения. Генеральный план утверждается нормативным актом. Однако на данном этапе земельный участок еще не получает определенного правового режима.

Следующий этап – градостроительное зонирование. Основным документом, которым оформляется градостроительное зонирование, являются правила землепользования и застройки (ст. 30 ГрК РФ). В правилах землепользования и застройки содержатся градостроительные регламенты и карта градостроительного зонирования, которые конкретизируются применительно к земельным участкам и устанавливают разрешенное использование земельных участков.

Еще большая конкретизация земли как объекта осуществляется путем планировки территории. Планировка территории применяется к определенным тер-

риториальным зонам, которые уже утверждены в имеющихся картах градостроительного зонирования (составной части правил землепользования и застройки). Планировка территории оформляется проектом межевания и проектом планировки территории. На данном этапе земельный участок приобретает еще больше свойств – он получает свои границы, чтобы в конечном счете обрести режим объекта гражданских прав.

Далее регулирование переходит непосредственно к земельным участкам – финальным уточняющим документом является градостроительный план земельного участка (ст. 53.7 ГрК РФ). На данном этапе происходит предельная конкретизация административно-правового режима земельного участка, которая непосредственно влияет на правомочия собственника и ограничивает возможность участия участка в гражданско-правовых обязательствах.

После прохождения данных административных процедур земельный участок получает возможность стать объектом недвижимости, пройдя кадастровый учет и получив в отношении себя государственную регистрацию субъективного гражданского права.

Пример ГрК РФ показывает усложнение правового режима земель населенных пунктов. Данный пример наглядно показывает последовательное развитие административно-правового режима земель и земельных участков и последующее выстраивание целой системы ограничений гражданских прав и обязанностей в отношении земельного участка. Административные нормы, определяющие правовой режим земель, а затем земельных участков, должны относиться к нормам, регулирующим земельные отношения, т.е. по своей принадлежности такие нормы могут признаваться земельно-правовыми.

Такого детального правового регулирования нельзя обнаружить применительно к землям и земельным участкам других категорий. Земли и земельные участки других категорий получают свое собственное усложнение правового режима, которое по своей подробности хотя и уступает нормам ГрК и подзаконным актам в сфере градостроительства, тем не менее в любом случае усложняет гражданско-правовой режим земельных участков земель соответствующей категории дополнительными административно-правовыми требованиями.

Для еще одного примера можно обратить внимание на земли сельскохозяйственного назначения и Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Изначально правовой режим земель сельскохозяйственного назначения определяется гл. XIV ЗК РФ, где установлено, в частности, что они используются для нужд сельского хозяйства. Затем в ст. 78 ЗК РФ устанавливаются конкретные виды целевого использования земель сельскохозяйственного назначения, затем установлены субъекты, которые могут использовать таким образом земли сельскохозяйственного назначения, а далее сам Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» вводит нормы о том, каким образом осуществляется оборот земельных участков сельскохозяйственного назначения. То есть раньше определяется административно-правовой режим земель в целом, затем введены ограничения и правила оборота земельных участков, а далее уже предполагается определимость гражданско-правового режима земельного участка сельскохозяйственного назначения.

Иными словами, для того чтобы стать объектом гражданских правоотношений, земельный участок должен пройти все стадии определения и конкретизации земли как территории, а затем – земельного участка как административно-имущественной и земельно-правовой категории. Без прохождения данных нормативных, изначально конституционно-правовых, а затем при последовательном развитии административно-правовых ненормативных процедур земельный участок не станет объектом гражданских прав. Причем данное утверждение будет верным применительно к любому современному законодательству.

Поэтому ошибочной будет выглядеть точка зрения, согласно которой все ограничения права собственности являются искусственными и введенными публичным порядком. Ошибочно полагать, что право собственности на землю является самым полным и произвольным правом в отношении земельного участка. Напротив, право собственности как частное право (и право частной собственности, в частности) возможно лишь постольку, поскольку изначально существует право публичной собственности на землю и земельные участки.

Таким образом, можно сказать, что публично-правовой режим земли предопределяет изначально публично-правовой режим всякого земельного участка, а затем и частноправовой режим земельного участка. В этой связи нельзя безоговорочно согласиться с Е. А. Сухановым в том, что различие частной и публичной собственности состоит лишь в субъектах, а также в ряде объектов [11]. Сходство содержания права публичной и частной собственности обнаруживается только на уровне ГК РФ и его конкретных статей. Вместе с тем конкретизация публичной собственности наступает в нормах административно-имущественного права. В отношении земли и земельных участков это проявляется явным образом: правовой режим земли выступает не просто ограничением права частной собственности, а предопределяет его. Скорее правильнее говорить, что частная собственность на землю является компромиссом публичной собственности на землю и земельные участки.

На уровне ГК РФ можно допустить, что право публичной собственности в безусловном виде должно черпать свою суть и содержание из права частной собственности. Но такой юридический гражданско-правовой прием необходим для обеспечения чистоты приоритета и святости права частной собственности. Этот прием применим ко всем объектам гражданских прав, которые являются таковыми как в силу природных свойств, так и в силу того, что правовой режим таких объектов никак не затрагивается ни конституционным, ни административно-имущественным правом. Этот прием необходим для того, чтобы обеспечить равенство субъектов гражданского права, нивелировать властную компетенцию (*imperium*) публично-собственника, допустить публичных собственников в оборот и участие в отношениях с частными субъектами. Однако такой гражданско-правовой прием не изменит сути объекта, его определенности нормами публичного права.

Заключение

Из конституционной и административно-правовой сути режима земли и земельного участка вытекает совершенно такая же закономерность и взаимосвязь земельных и гражданских отношений. За счет главенства административно-пра-

вового режима земли и земельного участка над гражданско-правовым режимом земельного участка вытекает главенство земельных правоотношений над гражданскими правоотношениями в отношении земельных участков. И в этом случае гражданское право также прибегает к приему ограничений, запретов, устанавливаемых другим законодательством, к приему неприменения гражданского законодательства к таким отношениям, однако суть состоит в том, что всякое гражданское правоотношение в отношении земельного участка оказывается производным от конституционного и административно-имущественного, т.е. земельного по своей отраслевой принадлежности, правоотношения в отношении земли и земельного участка.

Основной демаркационной линией между земельными и гражданскими правоотношениями служит их объект – земля как природный объект и земельный участок как производный от земли объект гражданских прав.

По этой причине следует полагать, что земельные отношения (регулируемые ЗК РФ) и гражданские отношения (регулируемые ГК РФ) протекают параллельно, находясь в теснейшем межотраслевом взаимодействии. Земельное правоотношение как результат правового регулирования земельного отношения выступает ограничением гражданского правоотношения на земельный участок.

Пристатейный библиографический список

1. *Крассов О. И.* Земельное право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2014.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1 (начало); 2018. № 2 (продолжение); № 3 (окончание).
3. Земельное право : учебник. М. : Частное право, 2010.
4. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974.
5. *Камышанский В. П., Карнушин В. Е.* Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М. : Статут, 2016.
6. *Карнушин В. Е.* Общая теория гражданского права : учебник. М. : Юстицинформ, 2024.
7. *Мазаев В. Д.* Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004.
8. *Бандурина Н. В.* Правовые аспекты реализации прав на публичные земельные участки в условиях реформы законодательства о недвижимости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10.
9. *Винницкий А. В.* Публичная собственность. М. : Статут, 2013.
10. *Маркварт Э.* Эффективность управления публичной собственностью: понятие, подходы, критерии // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2.
11. *Суханов Е. А.* Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности // Гражданский кодекс России: проблемы, теория, практика : сборник памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М. : Статут, 1998.

References

1. *Krassov O. I.* Land Law: Textbook. 4th ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2014. (In Russ.)
2. Review of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2017). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2018, no. 1 (beginning); no. 2 (continuation); no. 3 (finale). (In Russ.)
3. Land Law: Textbook. Moscow: Private Law, 2010. (In Russ.)
4. *Khalfina R. O.* General Doctrine of Legal Relationships. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1974. (In Russ.)
5. *Kamyshanskii V. P., Karnushin V. E.* Civil Legal Relationship: Social and Psychological Aspect. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)
6. *Karnushin V. E.* General Theory of Civil Law: Textbook. Moscow: Iustitsinform, 2024. (In Russ.)
7. *Mazaev V. D.* Constitutional Foundations of Public Property in the Russian Federation: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2004. (In Russ.)
8. *Bandurina N. V.* Legal Aspects of the Implementation of Rights to Public Land Plots in the Context of the Reform of Real Estate Legislation. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2022, no. 10. (In Russ.)
9. *Vinnitskii A. V.* Public Property. Moscow: Statut, 2013. (In Russ.)
10. *Marquardt E.* Efficiency of Public Property Management: Concept, Approaches, Criteria. *Property Relations in the Russian Federation*, 2018, no. 2. (In Russ.)
11. *Sukhanov E. A.* Problems of Legal Regulation of Public Property Relations. In *Makovskii A. L. (ed.)*. Civil Code of Russia: Problems, Theory, Practice: Collection in Memory of S. A. Khokhlov. Moscow: Statut, 1998. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Е. Карнушин – кандидат юридических наук.

Information about the author:

V. E. Karnushin – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 04.02.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 34.09

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-148-154>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ В СУДЕБНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ

Юлия Владимировна Левина¹

Александр Владимирович Яковлев²

^{1,2} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 166

¹ kochurau@gmail.com

² mfoto2@ya.ru

Аннотация

Внедрение электронного документооборота в судах судебной системы Российской Федерации позволило активизировать развитие судебного делопроизводства, ускорить получение процессуальных документов, снизить издержки посредством исключения почтовых расходов. В статье проанализированы правовые основы применения квалифицированной электронной подписи (КЭП) и даны рекомендации по ее корректному применению. Цель настоящей статьи – определить правовое значение КЭП, а также установить способы проверки подлинности КЭП с использованием криптографических методов проверки. Статья предоставляет возможность участникам процесса получить сведения о правилах работы и проверки КЭП, а также способствует развитию профессиональных навыков юристов посредством использования возможностей электронного судебного документооборота. В основе методологии исследования лежит системный метод исследования с применением общенаучных и частнонаучных методов. В результате проведенного анализа даны рекомендации участникам судебного процесса, как значительно ускорить возможность получения решений и определений суда.

Ключевые слова: квалифицированная электронная подпись; усиленная квалифицированная электронная подпись; проверка подлинности КЭП; Токен; Рутокен 3.0; программа «КриптоПро»; электронное судебное делопроизводство.

Для цитирования: Левина Ю. В., Яковлев А. В. Актуальные проблемы применения квалифицированной электронной подписи в судебном делопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 148–154. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-148-154>

Research Article

CURRENT ISSUES OF APPLICATION OF QUALIFIED ELECTRONIC SIGNATURE IN COURT PROCEEDINGS

Yulia V. Levina¹

Alexander V. Yakovlev²

^{1,2} Rostov State University of Economics, 166 M. Gorky St., Rostov-on-Don, 344022, Russia

¹ kochurau@gmail.com

² mfoto2@ya.ru

Abstract

The introduction of electronic document management in the courts of the judicial system of the Russian Federation has made it possible to intensify the development of judicial proceedings, speed up the receipt of procedural documents, and reduce costs by eliminating postal expenses. Our article analyzes the legal basis for the use of a Qualified Electronic Signature (QES) and provides recommendations for its correct use. The purpose of this article is to determine the legal significance of a QES, as well as to establish methods for verifying the authenticity of a QES using cryptographic verification methods. The article provides an opportunity for participants in the process to obtain information about the rules for working with and verifying a QES, and also contributes to the development of professional skills of lawyers through the use of the capabilities of electronic judicial document management. The research methodology is based on a systematic research method using general scientific and specific scientific research methods. As a result of the analysis, recommendations are given to participants in the trial on how to significantly speed up the possibility of obtaining court decisions and orders.

Keywords: qualified electronic signature; enhanced qualified electronic signature; verification of the authenticity of the QES; Token; Rutoken 3.0; CryptoPro Program; electronic judicial proceedings.

For citation: *Levina Yu. V., Yakovlev A. V. Current Issues of Application of Qualified Electronic Signature in Court Proceedings. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 148–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-148-154>*

Введение

Развитие «электронного правосудия» находится в тесной взаимосвязи с концепцией внедрения государством во все сферы общественной жизни цифровых технологий, поскольку судебная власть как разновидность государственной власти также трансформируется под влиянием информационно-коммуникационных технологий [3, с. 17].

Разделяем точку зрения В. А. Галтыхановой и В. О. Давыдовой о том, что «благодаря развитию электронного документооборота в судах в обозримом будущем появится возможность значительно ускорить процесс рассмотрения дел, отказаться от бумажных документов и обеспечить эффективное функционирование электронного правосудия на всех стадиях судебного разбирательства» [1].

Несмотря на активное внедрение цифровых технологий в судебную систему, некоторые аспекты применения КЭП остаются недостаточно изученными и находятся в зоне риска.

Основная часть

Сложности практического применения электронных документов в разных сферах общества заключаются «в основном в обеспечении их юридической силы, поэтому для защиты документов от подделки, подтверждения авторства и целостности данных, признания юридической значимости и обеспечения конфиденциальной информации была введена в эксплуатацию электронная подпись» [2].

Участники судебных процессов знакомы с письменными судебными актами (решения и определения судов), где вместо собственноручной подписи судьи стоит синий штамп, на котором указано, что документ подписан электронной подписью. Указанный штамп содержит расшифровку фамилии, имени и отчества судьи – владельца сертификата, а также указание на номер сертификата.

Представляется, что данная визуализация электронной подписи не в полной мере позволяет удостовериться в подлинности документа.

Для начала необходимо определить, что представляет собой квалифицированная электронная подпись с точки зрения действующего законодательства.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок использования КЭП, является Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон об электронной подписи), в котором закреплено, что КЭП приравнивается к собственноручной подписи и обладает юридической силой [4, ст. 2].

Для ее создания используются сертифицированные ФСБ России криптографические алгоритмы.

Выдавать КЭП могут только аккредитованные удостоверяющие центры.

В силу положений ст. 160 и 434 Гражданского кодекса РФ электронные документы с использованием КЭП признаются письменной формой сделки [7, ст. 160, 434].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ позволяют подачу документов в суд в электронном виде с использованием КЭП [8, ст. 41.1, 125, 126; 9, ст. 35, 131, 132].

Конкретизирует порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции и проверки электронных документов Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ [6].

Таким образом, усиленная квалифицированная электронная подпись (КЭП) обладает высшей степенью защиты, соответствующей требованиям Закона об электронной подписи, что делает ее незаменимым инструментом обеспечения аутентичности и целостности электронных документов в судебном делопроизводстве.

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами существуют три вида электронной подписи: простая электронная подпись, усиленная неквалифицированная электронная подпись и усиленная квалифицированная электронная подпись. Простая электронная подпись – это чаще всего цифровой код, который приходит на телефон в виде сообщения.

Усиленная неквалифицированная электронная подпись – это подпись, защищенная механизмом шифрования; она используется компаниями для подписания внутренних документов, на практике применяется редко.

Усиленная квалифицированная электронная подпись – это подпись, защищенная механизмом шифрования; сам математический механизм шифрования проходит аккредитацию в ФСБ России. Такая подпись выдается специальными аккредитованными центрами. Подделать такую подпись нельзя. Она выдается на специальном носителе – токене и выглядит, как обычная флешка.

Усиленная квалифицированная электронная подпись выполняет функции собственноручной подписи в цифровом мире. Токен – носитель подписи также шифруется в целях предотвращения его использования без владельца подписи.

В дальнейшем в статье речь пойдет именно об усиленной квалифицированной подписи, для удобства обозначения которой будет использоваться аббревиатура «КЭП».

При анализе системы подписания документа КЭП с использованием механизма шифрования было установлено следующее.

Для подписания электронного документа необходимо его создать в формате PDF и загрузить в специальную программу шифрования, например КриптоПро CSP, математический алгоритм которой рассчитывает, сколько в документе гласных, согласных и их последовательность, количество знаков, интервалов, запятых, устанавливает другую индивидуальную информацию.

Иными словами, специальная программа определенным секретным способом шифрует конкретный документ, после чего добавляет к нему цифровую подпись владельца сертификата.

В итоге получается два документа, один это которых – это первоначальный документ в формате PDF, а второй – новый зашифрованный файл в формате .sig (файл с подписью владельца сертификата).

Проверка подлинности КЭП заинтересованным лицом должна осуществляться через электронный сервис «e-trust.gosuslugi.ru», основанный на криптографичес-

ких алгоритмах, сертифицированных ФСБ России, что гарантирует высокий уровень доверия к результатам верификации.

Для проверки подлинности электронной подписи необходимо загрузить на сайт конкретный подписанный документ в формате PDF и прилагаемый к нему файл с электронной подписью в формате .sig.

После нажатия кнопки «проверка» появится результат верификации. Если в будущем будет внесено какое-либо изменение в первоначальный файл PDF, например, появится дополнительная информация, и файл будет подвергнут повторной проверке посредством сервиса «e-trust.gosuslugi.ru», то система ответит, что электронная подпись неверна.

Указанное исключает возможность незаметного внесения изменений в первоначальный документ после его подписания.

Таким образом, документ, подписанный КЭП, должен содержать два файла: исходный файл в формате PDF и файл с электронной подписью в формате .sig.

Вместе с тем на практике к документам, подписанным КЭП, не всегда прилагается файл с электронной подписью в формате sig.

Результаты

Несмотря на четкие требования законодательства, на практике судебные акты, подписанные квалифицированной электронной подписью, публикуются на официальных сайтах судов или размещаются в ГАС «Правосудие» или КАД «МойАрбитр» зачастую только в формате PDF (с визуализацией подписи в виде штампа) без прилагаемого файла в формате .sig (или аналогичного), содержащего криптографическую подпись.

Указанное обстоятельство исключает возможность для лиц, участвующих в деле, проверить подлинность подписи.

Вместе с тем согласно Закону об электронной подписи юридическая сила КЭП обеспечивается криптографической защитой и возможностью проверить ее подлинность.

А как было указано ранее, в отсутствие файла .sig или встроенной электронной подписи проверить, что документ не был изменен после подписания, невозможно, что снижает доверие к электронному документообороту.

Визуальный штамп («подписано КЭП») не имеет криптографической защиты и может быть легко сфальсифицирован. В данном случае не исключаются риски фальсификации и (или) оспаривания документов.

Опубликование судебного акта без файла подписи лишает участников процесса возможности удостовериться, что текст решения (определения) суда не был изменен после подписания судьей.

Использование в судебной системе упрощенного подхода при размещении документов, подписанных КЭП, в открытых источниках создает правовую неопределенность и может стать основанием для оспаривания подлинности судебного акта.

В этой связи рекомендуется разработать единые стандарты публикации судебных актов в электронном виде судов общей юрисдикции и арбитражных судов, со-

ответствующие требованиям Закона об электронной подписи, предусматривающие обязанность публиковать одновременно с документом в формате PDF файл в формате .sig (или использовать встроенную ЭП в PDF, если она соответствует положениям ГОСТ 34.10-2018 [5]).

Таким образом, целесообразно дополнить личный кабинет участников процесса на сайте ГАС «Правосудие» и КАД «МойАрбитр» разделом, в котором выкладывать не только решение суда, подписанное КЭП, но и отдельный файл электронной подписи.

Кроме того, полагаем, необходимо предусмотреть автоматизированную проверку подписи на порталах ГАС «Правосудие» и КАД «МойАрбитр» по аналогии с сервисом «e-trust.gosuslugi.ru».

Выводы

Текущая практика публикации судебных документов без файла электронной подписи снижает уровень доверия к электронному правосудию и создает риски фальсификации судебных актов. Для исправления ситуации необходимо повысить стандарты размещения документов с КЭП в открытом доступе и обеспечить их строгое соответствие закону.

Реализация предложенных мероприятий в полной мере соответствует современным тенденциям развития электронного правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. *Галтыханова В. А., Давыдова В. О.* Развитие систем электронного документооборота в судах общей юрисдикции // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25.
2. *Новицкая Е. А., Перова М. В.* Применение электронной подписи в системах электронного документооборота // Перспективы развития информационных технологий. 2015. № 26.
3. *Федоренко Н. В., Левина Ю. В.* Электронное правосудие : учебное пособие. Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2023.
4. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс».
5. ГОСТ 34.10-2018. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи : межгосударственный стандарт. Введ. 2018-12-04. М. : Стандартинформ, 2018.
6. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «Гарант».
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Galtykhanova V. A., Davydova V. O.* Development of Electronic Document Management Systems in Courts of General Jurisdiction. *Issues of Russian Justice*, 2023, no. 25. (In Russ.)
2. *Novitskaia E. A., Perova M. V.* Application of Electronic Signature in Electronic Document Management Systems. *Prospects for the Development of Information Technologies*, 2015, no. 26. (In Russ.)
3. *Fedorenko N. V., Levina Iu. V.* Electronic Justice: Textbook. Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Russian State University of Economics, 2023. (In Russ.)
4. Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" (SPS "Consultant-Plus"). (In Russ.)
5. GOST 34.10-2018. Information Technology. Cryptographic Protection of Information. Processes for the Formation and Verification of Electronic Digital Signatures: Interstate Standard. Introduced on December 4, 2018. Moscow: Standartinform, 2018. (In Russ.)
6. Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 No. 251 "On Approval of the Procedure for Submitting Documents to Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document" (SPS "Garant"). (In Russ.)
7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ю. В. Левина – кандидат экономических наук.
А. В. Яковлев – студент магистратуры.

Information about the authors:

Yu. V. Levina – Candidate of Economic Sciences.
A. V. Yakovlev – Master's Student.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 05.05.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-155-166>

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Ирина Анатольевна Черешнева

Институт государства и права Российской академии наук,

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

iachereshneva@gmail.com

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена очевидной значимостью Курильских островов для России ввиду следующего: 1) наличия богатых природных ресурсов, а также высокого биоразнообразия; 2) стратегического значения данной территории для обеспечения обороноспособности страны и безопасности нашего государства, защиты национальных интересов РФ; 3) необходимости социально-экономического развития данного региона, в том числе за счет привлечения субъектов предпринимательской деятельности посредством установления различных особых преференциальных правовых режимов предпринимательства на Курильских островах, т.е. за счет создания территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. Цель работы заключается в представлении предпринимательско-правового взгляда на проблему социально-экономического развития Курильских островов в контексте пространственного развития России. В исследовании использованы следующие приемы научного познания: анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.; применялись системный подход, специально-юридический метод. Автор приходит к выводу о необходимости унификации законодательства о территориях с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Курильские острова; территории опережающего развития; особые экономические зоны; преференциальный правовой режим; пространственное развитие экономики.

Для цитирования: Черешнева И. А. Предпринимательно-правовой взгляд на проблему социально-экономического развития Курильских островов // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 155–166. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-155-166>

Research Article

THE PROBLEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KURIL ISLANDS: THE ENTREPRENEURIAL AND LEGAL PERSPECTIVE

Irina A. Cheresheva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia
iachereshneva@gmail.com

Abstract

The relevance of the study is determined by the obvious importance of the Kuril Islands for Russia, due to the following: 1) the presence of rich natural resources, as well as high biodiversity; 2) the strategic importance of the Kuril Islands for ensuring the country's defense capability and the security of Russian state, protecting the national interests of the Russian Federation; 3) the need for socio-economic development of the region, including the involvement of business entities through the establishment of various special preferential legal regimes for entrepreneurship in the Kuril Islands, i.e. the creation of territories with a special preferential regime of entrepreneurial activities. The purpose of the study is to present an entrepreneurial and legal perspective of the problem of socio-economic development of the Kuril Islands in the context of the spatial development of Russia. The following methods were used: analysis, synthesis, generalization, analogy, etc., as well as a systematic approach and a special legal method. The author concludes that there is the need to unify legislation on territories with a special preferential regime for entrepreneurial activities.

Keywords: Kuril Islands; territories of advanced development; special economic zones; preferential legal regime; spatial economic development.

For citation: *Cheresheva I. A. The Problem of Socio-Economic Development of the Kuril Islands: The Entrepreneurial and Legal Perspective. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 155–166. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-155-166>

Введение

В современных условиях значимость Курильских островов для России не подлежит сомнению, что обуславливается рядом причин. Во-первых, наличием богатых природных ресурсов: «В прибрежной зоне и на самих островах разведаны запасы серы, ртути, природного газа, нефти, руд цветных металлов, имеются месторождения золота, серебра и железа; на шельфах островов найдены титаномагнетитовые руды; находится единственное в мире месторождение рения, используемого в космической промышленности» [1]. Кроме того, данный регион обладает высоким биоразнообразием: «По числу видов на Курильских островах доминируют восточно-азиатская (палеархеоарктическая) флора и фауна, заселившие в основном южную часть архипелага. Максимальное видовое разнообразие отмечено на Кунашире» [2].

Во-вторых, Курильские острова имеют стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности РФ, поскольку выступают естественной преградой между Охотским морем и Тихим океаном, а из 28 Курильских проливов [3] только два являются незамерзающими и пригодными для круглогодичного судоходства – пролив Фриза и пролив Екатерины. В этой связи свободный выход кораблей Тихоокеанского флота России в океан имеет критически важное значение для обеспечения обороноспособности страны и безопасности нашего государства.

В-третьих, Курильские острова богаты биоресурсами, добыча и переработка которых выступает основой для таких отраслей, как рыболовство, рыбопереработка и марикультура. При этом субъекты предпринимательской деятельности заинтересованы в развитии не только рыбной промышленности, но и внутреннего туризма, а также альтернативной энергетики [4]. Тем самым в целях обеспечения социально-экономического развития данного региона государство стремится привлечь субъектов предпринимательства, например, посредством установления различных особых преференциальных правовых режимов предпринимательства, в том числе с помощью создания территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. С учетом обстановки в мире Россия постоянно находится в поиске более эффективных рабочих механизмов, в том числе экономических, т.е. цель заключается не столько в том, чтобы «поднять» экономическую планку до приемлемого уровня, сколько «взять новую высоту». В этой связи данное исследование представляет собой предпринимательно-правовой взгляд на проблему социально-экономического развития Курильских островов в контексте странственного развития России, что и выступает целью настоящей работы.

1. Краткая история русского освоения Курильского архипелага

В 1697 г. казачий сотник В. Атласов, двигаясь с севера на юг Камчатки и накладывая дань – ясак на местных жителей – айну, «открыл» для России первые острова Курильской гряды [5]. В то время для определения государственной принадлежности территории значение имели следующие обстоятельства: во-первых, подданство местного населения устанавливалось посредством уплаты дани – ясачного платежа¹.

¹ «В 1705–1713 гг. ясак собран с первых двух островов; в 1730–1732 гг. – с четырех; в 1734 г. – с пятого по девятый, в 1751–1755 гг. – с островов по шестнадцатый включительно... Сбор дани на Кури-

Во-вторых, в процессе освоения новых территорий и осуществления промысла на островах ставились «специальные знаки-кресты или столбы с надписью «Земля Российского владения», которые несли государственную символику России» [5]. Тем самым в соответствии с действовавшим в то время международным правом эти земли были законным образом присоединены к России. Так, «одним из способов приобретения территориальных владений являлось завладение (*occupatio*) или «занятие государством никому не принадлежащей земли, т.е. территории, не состоящей под властью других государств» [6].

При этом необходимо указать, что с 1639 г. в Японии действовал режим изоляции от внешнего мира, «прямо запрещающий расширение территории, в том числе и «на север»» [5], который был отменен только в середине XIX в., т.е. в то время ни о какой принадлежности Японии островов Курильской гряды речи быть не могло – они входили в состав Российской империи. Однако желание японского правительства усилить свое влияние на Курильском архипелаге вылилось в заключение первого русско-японского договора – Русско-японского трактата о торговле и границах от 7 февраля 1855 г. (Симодский трактат), в соответствии с которым «отныне границы между Россией и Японией будет проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени» [7] (ст. 2 Симодского трактата). Впоследствии, в 1875 г., в обмен на отказ Японии от ее прав на Сахалин была уступлена оставшаяся часть Курильской гряды от острова Уруп до мыса Лопатка на Камчатке (в Петербургском трактате о промене части острова Сахалин на гряде Курильских островов 1875 г. был зафиксирован перечень Курильских островов, входивших в состав Российской империи [8]). Потерпев поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг., 5 сентября 1905 г. Российской империей был подписан Портсмутский мирный договор, согласно которому «Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся» [9]. Тем самым до 1945 г. Курильский архипелаг принадлежал Японии.

В ходе проведения Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. руководителями трех союзных держав – СССР, США и Великобритании было подписано Соглашение [10], согласно которому они «согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии... 2) восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов... 3) передачи Советскому Союзу Курильских

лах проводился регулярно и систематично и начался на южных Курилах в 1766 г., продолжаясь затем в течение длительного времени (1766–1791); при этом на Итурупе ясак собирался с 1766 и до начала 1790-х гг.; на Кунашире – в 1769, 1778, 1779, 1781 гг.; на Шикотане и северо-восточном побережье Хоккайдо – в 1778–1779 гг.» [5].

островов... Главы Правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией» [10]. 2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции [11] союзным державам и приняла условия Потсдамской декларации [12]. Тем самым Курильские острова были законно включены в состав Советского Союза, что подтверждается не только вышеупомянутыми соглашениями, но и Сан-Францисским мирным договором 1951 г., согласно которому «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года» [13].

Несмотря на то что советским правительством предпринимались попытки налаживания отношений с Японией, которые, однако, не увенчались успехом¹, вопрос «возвращения» Курильских островов неоднократно поднимался японской стороной, не имея под собой на то никаких правовых оснований. Кроме того, как справедливо отмечается в доктрине, «удовлетворение притязаний Японии означало бы возможность пересмотра территориальных итогов Второй мировой войны и в отношении других стран, что недопустимо» [6], а также является незаконным с позиции международного права [14]. Таким образом, правомерность принадлежности Курильских островов России не подлежит сомнению, любые инсинуации по этому вопросу со стороны Японии должны быть прекращены.

2. Социально-экономическое развитие Курильских островов на современном этапе

Отдаленность Курильских островов от центральной части нашей страны предполагает разработку индивидуального подхода к социально-экономическому развитию этого региона, который выражается в установлении отличного от общего особого преференциального режима осуществления предпринимательской деятельности. Ядром такого режима выступают различного рода преференции и иные средства стимулирующей направленности. При этом вариативность порядка регулирования экономических отношений характерна не только для нашего времени.

Так, «в 1885 году вывозные пошлины для российских торговцев были в 1,5 раза ниже, чем для японцев. В 1894 году был введен запрет на сдачу в аренду тех промыслов, которые использовали отечественные промысловики и которые отлича-

¹ Речь идет о принятой в г. Москве 19 октября 1956 г. Совместной декларации СССР и Японии, в рамках которой было достигнуто соглашение о том, что состояние войны между СССР и Японией прекращается со дня вступления в силу данного документа и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения, а также в ст. 9 указывалось, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы Японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что *фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного договора между СССР и Японией* (Ведомости ВС СССР. 1982. № 21. Ст. 355). Однако впоследствии был заключен Договор о взаимодействии и безопасности между США и Японией 1960 г. «В результате 27 января 1960 года СССР выступил с заявлением о том, что данный договор направлен против СССР и КНР и поэтому советское правительство отказывается рассматривать вопрос о передаче островов Японии» [1].

лись наибольшим уловом лососевых пород рыбы» [15], т.е. политика государства, нося протекционистский характер, получала свою реализацию за счет установления иного регулирования, учитывающего как природоресурсные, так и географические особенности Курильских островов. Например, близость к Японии позволила России «частично удовлетворить просьбу японского правительства о передаче в аренду на один год (1884 г.) промыслов вдоль восточного берега с уплатой ежегодной арендной платы в 3 тыс. долл.» [15].

В современной России вопрос социально-экономического развития Курильских островов поднимался неоднократно, в том числе с помощью территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности. В качестве иллюстрации можно привести указ Президента РФ от 8 декабря 1992 г. № 1549 «О социально-экономическом развитии Курильских островов», в рамках которого предусматривалось создание особой экономической зоны (далее – ОЭЗ) (субзоны) «Курильы», функционирующей в рамках специальной экономической зоны «Сахалин», и который являлся продолжением проводимой государством политики по привлечению иностранных инвестиций и улучшению межгосударственных отношений [16; 17]. При этом необходимо подчеркнуть, что созданные в 90-х гг. прошлого века ОЭЗ, в том числе на Курильских островах, по своей сути кардинально отличаются от тех особых экономических зон, которые функционируют в настоящее время, ввиду того, что в тот момент государство не обладало всей полнотой ресурсов для реализации заложенного в данном инструменте потенциала.

Тем самым накопленный 20-летний опыт [18] создания и функционирования различных видов территорий с особым преференциальным режимом, в том числе ОЭЗ, территорий опережающего развития (далее – ТОР) и др., расширяющийся санкционный режим недружественных стран в отношении России [19], а также однозначная позиция нашего государства по курильскому вопросу привели к созданию в 2023 г. «новой» особой экономической зоны на Курильских островах [20]. В этой связи необходимо отметить следующее.

Во-первых, анализ Федерального закона от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» [21] позволяет говорить о наличии выявленных нами признаков-маркеров [22], которые характерны для территорий с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности.

Так, в границах ОЭЗ устанавливается *особый правовой режим* осуществления хозяйственной деятельности и применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны, т.е. действует такой порядок регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности, который направлен на стимулирование активности субъектов предпринимательства за счет предоставления им преференций различного вида (налоговых, таможенных и иных), т.е. он имеет преференциальный характер.

В качестве примера таких преференций можно привести налоговые льготы: налогоплательщик освобождается от исполнения обязанностей налогоплательщика по ряду налогов на 20 календарных лет, но не позже 31 декабря 2046 г. (к таким налогом

относятся: налог на прибыль организации, земельный налог, налог на имущество организаций, транспортный налог), льготы по страховым взносам (действует пониженный тариф страховых взносов в размере 7,6% на 20 лет), таможенные льготы (применение процедуры свободной таможенной зоны, т.е. иностранные товары ввозятся без уплаты таможенных пошлин и НДС), административные преимущества (например, сопровождение бизнеса по принципу «одного окна») и др. Данный режим устанавливается в границах *определенной территории*: город Магадан в его административных границах, Курильские острова и примыкающие к ним внутренние морские воды и территориальное море РФ. *Цели создания*: привлечение инвестиций, создание и развитие производств, энергетической и транспортной инфраструктур, развитие производительных сил, финансового и товарного рынков. В свою очередь, *модель публичной организации предпринимательской деятельности* централизованная и представлена администрацией ОЭЗ – органом исполнительной власти Магаданской области.

Тем самым особую экономическую зону в Магаданской области и на Курильских островах мы рассматриваем в качестве одного из видов территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности.

Во-вторых, законодательство в сфере территорий с особым преференциальным режимом отличается многообразием и далеко от систематизации. Сказанное можно проиллюстрировать на примере особых экономических зон, в рамках которых действует как общее (Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [18]), так и специальное регулирование. Примером последнего является Федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» [21], в который в 2023 г. были внесены изменения, положившие начало функционированию «новой», суть видоизмененной, особой экономической зоны на Курильских островах.

Однозначно определить намерение законодателя, стоящее за выбором для Курильской ОЭЗ специального регулирования в противовес общему, не представляется возможным; пояснительная записка к законопроекту не дает ответа на этот вопрос. Мы предполагаем, что принятое решение было обусловлено географической близостью регионов, однако в этом случае целесообразнее было сделать упор на дальнейшее развитие уже созданных ТОР (например, посредством расширения перечня преференций): ТОР «Курилы», сосредоточенной на туризме и рыбопереработке, а также ТОР «Сахалин», сфокусированной на сельском хозяйстве, рекреации и туризме. При этом исходя из последних изменений, внесенных в законодательство [23], обозначенная целесообразность осознается и самим законодателем.

Так, во-первых, в целях применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны к участникам особой экономической зоны приравниваются резиденты территории опережающего развития, созданной на территории Магаданской области в административных границах города Магадана. Во-вторых, по общему правилу действует запрет на создание ТОР в границах ОЭЗ точно так же, как и существует запрет на вхождение в состав ТОР ОЭЗ, однако для ОЭЗ, создан-

ной в Магаданской области и на Курильских островах [23], предусматривается исключение из этого правила.

В результате данный пример представляет собой некий парадокс: с одной стороны, он иллюстрирует явное предпочтение законодателя в пользу ситуативного, а не системного подхода, результатом чего выступает необоснованное «дробление» регулирования в данной сфере общественных отношений; с другой – свидетельствует о сближении законодательства в области различных видов территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности, что еще раз говорит о необходимости его унификации. При этом следует подчеркнуть, что отмеченная парадоксальность скорее препятствует, нежели способствует социально-экономическому развитию Курильских островов ввиду того, что создает конкуренцию между преференциальными режимами предпринимательства, рассеивая предпринимательский фокус вместо того, чтобы сосредоточить его на развитии одного инструмента, «отточив» его до совершенства.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, для России очевидна значимость Курильских островов: 1) богатые природные ресурсы и высокое биоразнообразие; 2) стратегическое значение данной территории для обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства; 3) необходимость социально-экономического развития данного региона. Последнее достигается в том числе посредством создания территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности на Курильских островах.

Во-вторых, предпринимательно-правовой взгляд на проблему социально-экономического развития Курильских островов заключается в том, что, с одной стороны, законодатель использует ситуативный, а не системный подход к пространственному развитию экономики, результатом чего выступает необоснованное «дробление» регулирования в данной сфере общественных отношений; с другой – сближает правовое регулирование общественных отношений в сфере различных видов территорий с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности (в частности, ОЭЗ и ТОР).

В-третьих, решение указанной проблемы видится нам в унификации законодательства о территориях с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности посредством разработки и принятия единого нормативного правового акта (федерального закона). До тех пор стимулирование социально-экономического развития Курильских островов следует осуществлять либо в рамках уже созданных ТОР, либо в рамках общего Закона об ОЭЗ. Существующее специальное регулирование представляется избыточным.

Пристатейный библиографический список

1. *Дайрабаев В. У., Лохманов Д. В.* Международно-правовой статус Курильских островов в историческом аспекте // Современный юрист. 2014. № 1.
2. *Богатов В. В.* Биогеографические проблемы Курильского архипелага // Растительный и животный мир Курильских островов (Материалы Международного курильского проекта). Владивосток : Дальнаука, 2002.
3. *Ильин В. И., Архипкин В. С.* Особенности приливного водообмена в Курильских проливах по данным моделирования // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2024. № 4.
4. Как открыть бизнес на Курилах с широкой господдержкой // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/676060999a7947f15ba60c19> (дата обращения: 30.07.2025).
5. *Плотников А. Ю.* К вопросу о значении Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 3 (806).
6. *Ильинская О. И.* Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией // Журнал российского права. 2016. № 5.
7. Трактат о торговле и границах между Россией и Японией (Симодский): 26 января/7 февраля 1855 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина : сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/375717> (дата обращения: 31.07.2025).
8. *Потанова Н. В.* Некоторые проблемы управления центральными и северными Курилами (1867–1875 гг.) // Россия и АТР. 2012. № 1.
9. Мирный договор между Россией и Японией. Портсмут, 23 августа/5 сентября 1905 г. // Исторический факультет МГУ : сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/portsmth.htm> (дата обращения: 31.07.2025).
10. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (Ялта; 1945). Соглашение. [Ялта], 11 февр. 1945 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина : сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/450848> (дата обращения: 31.07.2025).
11. Акт о капитуляции Японии: 2 сентября 1945 г. Токийская бухта, 1945 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина : сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/692951> (дата обращения: 31.07.2025).
12. Декларация глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии (Потсдамская декларация). 26 июля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сборник документов. Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). М. : Политиздат, 1980.
13. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/dd743b8289afe6007e772f308af3f02b.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).
14. *Симкин В. С., Люксембург А. В.* Рассмотрение территориальных претензий Японии к России с точки зрения международного права // Международное публичное и частное право. 2006. № 3.

15. Шкунов В. Н. Государственно-правовое регулирование российско-японских отношений и двусторонняя торговля в середине – второй половине XIX в. // История государства и права. 2011. № 15.

16. Закон РСФСР от 4 июля 1991 г. № 1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1008.

17. Указ Президента РФ от 4 июня 1992 г. № 548 «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации» // Ведомости. 1992. № 24. Ст. 1325.

18. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.

19. Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3.

20. Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении на территории Калининградской области эксперимента по созданию условий для упорядоченной электронной торговли товарами» // СЗ РФ. 2023. № 12. Ст. 1897.

21. Федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» // СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2807.

22. Черешнева И. А. Территории с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности (частно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

23. Федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в статью 3.1 Федерального закона «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» и Федеральный закон «О территориях опережающего развития в Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2025. № 23. Ст. 2991.

References

1. Dairabaev V. U., Lokhmanov D. V. International Legal Status of the Kuril Islands in the Historical Aspect. *Modern Lawyer*, 2014, no. 1. (In Russ.)

2. Bogatov V. V. Biogeographic Problems of the Kuril Archipelago. In *Flora and Fauna of the Kuril Islands (Proceedings of the International Kuril Project)*. Vladivostok: Dalnauka, 2002. (In Russ.)

3. Ilyin V. I., Arkhipkin V. S. Specific Features of Tidal Exchange in the Kuril Straits According to Modeling Data. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2024, no. 4. (In Russ.)

4. How to Start a Business on the Kuril Islands with Massive State Support. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/676060999a7947f15ba60c19> (date of the application: 30.07.2025). (In Russ.)

5. Plotnikov A. Yu. On the Importance of the Kuril Islands in the History of the Asia-Pacific Region. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, no. 3 (806). (In Russ.)

6. *Ilyinskaia O. I.* Legal Basis of Territorial Delimitation between Russia and Japan. *Journal of Russian Law*, 2016, no. 5. (In Russ.)
7. Treaty of Shimoda. URL: <https://www.prilib.ru/item/375717> (date of the application: 31.07.2025). (In Russ.)
8. *Potapova N. V.* Some Problems of Management of the Central and Northern Kuriles (1867–1875). *Russia and ATR*, 2012, no. 1. (In Russ.)
9. Treaty of Portsmouth. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/portsmth.htm> (date of the application: 31.07.2025). (In Russ.)
10. Yalta Conference. URL: <https://www.prilib.ru/item/450848> (date of the application: 31.07.2025). (In Russ.)
11. Japanese Instrument of Surrender. URL: <https://www.prilib.ru/item/692951> (date of the application: 31.07.2025). (In Russ.)
12. Potsdam Declaration: Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender Issued, at Potsdam, July 26, 1945. In *The Soviet Union at International Conferences During the Great Patriotic War, 1941–1945: Collection of Documents. Vol. 6: Berlin (Potsdam) Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – The USSR, the USA and Great Britain (July 17 – August 2, 1945)*. Moscow: Politizdat, 1980. (In Russ.)
13. Treaty of San Francisco. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/dd743-b8289afe6007e772f308af3f02b.pdf> (date of the application: 31.07.2025). (In Russ.)
14. *Simkin V. S., Liuksemburg A. V.* Consideration of Japan's Territorial Claims Against Russia from International Law Perspective. *International Public Law and International Private Law*, 2006, no. 3. (In Russ.)
15. *Shkunov V. N.* State-Law Regulation of Russian-Japan Relations and Bilateral Trade in the Middle – Second Half of the 19th Century. *History of State and Law*, 2011, no 15. (In Russ.)
16. Law of the RSFSR of July 4, 1991 No. 1545-I “On Foreign Investments in the RSFSR”. *Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*, 1991, no. 29, art. 1008. (In Russ.)
17. Decree of the President of the Russian Federation of June 4, 1992 No. 548 “On Some Measures for the Development of Free Economic Zones in the Territory of the Russian Federation”. *Vedomosti*, 1992, no. 24, art. 1325. (In Russ.)
18. Federal Law of July 21, 2005 No. 116-FZ “On Special Economic Zones in the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 30, art. 3127. (In Russ.)
19. *Gabov A. V.* Anti-Sanction Measures in Russian Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 3. (In Russ.)
20. Federal Law of March 18, 2023 No. 84-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Conducting an Experiment in the Kaliningrad Oblast to Create Conditions for Orderly Electronic Trade in Goods”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 12, art. 1897. (In Russ.)
21. Federal Law of May 31, 1999 No. 104-FZ “On Special Economic Zones in the Magadan Oblast and in the Territories of the South Kuril, Kuril and North Kuril Urban Districts of the Sakhalin Oblast”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1993, no. 23, art. 2807. (In Russ.)

22. *Chereshneva I. A. Territories with Special Regime of Business Activities (the Private and Legal Aspect): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2024. (In Russ.)*

23. Federal Law of June 7, 2025 No. 132-FZ "Concerning the Introduction of an Amendment to Article 3.1 Federal Law 'On Special Economic Zones in the Magadan Oblast and in the Territories of the South Kuril, Kuril and North Kuril Urban Districts of the Sakhalin Oblast' and Federal Law 'On Territory of Advanced Development in the Russian Federation'". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, no. 23, art. 2991. (In Russ.)*

Сведения об авторе:

И. А. Черешнева – кандидат юридических наук.

Information about the author:

I. A. Chereshneva – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 03.09.2025; approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-167-174>

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ КИЕВСКИМ РЕЖИМОМ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЗОНЕ СВО

Ольга Ивановна Александрова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

gra@rpa-mjust.ru

Аннотация

В статье первостепенное внимание уделяется расследованию преступлений украинских нацистов, связанных с применением химического оружия против российских военнослужащих и гражданского населения Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, а также приграничных регионов Российской Федерации. Важное место отводится анализу структуры и состава химических боеприпасов, раскрытию места производства и степени нанесенного ущерба. Выявляются способы изготовления боеприпасов на основе соединения отдельных химических компонентов с тем, чтобы их нельзя было признать включенными в запрещенные списки международных конвенций. Автор пришел к выводу, что киевский режим при помощи США и других стран НАТО обеспечил поставку химических боеприпасов и помог Украине организовать производство собственных отравляющих веществ, при котором используются промышленные химические компоненты. Тем не менее СК России использует на практике сложные анализы, позволяющие собрать объективные доказательства применения киевским режимом химического оружия против российских военнослужащих и мирного населения.

Ключевые слова: Россия; СВО; СК России; Украина; преступления; химическое оружие; расследование.

Для цитирования: *Александрова О. И.* Расследование преступлений, связанных с применением киевским режимом химического оружия против гражданского населения и российских военнослужащих в зоне СВО // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 167–174 . <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-167-174>

Research Article

INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE USE OF CHEMICAL WEAPONS BY THE KIEV REGIME AGAINST THE CIVILIAN POPULATION AND RUSSIAN MILITARY PERSONNEL IN THE AREA OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Olga I. Aleksandrova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

The article focuses on the investigation of the crimes of the Ukrainian Nazis related to the use of chemical weapons against Russian military personnel and civilians of the Donetsk and Lugansk People's Republics, Zaporizhia and Kherson regions, as well as the border regions of the Russian Federation. An important place is given to the analysis of the structure and composition of chemical munitions, the disclosure of the place of production and the degree of damage caused. Methods of manufacturing ammunition based on the combination of individual chemical components are being identified so that they cannot be recognized as included in the prohibited lists of International Conventions. The author concluded that the Kiev regime, with the help of the United States and other NATO countries, ensured the supply of chemical munitions and helped Ukraine organize the production of its own toxic substances, which use industrial chemical components. Nevertheless, the Investigative Committee of Russia uses complex analyses in practice to collect objective evidence of the use of chemical weapons by the Kiev regime against Russian military personnel and civilians.

Keywords: Russia; special military operation; Russian Investigative Committee; Ukraine; crimes; chemical weapons; investigation.

For citation: *Aleksandrova O. I. Investigation of Crimes Related to the Use of Chemical Weapons by the Kiev Regime Against the Civilian Population and Russian Military Personnel in the Area of the Special Military Operation. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 167–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-167-174>*

Введение

В XX в. химическое оружие получило достаточно широкое применение. К его первому массовому использованию исследователи относят 22 апреля 1915 г., когда германские войска направили против англо-французских войск 5730 баллонов, содержащих 180 т хлора. В результате данной атаки погибло 5 тыс. человек, а 10 тыс. военнослужащих получили тяжелые травмы глаз, легких и других внутренних органов. Тогда на фронтах Первой мировой войны применялись хлор, фосген, хлорпикрин, цианистый водород и иприт.

Следует отметить, что 17 июня 1925 г. в Женеве был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. В нем запрещалось применение химического оружия, однако не говорилось о его производстве и накоплении. Поэтому ведущие страны мира продолжали осуществлять разработки в сфере создания химического оружия.

В период Второй мировой войны химическое оружие в боевых действиях не получило широкого применения, однако оно активно использовалось гитлеровскими нацистами в концентрационных лагерях. Это привело к гибели миллионов гражданских лиц и военнопленных.

В послевоенный период применение химического оружия получило распространение против стран третьего мира, боровшихся против колонизаторов. Наиболее массовое использование химического оружия происходило в 1962–1971 гг. в войне США против Вьетнама. Американские военные самолеты распыляли тогда над территорией Вьетнама диоксин, представлявший собой экотоксиканты с мощным мутагенным, иммунодепрессантным и канцерогенным действием.

Достаточно широко применялось химическое оружие и в период Ирано-Иракской войны (1980–1988 гг.), в ходе которой погибло примерно 20 тыс. военнослужащих и большое количество мирных жителей.

13 января 1993 г. в Париже была принята Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении. Тем не менее США неоднократно нарушали данную Конвенцию, передавая в третьи страны (Ирак, Афганистан, Украину) нелетальное химическое оружие. По словам начальника войск РХБЗ Министерства обороны РФ генерала И. А. Кириллова, убитого в результате террористического акта агентами киевского режима 17 декабря 2024 г., «Пентагон продолжает разработку новых и модернизацию имеющихся химических боеприпасов нелетального действия и других систем применения химического оружия, таких как 120-мм мины, 155-мм артиллерийские и 120-мм танковые выстрелы» [1].

Таким образом, ВСУ используют химическое оружие на территории Украины и в приграничных областях России против российских военнослужащих и гражданско-

го населения. «Российской стороной зафиксированы и подтверждены, – подчеркивал генерал И. А. Кириллов, – случаи использования ВСУ боеприпасов, снаряженных не только хлорпикрином, но и другими химическими средствами раздражающего действия. Так, газовые гранаты американского производства с веществом «Си-Эс» были применены в отношении российских военнослужащих на Краснолиманском и Богуславском направлениях». Кроме того, «ручные гранаты с химическими средствами раздражающего действия, имеющие маркировку «Терен-6», были сброшены с украинских БПЛА на позиции российских войск, а схрон с данными боеприпасами обнаружен на территории города Донецк. По показаниям украинских пленных, такими гранатами оснащаются штурмовые группы ВСУ» [1].

Активное использование химического оружия украинскими нацистами против российских военнослужащих и гражданского населения требует изучения структуры и состава таких боеприпасов, а также разнообразия тактических приемов его применения. Важное значение имеет и тщательное расследование таких преступлений.

1. Особенности использования киевским режимом химического оружия после государственного переворота 2014 г. на Украине

Важно отметить, что ВСУ широко применяли различные токсичные химикаты, которые повсеместно были представлены в хозяйственной деятельности: аммиак, хлор, аммиачная селитра, азотная кислота и др. Кроме того, они использовали также табельные отравляющие вещества, которые поставлялись из США и других стран НАТО. К ним следует отнести смертельные отравляющие вещества общедовитого действия типа хлорциан (шифр СК), инкапаситанты (психотомиметики типа Би-Зет, шифр ВЗ) и ирританты (агенты Си-Эс (CS) и Си-Ар (CR)) [2, с. 72].

Д. П. Рудаков указывает, что украинские националисты используют в качестве контейнеров для токсичных химических веществ пустые корпуса огнетушителей, которые оборудуются контактными взрывателями и соединяются с реактивным двигателем штатного выстрела ручного противотанкового гранатомета [2, с. 75].

29 февраля 2024 г. в связи с ложными обвинениями в адрес России о якобы применении химического оружия, на сайте МИД РФ [3] сообщалось, что еще в октябре 2023 г. в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН были распространены подробные данные о широком использовании украинскими боевиками химического оружия. Отмечается, что хлорпикрин был впервые применен украинскими нацистами еще 2 мая 2014 г. в Одессе, в Доме Профсоюзов, в отношении протестовавших против государственного переворота в Киеве.

Таким образом, на первом этапе ВСУ применяли оружие отравляющего характера, предназначенное для борьбы с участниками митингов и демонстраций. Затем они стали получать американские химические боеприпасы, которые начали применять в ходе боевых действий.

В 2022–2024 гг. Россия направляла ноты в Технический секретариат ОЗХО по фактам подготовки и проведения Украиной провокаций с применением токсичных химикатов (хлора, аммиака, аммиачной селитры и серной кислоты) на промышленных предприятиях Донецкой и Луганской Народных Республик, а также в Сумской, Харьковской и Одесской областях Украины [4]. Так, 19 августа 2022 г. было отравле-

но пять российских военнослужащих, выполнявших задачи в зоне СВО. В результате отравления погибло три человека и двое пострадали. В ходе анализа проб были выявлены: наркотическое вещество – метадон, вещества психотропного действия – *a*-пирролидинопентиофенон и тетрагидроканибинол. Был также идентифицирован 3-хинуклидиловый эфир гидроксидифенилуксусной кислоты.

В целом применение украинскими нацистами смесей химикатов различных принципов физиологического воздействия на организм человека (наркотических и психотропных веществ) против военнослужащих ВС РФ свидетельствует о злостном нарушении Украиной трех международных конвенций: КЗХО, Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. и Конвенции о психотропных веществах 1971 г. [4].

7 апреля 2023 г. в районе населенного пункта Залиман Луганской Народной Республики на позиции российских войск были сброшены с БПЛА боеприпасы с маркировкой «Терен-6». Исследование представленных проб показало, что в них были идентифицированы следующие химические соединения: морфолид пеларгоновой кислоты и ортохлорбензальмалонодинитрил (CS). Использование таких химических веществ свидетельствует о том, что Украина разрабатывает рецептуры токсичных химикатов, которые не включены в списки международных конвенций, запрещающих применение химического оружия [4].

Всестороннее расследование СК России преступлений киевского режима, широко использующего химическое оружие, поможет не только достоверно информировать международную общественность о таких преступных деяниях, но и добиться справедливого наказания украинских преступников.

2. Расследование преступлений украинских нацистов, связанных с применением химического оружия против российских военнослужащих и гражданского населения в зоне СВО

В конце 2023 – начале 2024 гг. в районе Клещевки в ДНР против российских военнослужащих были зафиксированы случаи применения химических боеприпасов. В декабре 2023 г. в районе Красного Лимана (ДНР) по позициям российских военных был осуществлен сброс с БПЛА газовых гранат американского производства [5].

В 2025 г. в производстве военных следственных органов Следственного комитета РФ находились уголовные дела о применении украинскими военными оружия массового поражения. Так, 8 октября 2024 г. в следственном управлении Главного военного следственного управления Следственного комитета РФ было возбуждено уголовное дело по факту применения на территории Курской области военнослужащими Украины боевых отравляющих веществ в отношении военнослужащих ВС РФ и сотрудников органов внутренних дел.

В ходе предварительного следствия по уголовному делу было установлено, что 10 августа 2024 г. командир 80-й отдельной десантно-штурмовой бригады ВСУ полковник П. И. Розлач, находясь на боевых позициях, расположенных в Курской области, отдал приказ о применении 155-мм артиллерийских снарядов, содержавших ядовитые, отравляющие, токсичные и опасные химические вещества «гексахлорэтан» и «тетрахлорэтилен». Они являются основным компонентом металлохлорид-

ной смеси, при термическом разложении которой высвобождается в том числе токсичный химикат фосген, включенный в список 3 Приложения к Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., вступившей в силу 29 апреля 1997 г. Таким образом, был открыт артиллерийский огонь снарядами, содержащими химические вещества, с огневой позиции, расположенной в 40 км от с. Большое Солдатское, в районах хутора Мартыновка, сел Русское Поречное и Черкасское Поречное Суджанского района Курской области, по месту нахождения и скопления сотрудников Министерства внутренних дел РФ, военнослужащих ВС РФ и гражданских лиц в здании отделения МВД России по Большесолдатскому району.

В результате прямого попадания снаряда, снаряженного опасными химическими веществами, в здание отделения МВД России по Большесолдатскому району Курской области образовалось ядовитое и химически опасное искусственное аэрозольное облако удушающего действия, парами которого были поражены находившиеся в здании 12 сотрудников отделения МВД России по Большесолдатскому району, шесть военнослужащих ВС РФ и одно гражданское лицо.

В ходе предварительного следствия начальник войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал И. А. Кириллов сообщил, что подчиненными ему специалистами 27-го Научного центра Минобороны России проведены исследования отобранных у пострадавших биопроб. Установлено, что причиной поражения личного состава стало поступление в организм через дыхательные пути большого количества аэрозоля, содержащего хлор, а также отравляющих веществ удушающего действия типа «фосген», который включен в список 3 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении.

По заключению экспертов, артиллерийский дымовой боеприпас, снаряженный токсичными химикатами и специально примененный для смертельного поражения или причинения иного вреда, может быть отнесен к химическому оружию.

Преступные действия полковника ВСУ П. И. Розлача [6] были квалифицированы органами предварительного следствия по п. «а» ч. 3 ст. 205 и ч. 2 ст. 356 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

11 марта 2025 г. 2-м Западным окружным военным судом П. И. Розлач заочно признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205 и 356 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде 25 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

17 июля 2025 г. начальник войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал-майор А. Ртищев сообщил, что в ходе СВО было зафиксировано более 500 случаев применения украинской стороной химических средств борьбы с беспорядками (хлорацетафенон, CS), а также отравляющих веществ психотропного (BZ) и общедовитого действия (хлориан, синильная кислота). Кроме того, ВСУ стали чаще применять химическое оружие при помощи БПЛА. Так, 8 июля 2025 г. в районе населенного пункта Ивановка в ДНР был сброшен боеприпас, снаряженный смесью хлорпикрина и хлорацетофенона. Такие случаи фиксировались ранее в районах Донецка, Богдановки, Горловки, Кременной и Артемовска [7].

Заключение

16 октября 2025 г. Председатель СК России А. И. Бастрыкин провел оперативное совещание в Мариуполе, на котором указывалось, что с 2014 г. было возбуждено 8411 дел о преступлениях киевского режима [8]. Значительное место среди них занимают дела, связанные с преступлениями о применении украинскими нацистами химического оружия.

Таким образом, Следственный комитет РФ проводит большую работу по сбору, идентификации и классификации применяемых киевским режимом химических боеприпасов, а также по справедливому наказанию украинских преступников. Ему приходится преодолевать попытки СМИ Украины и западных стран обвинить Россию в применении химического оружия в зоне СВО и опровергать ложные публикации, убедительно доказывая реальное использование украинскими нацистами различных видов химических боеприпасов. СК России, постоянно взаимодействуя с Министерством обороны РФ, Министерством иностранных дел РФ и другими силовыми ведомствами, выявляет и раскрывает преступления киевских нацистов, применяющих против российских военнослужащих и гражданского населения химическое оружие и грубо нарушающих международные конвенции.

Пристатейный библиографический список

1. Полная версия доклада генерала Кириллова о применении ВСУ химического оружия // Аргументы недели : сайт. URL: <https://argumenti.ru/army/2024/05/901475> (дата обращения: 03.08.2025).
2. Рудаков Д. П. Анализ способов применения отравляющих веществ по опыту специальной военной операции // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. 2024. № 1 (21).
3. Активизация применения украинскими вооруженными формированиями токсичных химикатов // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/khimicheskoe_oruzhie/1935642/ (дата обращения: 15.08.2025).
4. О применении (подготовке к применению) Украиной химического оружия против мирного населения, должностных лиц и Вооруженных Сил Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/1989119/ (дата обращения: 21.09.2025).
5. О применении (подготовке к применению) Украиной химического оружия против мирного населения, должностных лиц и Вооруженных Сил Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/khimicheskoe_oruzhie/193564289119/ (дата обращения: 21.09.2025).
6. СК раскрыл, кто стоит за обстрелами Курской области запрещенными снарядами // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20241205/rozlach-1987525412.html?ysclid=mh7f6cbx23209445498> (дата обращения: 21.08.2025).
7. Киев в ходе СВО использовал химическое оружие более 500 раз // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20250717/oruzhie-20209640773.html> (дата обращения: 18.08.2025).

8. Председатель СК России провел оперативное совещание в Мариуполе // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2027050> (дата обращения: 18.08.2025).

References

1. Full Version of General Kirillov's Report on the Use of Chemical Weapons by the Ukrainian Armed Forces. URL: <https://argumenti.ru/army/2024/05/901475> (date of the application: 03.08.2025). (In Russ.)

2. Rudakov D. P. Analysis of the Methods of Using Toxic Substances Based on the Experience of a Special Military Operation. *Scientific and Methodological Bulletin of Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation*, 2024, no. 1 (21). (In Russ.)

3. Increased Use of Toxic Chemicals by Ukrainian Armed Forces. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/khimicheskoe_oruzhie/1935642/ (date of the application: 15.08.2025). (In Russ.)

4. On the Use (Preparation for Use) of Chemical Weapons by Ukraine Against Civilians, Officials, and the Armed Forces of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/1989119/ (date of the application: 21.09.2025). (In Russ.)

5. On the Use (Preparation for Use) of Chemical Weapons by Ukraine Against Civilians, Officials, and the Armed Forces of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/khimicheskoe_oruzhie/193564289119/ (date of the application: 21.09.2025). (In Russ.)

6. The Investigative Committee Revealed Who Was Behind the Shelling of the Kursk Region with Prohibited Projectiles. URL: <https://ria.ru/20241205/rozlach-1987525412.html?ysclid=mh7f6cbx23209445498> (date of the application: 21.08.2025). (In Russ.)

7. Kyiv Used Chemical Weapons More Than 500 Times during the SVO. URL: <https://ria.ru/20250717/oruzhie-20209640773.html> (date of the application: 18.08.2025). (In Russ.)

8. The Chairman of the Investigative Committee of Russia Held an Operational Meeting in Mariupol. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2027050> (date of the application: 18.08.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

О. И. Александрова – кандидат юридических наук, доцент, ректор.

Information about the author:

O. I. Aleksandrova – PhD in Law, Associate Professor, Rector.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 30.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-175-188>

СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ВИДЕОЗАПИСЕЙ

Олег Олегович Власов^{1,2}

¹ Российский федеральный центр судебной экспертизы им. профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции РФ, 101000, Россия, г. Москва, Большой Спасоглинищевский пер., д. 4

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

^{1,2} o.vlasov@sudexpert.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам аккредитации судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ). Рассмотрены основные технические требования к оценке пригодности судебно-экспертных методик и межлабораторного профессионального тестирования. Дан анализ опыта аккредитации российских и зарубежных СЭУ на соответствие международному стандарту системы менеджмента. Рассмотрены перспективы международного сотрудничества в области аккредитации СЭУ. В качестве примера приведен опыт валидации «Методики исследования файлов, содержащих цифровые изображения» в ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России» (далее – РФЦСЭ).

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; аккредитация; валидация методик; межлабораторное профессиональное тестирование; криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей.

Для цитирования: Власов О. О. Система менеджмента в судебно-экспертном исследовании цифровых видеозаписей // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 175–188. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-175-188>

Research Article

MANAGEMENT SYSTEM IN THE FORENSIC EXAMINATION OF DIGITAL VIDEO RECORDINGS

Oleg O. Vlasov^{1,2}

¹ Russian Federal Centre of Forensic Science of the Professor A. R. Shliakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 4 Bolshoi Spasoglinishchevskii Lane, Moscow, 101000, Russia

² All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

^{1,2} o.vlasov@sudexpert.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of accreditation of forensic expert institutions (hereinafter referred to as SEU). The main technical requirements for assessing the suitability of forensic expert techniques and interlaboratory professional testing are considered. The analysis of the experience of accreditation of Russian and foreign SEUs for compliance with the international management system standard is given. The prospects of international cooperation in the field of SEA accreditation are considered. As an example, the experience of validating the “Methodology for Examining Files Containing Digital Images” at the Russian Federal Center of Forensic Science of the Professor A. R. Shliakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation is given.

Keywords: forensic science practice; accreditation; forensic methods validation; international laboratory professional testing; forensic examination of video and audio recordings.

For citation: Vlasov O. O. Management System in the Forensic Examination of Digital Video Recordings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 175–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-175-188>

Введение

Российская Федерация переживает период активного развития цифровой инфраструктуры, характеризующийся переходом к комплексным цифровым системам с применением искусственного интеллекта. В связи с этим юридическая наука и судебно-экспертная деятельность (далее – СЭД) должны интегрироваться в данный инновационный процесс.

Совершенствование СЭД является одним из условий реализации основополагающих принципов судопроизводства, включающих в себя обеспечение всестороннего, полного и объективного исследования. Современные технологии влияют на методы и средства судебной экспертизы, способствуя дальнейшему развитию судебно-экспертных технологий и переходу на следующий уровень развития СЭД для достойного ответа возросшим потребностям судопроизводства. В таких условиях значение последствий ошибок в судебной экспертизе оказывает существенное влияние на объективность полученных результатов. При этом вопросу повышения качества деятельности судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ) отводится значительная роль, и одним из путей повышения качества и престижа экспертных исследований является аккредитация СЭД. Как указывают А. И. Усов и другие авторы, «под аккредитацией понимается процедура, по результатам которой специально уполномоченный орган официально признает компетентность того или иного органа выполнять конкретные работы» [1, с. 57]. Аккредитация позволяет с большей уверенностью полагаться на квалификацию при выполнении определенного вида работ, ведь репутация лаборатории формируется не только на основе качества исследований, но и благодаря квалифицированному персоналу, применяемым лабораторией подходам к решению задач и выбору оптимальной методики.

1. Основные технические требования международного стандарта ГОСТ ISO/IEC 17025-2019

В России и за рубежом аккредитация лабораторий общего профиля проводится в соответствии с требованиями стандарта ISO/IEC 17025:2017 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» (далее – ИСО/МЭК 17025). С 2006 г. этот стандарт действует в России в качестве национального, в 2019 г. был принят межгосударственный стандарт ГОСТ ISO/IEC 17025-2019, идентичный международному стандарту ISO/IEC 17025:2017. Данный документ устанавливает базовые требования к работе всех аккредитованных лабораторий, в том числе выполняющих судебные экспертизы.

В России в соответствии с требованиями Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» аутентичный текст международного стандарта становится частью национальной системы стандартизации, обеспечивая его применение на национальном уровне. Для обеспечения аккредитации судебно-экспертных организаций был создан и введен в действие ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025» [2, с. 53]. Считаю объективной точку зрения С. А. Кузьмина, согласно которой «общепринятым стал подход к обеспечению качества экспертной деятельности, основанный именно на стандарте ИСО 17025» [3, с. 22], ввиду того, что данные стандарты основаны на обширном международном опыте экспертных и передовых научно-технических разработок, аккредитация должна:

- обеспечить более точные и надежные судебно-экспертные заключения за счет повышения научно-технического уровня судебно-экспертных лабораторий;
- улучшить систему оценки лабораторий и экспертных заключений, сделав ее более прозрачной и понятной для использования как доказательств в суде;

– разработать механизмы для легализации и признания заключений российских экспертов в зарубежных юрисдикциях.

Международный стандарт аккредитации испытательных лабораторий, включая судебно-экспертные, предъявляет два основных типа требований: требования к системе управления и технические требования. В ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/ МЭК 17025» подробно изложены требования к оформлению документации, управлению рабочими процессами, регистрации результатов и обеспечению информирования о выполненных действиях. Вся документация, относящаяся к производству судебных экспертиз, должна быть распространена среди соответствующего персонала в понятной и доступной форме, что позволит эффективно использовать ее в работе. Как справедливо считают С. А. Смирнова, А. И. Усов и другие авторы, «технические требования включают оценку состояния следующих факторов: компетентность персонала, помещение и условия окружающей среды, методы экспертных исследований (оценка пригодности методов измерения и тестирования), оборудование, прослеживаемость измерений, отбор образцов для экспертизы и обращение с ними, обеспечение качества судебных экспертиз (прецизионность и правильность методов и точность или неопределенность результатов измерений)» [1, с. 58].

Автор считает необходимым заметить, что в части требований к персоналу аккредитованной лаборатории, вопросам подготовки, подтверждения и повышения квалификации экспертов-видеотехников ранее уже подготовлена и опубликована статья «Организационные и методологические аспекты подготовки экспертов-видеотехников» [4]. Поэтому рассмотрим только основные технические требования международного стандарта на примере валидации судебно-экспертных методик (далее – СЭМ) и межлабораторного профессионального тестирования (далее – МПТ) в криминалистической экспертизе видеозаписей (далее – КЭВ).

Для поддержания высокого уровня качества судебно-экспертных исследований необходимо соблюдение следующих процедур: валидация СЭМ (оценка пригодности), направленная на обеспечение достоверности результатов, и проведение МПТ, направленное на поддержание высокого уровня квалификации персонала.

Готовясь к аккредитации СЭУ, организация должна рассмотреть все требования стандарта и прежде всего определить, какие методики она включит в область аккредитации. Аккредитация распространяется на отдельные методики исследований/испытаний, а не на все исследования и испытания, проводимые в аккредитуемой организации (лаборатории). С учетом требований, изложенных в стандарте ИСО/МЭК 17025, в организации разрабатывается внутренняя система менеджмента (СМ), которая распространяется на все сферы деятельности лаборатории. В зависимости от области деятельности, лаборатории применяют соответствующие судебно-экспертные методики (СЭМ), которые, в свою очередь, адаптированы с учетом специфики проводимых исследований и делятся на два типа:

- 1) количественные методики измерения (СЭМИ);
- 2) качественные методики или методики тестирования (СЭМТ).

В ряде случаев СЭМ сочетают в себе методы измерения и тестирования. Эксперт, обладая необходимыми знаниями, определяет методологию исследования,

неся за это ответственность. Эксперт, выбирая методику, которая лучше всего подходит для решения конкретных задач, учитывает имеющиеся материалы, объекты и свой накопленный опыт.

Применяемые лабораториями стандартизованные методики проходят верификацию, целью которой является подтверждение наличия у данной лаборатории возможности правильно провести исследование по конкретной методике и получить результаты с точностью, отвечающей установленным в этой методике требованиям. Валидации (оценке на пригодность по результатам валидационного эксперимента) подлежат вновь разработанные методики, актуализированные методики (ранее не валидировавшиеся), а также стандартизованные методики, используемые за пределами их области применения. В соответствии с требованиями стандарта валидация методик может быть реализована следующими способами:

- внутрिलाбораторные сравнения (сличения) с использованием стандартных образцов или лабораторных образцов с известными или заранее установленными характеристиками;

- межлабораторные сравнения (сличения), заключающиеся в сравнении результатов, полученных разными лабораториями при исследовании одинаковых образцов, с известными значениями контролируемых показателей с применением одной и той же (валидируемой) методики.

Параметры валидации, т.е. оцениваемые в ходе валидации показатели методик, различаются для количественных и качественных методик.

Для качественных методик (СЭМТ) при валидации оценивают надежность методики, компетентность персонала и, при необходимости, предел обнаружения и не представляют численных отчетов.

Под надежностью (*reliability*) методики тестирования понимается устойчивость, воспроизводимость результатов тестирования одних и тех же образцов, многократно повторяемых в разных условиях и в разное время. В некоторых случаях в качестве характеристики надежности тестирования рассматривается уровень ошибочных (*false*) результатов, в частности доля ложных положительных и ложных отрицательных результатов в общем количестве тестирований. Неопределенность тестирования в этих случаях выражается в вероятностной форме.

Оценка компетентности персонала при валидации качественных СЭМТ обязательна. Основными критериями такой оценки являются: корректность выполнения валидируемой методики, количество ошибочных результатов у каждого эксперта. «Если эксперт применяет международные, национальные, отраслевые стандарты, которые аттестованы, описаны и опубликованы, и при этом не изменяет их области действия, задачей валидации является подтверждение правильности использования стандартов в данной лаборатории» [5, с. 20].

Процедура валидации СЭМ состоит из следующих этапов [6, с. 11]:

- подготовительный, состоящий из составления спецификаций требований к целевому использованию методических материалов в СЭД и разработки (выбор подходящей СЭМИ или СЭМТ);

- основной этап, в который входят составление плана валидации, выполнение эксперимента, оценка результатов эксперимента, составление отчета;

- этап принятия решения, который является условным:
- если вывод о соответствии СЭМ заданной цели носит отрицательный характер, то СЭМ отправляется на подготовительный этап, о чем инициатору валидации выдается соответствующий протокол;
- если вывод о соответствии СЭМ заданной цели носит положительный характер, то СЭМ признается пригодной к последующему использованию в экспертной практике, в эксперименте МПТ, в мониторинге контроля качества, а инициатору валидации выдается протокол об успешном проведении валидации.

Переходя к межлабораторному профессиональному тестированию, необходимо дать определение этого понятия, которое А. И. Усовым, С. А. Смирновой и другими авторами формулируется следующим образом: «Под МПТ в области судебной экспертизы понимают организацию, проведение и оценку результатов испытаний одних и тех же или таких же объектов судебной экспертизы двумя или большим числом судебно-экспертных лабораторий в соответствии с заранее установленными условиями» [7, с. 31].

МПТ необходимо проводить в соответствии с требованиями международного стандарта ГОСТ ISO/IEC 17043-2013 «Оценка соответствия. Основные требования к проведению проверки квалификации» [7, с. 32]. Согласно требованиям этого стандарта для осуществления МПТ помимо участников и заказчиков требуются «провайдер проверки квалификации» и «координатор». Провайдером является организация, осуществляющая разработку, администрирование и анализ результатов программ проверки квалификации, предназначенных для оценки компетентности судебно-экспертных лабораторий в рамках МПТ [8]. Координатор МПТ – одно или несколько лиц, отвечающих за планирование, организацию, проведение проверки квалификации и анализ результатов проверки квалификации [8].

Многолетний опыт аккредитованных лабораторий СЭУ Минюста России в поиске провайдера МПТ, осуществляющего разработку администрирование и анализ результатов программ проверки квалификации судебных экспертов, предназначенных для оценки компетентности судебно-экспертных лабораторий, показал полное отсутствие в Российской Федерации каких-либо организаций, способных осуществлять функции провайдеров в СЭД по криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей.

2. Опыт аккредитации российских и зарубежных СЭУ

Рассмотрим международный опыт аккредитации судебно-экспертных организаций. Многие зарубежные судебно-экспертные лаборатории прошли аккредитацию на соответствие требованиям международного стандарта ISO/IEC 17025. Система аккредитации судебно-экспертных лабораторий развивается уже достаточно долго. «Ее началом, как системного явления, можно считать принятие в 1982 г. Американским обществом директоров криминалистических лабораторий / Советом по аккредитации лабораторий (American Society of Crime Lab Directors / Laboratory Accreditation Board (ASCLD / LAB)) программы по аккредитации судебно-экспертных лабораторий» [9]. В качестве базового стандарта, определяющего требования к лабораториям, был принят ISO/IEC 17025 «Общие требования к компетентности

испытательных и калибровочных лабораторий». С 1982 по 2003 г. в США аккредитовались 237 лабораторий из 350 экспертных организаций. Также были аккредитованы лаборатории из Канады, Сингапура, Гонконга, Австралии и Новой Зеландии. «Важнейшей особенностью данных программ являлось то, что аккредитация предоставлялась судебно-экспертным лабораториям различных профилей, от занимающихся традиционными криминалистическими исследованиями до исследования ДНК» [10, с. 205; 11, с. 25].

Параллельно аналогичные процессы происходили и в Европе. «Первоначально лаборатории Британии и Нидерландов аккредитовывались в ASCLD/LAB, а по мере формирования структур Европейского Союза – в Европейской организации по аккредитации (EA). Идея качества в судебной экспертизе, подтверждаемая посредством аккредитации, стала центральной и для Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI)» [10, с. 207; 12, с. 22].

В странах арабского мира, как и в Европе, также уделяется внимание проблемам аккредитации. К примеру, «полицейская лаборатория Абу-Даби в 2013 г. подтвердила свою аккредитацию по стандарту ISO/IEC 17025:2005 в Великобритании (служба UKAS) по экспертизе документов, биологии, ДНК-идентификации и дактилоскопии, экспертизе денежных знаков» [13, с. 111].

Что касается аккредитации судебно-экспертных подразделений Министерства юстиции Китайской Народной Республики, то здесь имеется следующая информация: подразделения КНР прошли аккредитацию на соответствие требованиям CNAS-CL08:2018 «Критерии аккредитации компетентности судебно-экспертных подразделений», что соответствует Российскому стандарту ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025». Система аккредитации судебно-экспертных учреждений в КНР развивается, что подтверждается трехлетним планом, опубликованным совместно Главным управлением Министерства юстиции и Главным управлением Государственной администрации по регулированию рынка. Данный план «направлен на повышение компетентности аккредитации судебно-экспертных учреждений» [14].

Переходя к странам СНГ и Прибалтики, хотелось бы отметить, что первыми аккредитацию начиная с 2008 г. проходили страны Прибалтики [15, с. 29].

Центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Азербайджанской Республики начал работу над аккредитацией в отделах экспертизы звуков, рукописей и технической экспертизы документов, баллистической и трасологической экспертизы в 2013 г. В качестве органа аккредитации была выбрана турецкая организация аккредитации (*TÜRKAK*), которая выдала аттестат аккредитации по методам технической экспертизы документов, почерковедческой, трасологической и баллистической экспертизы [16, с. 132].

Представляет интерес процесс аккредитации методов видеофонографической экспертизы (криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей) в Казахстане. Первыми в 2015–2016 гг. проходили аккредитацию филиалы Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан в г. Алматы и Астане по следующим направлениям: экспертиза спиртосодержащих жидкостей, видеофонографическая экспертиза, трасология и баллистика, судебно-техническая экспер-

тиза документов [17, с. 87]. В дальнейшем аккредитацию прошли подразделения ЦСЭ МЮ РК в городах Актюбинске, Усть-Каменогорске, Караганде [18]. Все вышеуказанные испытательные лаборатории филиалов ЦСЭ МЮ РК зарегистрированы в Реестре субъектов аккредитации Республики Казахстан [18].

Проведенный мониторинг информации по аккредитованным лабораториям показал, что аккредитация лабораторий, осуществляющих исследование видео- и звукозаписей, имеется только в Республике Казахстан. Однако аккредитация в РК по видеофонографической экспертизе осуществлена в рамках методики измерений и только по звуку [19].

В РФЦСЭ в 2013 и 2014 гг. в лаборатории судебной экспертизы видео- и звукозаписей (далее – ЛСЭВиЗ или ОЭВЗ) в рамках пилотного проекта по профессиональному тестированию проводились исследования одинаковых образцов с известными значениями контролируемых показателей. Результаты проекта свидетельствуют об успешной работе нашей лаборатории и ее способности обеспечивать высокое качество выполнения исследований при производстве экспертизы видео- и звукозаписей. Далее ЛСЭВиЗ в 2015 г. участвовала в международной программе межлабораторного профессионального тестирования (МПТ), организованной Международным агентством безопасности Польши под эгидой Европейской сети судебно-экспертных учреждений (*ENFSI*). Из 12 участвующих ведущих европейских судебно-экспертных фоноскопических лабораторий наиболее точный результат был получен экспертами ЛСЭВиЗ. Однозначно участие в международных МПТ послужило бы существенным фактором, подтверждающим квалификацию ЛСЭВиЗ, в оценке пригодности доказательств в международных судах. Однако, учитывая факты отсутствия аккредитованных судебно-экспертных лабораторий по криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей в зарубежных странах и провайдеров МПТ по данному направлению в Российской Федерации, провести межлабораторное профессиональное тестирование в настоящее время не представляется возможным.

Таким образом, в рамках управления качеством судебно-экспертных исследований ключевой процедурой, направленной на обеспечение достоверности результатов КЭВ, является валидация СЭМ (оценка пригодности).

3. Валидация судебно-экспертной «Методики исследования файлов, содержащих цифровые изображения»

Прежде чем рассмотреть процедуру валидации СЭМ в ОЭВЗ, остановимся на процессе аккредитации РФЦСЭ. В 2009 и 2011 гг. две лаборатории РФЦСЭ – лаборатория судебно-экологической экспертизы и лаборатория компьютерно-технической экспертизы (ЛСКТЭ или ОКТЭ) – получили аккредитацию на соответствие международному стандарту ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025. В 2017 г. аккредитацию прошел РФЦСЭ. Аккредитация проведена Ассоциацией аналитических центров «Аналитика», которая является членом Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества по аккредитации. Факт аккредитации РФЦСЭ подтвержден Аттестатом аккредитации (№ААС.С.00249). Орган аккредитации ежегодно оценивает все стороны аккредитованной деятельности РФЦСЭ, исходя из требований стандарта. В настоящее время в область аккредитации РФЦСЭ входят 18 СЭМТ и шесть СЭМИ [20].

В 2018 г. в РФЦСЭ началась подготовка к аккредитации комплексной «Методики исследования файлов, содержащих цифровые изображения», применяемой в ОЭВЗ и ОКТЭ. Данная методика относится к качественным методикам (СЭМТ) и прошла процедуру валидации в соответствии с планом, в котором были отражены краткие сведения о методике, подлежащие оценке характеристики и показатели качества методики, необходимое оборудование, материалы, используемые образцы, требования к условиям окружающей среды и технике безопасности, планируемый порядок проведения валидационного эксперимента (количество исполнителей, приборов, дней исполнения, условия проведения, число серий и число параллельных измерений/тестирований и т.д.), основные этапы валидации (подготовка оборудования и образцов, проведение измерений/тестирований, проведение расчетов и анализа полученных результатов) и сроки их проведения, перечень фамилий и должностей участников и функции каждого из них, список необходимых нормативных и методических документов, а также лабораторных инструкций и форм. Валидация методики была проведена способом межлабораторного сравнения (сличения), заключающегося в сравнении результатов, полученных разными лабораториями при исследовании одинаковых образцов с известными значениями контролируемых показателей с применением одной и той же (валидируемой) методики. Результаты валидации и решение о соответствии методики ее целевому назначению документировались в форме отчета и протокола, подписываемых всеми членами валидационной группы. Комплексная методика, разработанная экспертами ОЭВЗ и ОКТЭ, прошла многоступенчатую процедуру утверждения: обсуждена и одобрена на совместном заседании научно-методических секций лабораторий, затем рекомендована для утверждения научно-методическим советом РФЦСЭ. После утверждения советом методика была внедрена в экспертную практику СЭУ Минюста России. Комплексная «Методика исследования файлов, содержащих цифровые изображения» утверждена приказом директора и в 2019 г. включена в область аккредитации РФЦСЭ. В дальнейшем, учитывая совершенствование технических средств и программного обеспечения, развитие методических подходов к решению задач по исследованию файлов, содержащих цифровые изображения, методика актуализировалась, пройдя при этом процедуру валидации и последующие процессы рассмотрения и утверждения. Последняя редакция «Методики исследования файлов, содержащих цифровые изображения» была утверждена приказом директора и внесена в область аккредитации РФЦСЭ в 2023 г. Кроме того, обязательным требованием вышеуказанной методики является процедура ее валидации раз в два года или при каждом обновлении аппаратно-программного обеспечения АРМ эксперта, применяемого при исследовании по данной методике. Также в рамках ежегодного инспекционного контроля со стороны аккредитующего органа проводится проверка правильности применения методики и соответствие системы менеджмента в ОЭВЗ РФЦСЭ. Одним из положительных аспектов аккредитации «Методики исследования файлов, содержащих цифровые изображения» явился факт использования Акта экспертного исследования, в котором исследование проведено в рамках аккредитованной методики. При исследовании было установлено, что на звукозаписях и цифровых изображениях имеются признаки

изменений. Данный факт лег в линию защиты представителей Российской Федерации, при этом вопросов к достоверности исследования, проведенного по аккредитованной на соответствие требованиям международного стандарта ИСО/МЭК 17025 методике, в Европейском суде не возникло, что повлекло в дальнейшем положительное решение (в пользу России) по делу межгосударственной жалобы № 38263/08 «Грузия против России (II)». Суд признал необоснованными часть претензий Грузии к России, выдвинутые по итогам военного конфликта в Южной Осетии. Таким образом, цель обеспечить возможность использования заключений российских экспертов в зарубежных и международных судах нашла свое подтверждение в конкретных делах.

Однако считаем необходимым отметить, что некоторые требования по контролю качества ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025 не соответствуют судебно-экспертной деятельности, и именно по этой причине в РФЦСЭ при подготовке к аккредитации проводилась корректировка требований. Например, корректировке подверглись требования стандарта, а именно пункт «7.1 Рассмотрение запросов, тендеров и договоров» [21], который в руководстве по качеству РФЦСЭ [22] приведен как «7.1. Анализ документов и материалов на проведение судебной экспертизы / экспертного исследования», где «входом процесса является постановление (определение) о назначении судебной экспертизы, поступившее от уполномоченных законом органов и лиц, либо заявление о проведении экспертного исследования, поступившее от физического или юридического лица», в отличие от процедуры для рассмотрения запросов, тендеров и договоров. Существенные изменения коснулись требований стандарта «7.2 Выбор, верификация и валидация методов», которое в руководстве по качеству РФЦСЭ приводится в виде относящимся к судебно-экспертной деятельности «7.2. Выбор, верификация, валидация методик». В руководстве по качеству РФЦСЭ в подпункте «7.2.1. Общие сведения о применяемых методиках. Выбор методик» указано, что экспертные «отделы используют судебно-экспертные методики, соответствующие области их деятельности, а также, в зависимости от профиля отдела – инструкции по отбору образцов (проб), обращению с ними, по подготовке объектов к исследованию... Для исследования объектов используют методики (методические рекомендации), разработанные самими отделами, а также методики, разработанные другими ведомствами, и стандартизованные методики разного уровня стандартизации: международные (ИСО/МЭК), национальные (ГОСТ, РМГ), отраслевые стандарты (ОСТ)» и т.д.

Таким образом, в процессе такой работы не только исключались пункты стандарта, не применимые к СЭУ, но и вносились дополнительные пункты контроля качества работы всего СЭУ и конкретных аккредитованных СЭМ.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить, что из имеющихся попыток аккредитации КЭВиЗ ее аккредитация осуществлена только в России и Казахстане, причем в Казахстане – только в рамках методики измерений по звуку. Соответственно, проводить МПТ с экспертами Казахстана невозможно из-за различий в структурах методик (качественной и количественной). Однако опыт коллег из Казахстана интересен

таким фактом, как государственный Реестр субъектов аккредитации, что полезно распространить и на СЭУ России.

Учитывая, что РФЦСЭ аккредитован Ассоциацией аналитических центров «Аналитика», которая является членом Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества по аккредитации, необходимо использовать этот факт для сотрудничества с экспертными учреждениями азиатских стран, в частности с Китаем.

Массовое внедрение требований стандарта ИСО/МЭК 17025 в СЭУ России неизбежно повлечет за собой формирование унифицированной и согласованной системы, способствующей взаимодействию с российскими и зарубежными организациями, включая органы по аккредитации, экспертные лаборатории (как государственные учреждения, так и негосударственные организации). Таким образом, проведение аккредитации судебно-экспертных учреждений по единым международным стандартам позволит поставить результаты одной аккредитованной лаборатории в равное положение с результатами любой другой аккредитованной лаборатории, что обеспечит реализацию требований современного судопроизводства о состоятельности и равноправии сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Смирнова С. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И., Бебешко Г. И. Специфика применения основных терминов и определений международного стандарта ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 к деятельности судебно-экспертных лабораторий // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 2 (26).
2. Усов А. И. Особенности адаптации международных стандартов в судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 4 (8).
3. Кузьмин С. А. Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43).
4. Власов О. О. Организационные и методологические аспекты подготовки экспертов-видеотехников // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 4.
5. Усов А. И., Войтов С. А. О возможности проведения валидации методических материалов по производству судебной экспертизы (на примере криминалистической экспертизы звукозаписей) // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 3 (31).
6. Омелянюк Г. Г. Использование инновационных механизмов повышения качества экспертного производства при совершенствовании законодательства о судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33).
7. Смирнова С. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в российской федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41).
8. Межгосударственный стандарт ГОСТ ISO/IEC 17043- 2013. Оценка соответствия. Основные требования к проведению проверки квалификации (ISO/IEC 17043:2010, IDT). М. : Стандартиформ, 2020.

9. *Tilstone J. W, Savage A. K., Clark A. L. Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques.* Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006.

10. *Kopp I., Sprangers W. History of European Network of Forensic Science Institutes // Problems of Forensic Sciences.* 2002. Vol. 50 (L).

11. *Кузьмин С. А. Руководство ИАССГ-19:2014 «Модули в судебно-экспертной деятельности» – качественно новый шаг к аккредитации судебно-экспертных организаций // Теория и практика судебной экспертизы.* 2015. № 2 (38).

12. *Кузьмин С. А. Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы.* 2016. № 3 (43).

13. *Хазиев Ш. Н. Судебная экспертиза и судебно-экспертные учреждения в странах арабского мира // Теория и практика судебной экспертизы.* 2014. № 1 (33).

14. Министерство юстиции Китайской Народной Республики : сайт. URL: http://ep.moj.gov.cn/2022-02/25/c_715505.htm/ (дата обращения: 20.05.2025).

15. *Репеле М., Алксне М., Ченторицка М. Аккредитация судебно-экспертных учреждений и сертификация судебных экспертов в Латвии // Теория и практика судебной экспертизы.* 2014. № 1 (33).

16. *Джавадов Ф. М. Гибкая область аккредитации и повышения оперативности реагирования судебной экспертизы на вызовы времени // Теория и практика судебной экспертизы.* 2014. № 3 (35).

17. *Акмолдаева С. Б., Готовко Н. Н. Актуальные проблемы аккредитации судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 27 октября 2016 года. Алматы : LITERA, 2016.*

18. Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан : сайт. URL: <https://forensic.gov.kz/ru/is-sharalar/akkreditue/> (дата обращения: 20.05.2025).

19. Информационная система технического регулирования Республики Казахстан : сайт. URL: <https://techreg.kezekte.kz/ru/acc/subjects/verifications/view/20369/> (дата обращения: 20.05.2025).

20. Ассоциация аналитических Центров «Аналитика» : сайт. URL: <https://aas-analitica.ru/laboratorij.html> (дата обращения: 20.05.2025).

21. Межгосударственный стандарт ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий. М. : Стандартинформ, 2021.

22. Руководство по качеству ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России», СМ-ПК-2024 (редакция 14), утв. приказом директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России № 125/1-1 от 27 мая 2024 г.

References

1. *Smirnova S. A., Omelianuk G. G., Usov A. I., Bebeshko G. I. Specifics of the Application of the Main Terms and Definitions of the International Standard GOST ISO/IEC 17025-2009 to the Activities of Forensic Laboratories. Theory and Practice of Forensic Examination, 2012, no. 2 (26). (In Russ.)*

2. *Usov A. I.* Features of the Adaptation of International Standards in Forensic Activity in the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2007, no. 4 (8). (In Russ.)
3. *Kuzmin S. A.* Modern Models of Quality Management in Forensic Activity. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2016, no. 3 (43). (In Russ.)
4. *Vlasov O. O.* Organizational and Methodological Aspects of Training Video Experts. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2024, vol. 19, no. 4. (In Russ.)
5. *Usov A. I., Voitov S. A.* On the Possibility of Validating Methodological Materials for Conducting Forensic Examinations (Based on the Forensic Examination of Sound Recordings). *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2013, no. 3 (31). (In Russ.)
6. *Omelianuk G. G.* Using Innovative Mechanisms for Improving the Quality of Expertise in Improving Legislation on Forensic Activity. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2014, no. 1 (33). (In Russ.)
7. *Smirnova S. A., Omelianuk G. G., Usov A. I.* Actual Problems of Legislative Consolidation of Innovations in Forensic Activity in the Russian Federation. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2016, no. 1 (41). (In Russ.)
8. Interstate Standard GOST ISO/IEC 17043-2013. Conformity Assessment. Basic Requirements for Proficiency Testing (ISO/IEC 17043:2010, IDT). Moscow: Standartinform, 2020. (In Russ.)
9. *Tilstone J. W., Savage A. K., Clark A. L.* Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006.
10. *Kopp I., Sprangers W.* History of European Network of Forensic Science Institutes. *Problems of Forensic Sciences*, 2002, vol. 50 (L).
11. *Kuzmin S. A.* Guide ILACG-19:2014 "Modules in Forensic Activity" – a Qualitatively New Step Towards Accreditation of Forensic Organizations. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2015, no. 2 (38). (In Russ.)
12. *Kuzmin S. A.* Modern Models of Quality Management in Forensic Activity. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2016, no. 3 (43). (In Russ.)
13. *Khaziev Sh. N.* Forensic Examination and Forensic Institutions in the Arab World. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2014, no. 1 (33). (In Russ.)
14. URL: http://en.moj.gov.cn/2022-02/25/c_715505.htm/ (date of the application: 20.05.2025).
15. *Repele M., Alksne M., Chentoritska M.* Accreditation of Forensic Institutions and Certification of Forensic Experts in Latvia. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2014, no. 1 (33). (In Russ.)
16. *Javadov F. M.* Flexible Scope of Accreditation and Increasing the Responsiveness of Forensic Examination to the Challenges of the Time. *Theory and Practice of Forensic Examination*, 2014, no. 3 (35). (In Russ.)
17. *Akmoldaeva S. B., Gotovko N. N.* Actual Problems of Accreditation of Forensic Activities in the Republic of Kazakhstan. In East-West: Partnership in Forensic Examination. Current Issues in the Theory and Practice of Forensic Science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Almaty, October 27, 2016. Almaty: LITERA, 2016. (In Russ.)
18. URL: <https://forensic.gov.kz/ru/is-sharalar/akkreditteu/> (date of the application: 20.05.2025).

19. URL: <https://techreg.kezekte.kz/ru/acc/subjects/verifications/view/20369/> (date of the application: 20.05.2025).

20. URL: <https://aac-analitica.ru/laboratorij.html> (date of the application: 20.05.2025). (In Russ.)

21. Interstate Standard GOST ISO/IEC 17025-2019. General Requirements for the Competence of Testing and Calibration Laboratories. Moscow: Standartinform, 2021. (In Russ.)

22. Quality Guidelines of the Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Special Expertise" under the Ministry of Justice of Russia, SM-RK-2024 (revision 14), approved by Order of the Director of the Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Special Expertise" under the Ministry of Justice of Russia No. 125/1-1 of May 27, 2024. (In Russ.)

Сведения об авторе:

О. О. Власов – начальник отдела, аспирант.

Information about the author:

O. O. Vlasov – Head of the Department, Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 28.07.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-189-198>

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РОЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ

Анна Михайловна Репьева¹

Светлана Павловна Маммеева²

¹ Российский университет транспорта, 127994, Россия, г. Москва,
ул. Образцова, д. 9, стр. 9

² Общеобразовательная школа ГБОУ «ЦОиС «Москва-98» Москомспорта,
119607, Россия, г. Москва, ул. Удальцова, д. 40

¹ anna-repeva@yandex.ru

² ksp.81@mail.ru

Аннотация

Актуальность проведенного авторами исследования обусловлена сохраняющейся на высоком уровне угрозой вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, несмотря на общее снижение показателей преступности. Цель работы заключается в выявлении современных вызовов, способствующих девиантному поведению подростков, и определении роли отдельных субъектов профилактики, прежде всего, семьи и образовательных организаций. Констатируется недостаточная эффективность социально-психологического тестирования из-за существующих ограничений, связанных с добровольностью и анонимностью его прохождения. С применением обще- и частнонаучных методов исследования авторами проведен критический анализ действующего порядка проведения тестирования на вероятность употребления наркотических и психотропных веществ, предложены меры его совершенствования, включая возможный переход к обязательному характеру.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних; наркопреступность; незаконный оборот наркотиков; профилактика совершения преступлений несовершеннолетними; социально-психологическое тестирование на вероятность употребления наркотических и психотропных веществ.

Для цитирования: Репьева А. М., Маммеева С. П. Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: современные вызовы и роль отдельных субъектов профилактики // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 189–198. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-189-198>

Research Article

INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL DRUG TRAFFICKING: CONTEMPORARY CHALLENGES AND THE ROLE OF INDIVIDUAL STAKEHOLDERS IN PREVENTION

Anna M. Repieva¹

Svetlana P. Mammeeva²

¹ Russian University of Transport, 9, Bldg. 9 Obraztsova St., Moscow, 127994, Russia

² Secondary School of GBOU "TSOIS 'Moscow-98'" of Moskomspor,
40 Udaltsova St., Moscow, 119607, Russia

¹ anna-repeva@yandex.ru

² ksp.81@mail.ru

Abstract

The relevance of the study conducted by the authors is due to the continuing high-level threat of minors being involved in drug trafficking, despite an overall decrease in crime rates. The aim of the work is to identify modern challenges that contribute to the deviant behavior of adolescents, and to determine the role of individual prevention actors, primarily families and educational organizations. The work is based on a set of cognitive methods, the key of which is dialectical, using a formal legal approach, the method of interpretation, based on the study of legal doctrine, provisions of normative legal and interpretative acts, statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, the authors formulated certain aspects of the prevention of deviant behavior of minors. Insufficient effectiveness of socio-psychological testing is stated due to the existing restric-

tions related to the voluntary nature and anonymity of its passage. A critical analysis of the current procedure for testing for the likelihood of using narcotic and psychotropic substances has been carried out, and measures to improve it have been proposed, including a possible transition to mandatory testing.

Keywords: minor; crime; illicit drug trafficking; prevention; socio-psychological testing.

For citation: *Repieva A. M., Mammeeva S. P. Involvement of Minors in Illegal Drug Trafficking: Contemporary Challenges and the Role of Individual Stakeholders in Prevention. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 189–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-189-198>*

Введение

Необходимость непрерывного, глубокого изучения детерминантов подростковой преступности, а также поиска действенных, отвечающих требованиям времени мер, направленных на предупреждение данного вида деликтов, не теряет своей актуальности. В соответствии с Конституцией РФ [1] дети – это важнейшее достояние России, а одной из целей государственной политики является защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [2]. Привитие соблюдения установленных в обществе правовых норм является залогом правопослушного поведения подростков. К сожалению, все чаще в современном мире мы сталкиваемся с девиантным поведением несовершеннолетних, негативно сказывающимся на развитии всего общества в целом. Отклоняющееся от нормы поведение подростков зачастую приводит к совершению ими противоправных действий, в том числе преступлений. Такие проявления не только нарушают общественный порядок, но и оказывают разрушительное воздействие на социальное развитие в целом, поскольку именно подростковый возраст – это ключевой этап формирования личности, моральных установок, уровня правосознания. Этот тезис служит отправной точкой для дальнейшего анализа отдельных современных угроз национальной безопасности нашего государства.

В работе исследованы причины, детерминирующие вовлечение подростков в незаконный оборот наркотиков, а также отдельные нормы законодательства, направленные на его предупреждение. Работа опирается на совокупность методов познания, ключевым из которых стал диалектический. Используя формально-юридический подход, метод интерпретации, на основе изучения юридической доктрины, положений нормативных правовых и интерпретационных актов, статистических данных МВД России и Судебного департамента при ВС РФ, авторами сформулированы отдельные аспекты предупреждения отклоняющегося от нормы поведения несовершеннолетних.

1. Отдельные аспекты, характеризующие преступность несовершеннолетних на современном этапе

Объективен факт, что преступность несовершеннолетних во все времена вызывала повышенное внимание как со стороны законодателей, так и со стороны правоприменителей. Это обусловлено в первую очередь тем, что совершение противоправных действий в подростковом возрасте зачастую приводит к формированию основы для роста в дальнейшем рецидивной преступности.

Согласно статистическим данным МВД России за последнее десятилетие значительно снизилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними. По итогам 2024 г. количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 3,4% [3]. Снижение уровня преступности несовершеннолетних удалось достичь, в том числе путем пристального изучения этой проблемы [4; 5; 6]. Поиск, разработка и внедрение новых направлений профилактики, выявления девиантного поведения подростков, формирование нормативной правовой базы, касающейся необходимости усиления взаимодействия образовательных учреждений, правоохранительных органов и семьи в воспитательном процессе – выступают неотъемлемой частью данного процесса.

Вместе с тем нельзя не упомянуть, что на фоне общего снижения вызывает тревогу рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ. Выявление основных характеристик, причин и условий, способствующих совершению преступлений лицами в возрасте от 14 до 17 лет включительно, и разработка мер по их предупреждению являются одной из основных задач современной криминологической науки.

В настоящее время в России проблема подростковой преступности по-прежнему остается актуальной и требует внедрения новых эффективных профилактических мер. Практика показывает, что ранее использовавшиеся методы воздействия утратили свою результативность в условиях современных социальных, политических и экономических изменений в нашем государстве.

Со значительными трудностями столкнулось подрастающее поколение: нестабильность в обществе, социальное неравенство, слабая защищенность, низкий уровень жизни, обостренные захлестнувшей весь мир пандемией, мировым кризисом, возрожденными проявлениями нацизма. Естественно, эти и другие социальные изменения не могли не оказать влияния на мировоззрение, личностные установки подростков. В условиях неопределенности и тревожности у подростков формируется чувство отчужденности, снижается доверие к институтам власти, семьи и образования, ослабевает ориентир на долгосрочные цели и традиционные ценности.

Кроме того, стоит согласиться с мнением научного сообщества, что в «пандемийный» период подростки вынужденно, на продолжительное время, погрузились в глобальную сеть Интернет, где проходили не только онлайн-обучение, но и освоили кибербуллинг [7; 8], платформы с азартными играми, Даркнет. Это привело к вовлечению огромного числа несовершеннолетних в противоправную деятель-

ность, в том числе в распространение и сбыт наркотических средств и психотропных веществ. Вынужденное длительное нахождение в социальных сетях привело к снижению мотивации к обучению, жажде легкой наживы, разложению морального облика несовершеннолетних. На смену традиционным ценностям все чаще приходят установки на сиюминутную выгоду, индивидуализм, эгоцентричность и даже агрессию в поведении, неприятие социальных норм и правил.

После отмены ограничительных мер и длительного периода отсутствия личных контактов, под влиянием ведущей деятельности подросткового возраста – социального общения, подростковое поколение стало активно взаимодействовать и принимать негативный опыт сверстников.

Одним из подтверждений вышеуказанного стоит отметить негативную тенденцию настоящего времени – вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, чаще всего – сбыт наркотических средств. Свободный доступ к информации о быстром заработке путем распространения наркотических средств и психотропных веществ все больше привлекает молодежь, что не может не вызывать большой озабоченности со стороны общества. Согласно анализу статистических данных, предоставленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в общей структуре судимости лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, доля осужденных за преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами (ст. 228–234.1 УК РФ), выросла с 9% в 2020 г. до 10,7% в 2024 г. [9].

Значительная опасность указанного негативного социального явления состоит не только в том, что в принципе совершается преступление, но и в том, что имеется риск вовлечения подростка в среду потребителей запрещенных средств и веществ. Мы наблюдаем определенную гибкость, трансформируемость и способность преступности несовершеннолетних быстро подстраиваться под социальные и иные изменения, происходящие в социуме. Отмеченное влечет за собой как изменение и возникновение дополнительных причин, ее порождающих, так и, соответственно, требует новых, современных, отвечающих вызовам общества подходов к разработке мер профилактического воздействия.

2. Направления предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков

Нам бы хотелось обратить внимание на необходимость проведения работы по нивелированию такого детерминанта преступности несовершеннолетних, как употребление наркотических и психотропных веществ. В рамках отмеченного остановимся на новом порядке ежегодного социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в школах и профессиональных образовательных организациях, с целью профилактики незаконного потребления обучающимися наркотиков.

Так, помимо прочего, приказом Минпросвещения России от 20 февраля 2020 г. № 59 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях» [10] наркотестирование теперь проводится в отношении обучающихся, достигших возраста 13 лет, начиная с 7-го класса

обучения в общеобразовательной организации, осуществляется ежегодно в соответствии с распорядительным актом руководителя образовательной организации, проводящей тестирование.

Тестирование является добровольным, проводится с согласия родителей или самих школьников (если лицо старше 15 лет), включает анкетирование, с помощью которого психологи определяют вероятность употребления наркотических и психотропных веществ, а также забор анализов, беседу с врачом-психиатром. Обучающихся проверяют на девять видов наркотиков: опиаты, каннабиноиды, фенилалкиламины (амфетамин, метамфетамин), синтетические катиноны, кокаин, метадон, бензодиазепины, барбитураты и фенциклидин, их производные и аналоги [11].

Введение данных изменений обусловлено действенностью наркотестирования, проводимого ранее в 8-х и 10-х классах, и, к сожалению, омоложением преступности. Все чаще запрещенные вещества стали употреблять дети, начиная с 10 лет, что специалисты связывают с более поздним сроком начала профилактической работы в образовательных учреждениях.

Существование указанного социально-психологического тестирования, а особенно снижение возрастных рамок его проведения, является достаточно сильным сдерживающим фактором для подростков и помогает медицинским работникам выявлять наркозависимых подростков с целью наиболее раннего начала лечения заболевания, что, в свою очередь, ведет к снижению совершения противоправных действий несовершеннолетними. Обучающиеся понимают, что в любое время их могут проверить на предмет употребления наркотических средств. Педагоги-психологи, в свою очередь, получают информацию о том, какие конкретно обучающиеся склонны к употреблению наркотических средств и могут быть втянуты в противоправные отношения.

В ходе исследования нами выявлены недостатки процесса с точки зрения закрепления исключительно добровольности и анонимности проведения вышеуказанного тестирования. Отмеченное элиминирует возможность 100% охвата подростков при проведении «наркотестирований» для своевременного выявления образовательной организацией (в лице соответствующих должностных лиц) девиантного поведения, а также проведения соответствующей профилактической работы с группами риска.

Обо всем по порядку. Согласие на проведение наркотестирования никогда не дают 100% законных представителей обучающихся, и самих обучающихся иногда, на практике, не получается охватить тестированием и 50% обучающихся в параллели классов.

В то же время, как нам видится, при закреплении статуса «обязательного» тестирования охват обучающихся, прошедших наркотестирование, мог бы быть больше, ведь зачастую отказ от него пишут именно употребляющие запрещенные вещества подростки, а также родители, воспринимающие данное тестирование как некий «насильственный акт».

Большой проблемой является то, что законные представители обучающихся, даже зная о проблеме наркозависимости своего ребенка, не идут на контакт с врачами-наркологами, пытаются решить проблему самостоятельно («не выно-

ся сор из избы», боясь негативных последствий и пр.), тем самым зачастую только усугубляют проблему.

Также, на наш взгляд, остается открытым вопрос анонимности тестирования. На данный момент образовательная организация, проводящая тестирование, не получает информации о выявленных случаях употребления наркотических средств; данная информация является медицинской тайной и предоставляется только законным представителям обучающихся, что, в свою очередь, «отрезает» образовательные организации от дальнейшей профилактической работы и не дает возможности выделить группу риска среди (хотя бы) параллели классов.

В итоге фактически получается, что педагоги зачастую лишены реальной возможности наладить контакт с обучающимися и осуществлять на них воспитательное влияние – в том числе из-за ограничений, устанавливаемых родителями или законными представителями. Это, безусловно, становится одним из факторов, способствующих преступности несовершеннолетних, в том числе в сфере незаконного оборота наркотиков.

Сказанное позволяет говорить о необходимости принятия следующих мер по повышению эффективности системы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков. Во-первых, установления обязательности проведения социально-психологического тестирования всех обучающихся, достигших возраста 13 лет. Предусмотреть в качестве исключения только случаи, когда родителем или законным представителем (либо самим обучающимся после достижения 15-летнего возраста) составлен письменный отказ по объективным основаниям (медицинские, религиозные и др.). А во-вторых, по итогам проведения тестирования необходимо предоставлять руководителю образовательной организации данные о количестве обучающихся, имеющих признаки риска употребления наркотических средств и психотропных веществ, с разбивкой по классам, но без персонализированных данных.

На современном этапе развития российского общества несовершеннолетним требуется своевременная помощь и поддержка, предупреждающая любые отклонения в процессе их социализации. Эффективным средством недопущения девиантного поведения подростков являются превентивные меры. Их основная цель – предупреждение нарушений моральных и правовых норм поведения у несовершеннолетних. Семья и школа традиционно остаются ведущими институтами, отвечающими за формирование личности ребенка. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [12] определил участниками образовательных отношений: обучающихся, школу и законных представителей несовершеннолетних.

Вместе с тем законодательные нормы, установленные данным ФЗ, значительно ограничивают права образовательных организаций и дают возможность законным представителям обучающихся самостоятельно определять образовательный маршрут своего ребенка, в том числе предусматривая и его отказ от участия в воспитательных мероприятиях, взаимодействия с психологом, возможность перехода на заочную форму обучения без всяких на то причин. Отмеченное автоматически исключает воздействие школы на подростка и его родителей и отправляет

данного несовершеннолетнего в группу риска. По факту представители образовательных организаций включаются в работу только после того, как наркозависимый подросток совершит правонарушение и будет поставлен на специализированный профилактический учет правоохранительными органами.

На основании изложенного предлагаем закрепить дополнительную цель проведения социально-психологического тестирования, а именно предупреждение вовлечения обучающихся в противоправную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотиков.

Заключение

Подводя общий итог, констатируем, что преступность несовершеннолетних остается одной из значимых социальных проблем в России. Она выступает ярким проявлением системных недостатков в воспитании молодежи, отражает ошибки и пробелы в работе государственных и общественных организаций с детьми, выявляет слабую координацию и недостаточное взаимодействие между различными ведомствами и учреждениями, участвующими в профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Своевременное выявление негативных тенденций данного вида преступности, эффективная реализация направлений государственной политики по ее предупреждению, продуманная нормативно-правовая база, отвечающая вызовам времени, – это те основополагающие базисы, которые смогут способствовать здоровому и социально приемлемому развитию молодого поколения и предоставят альтернативные пути самовыражения.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6207.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // МВД России : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 29.09.2025).
4. Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия. М. : ИНФРА-М, 2023.
5. *Антонян Ю. М., Гончарова М. В.* Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2.
6. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения. М. : Проспект, 2021.
7. *Тарханова И. Ю.* Трансформация девиантного поведения несовершеннолетних в современных условиях // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129).

8. *Рогова Е. В.* Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в условиях информационной глобализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2 (52).

9. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 29.09.2025).

10. Приказ Минпросвещения России от 20 февраля 2020 г. № 59 (ред. от 19 сентября 2023 г.) «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&a3> (дата обращения: 29.09.2025).

11. *Ахметова Э. А.* Изучение распространенности употребления психоактивных веществ у подростков школ Республики Башкортостан с углубленным социально-психологическим и генетическим изучением группы потребителей синтетических каннабиноидов (спайсов) : дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2018.

12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598; 2025. № 21. Ст. 2535.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 31, art. 4398. (In Russ.)

2. Federal Law of July 24, 1998 No. 124-FZ (as amended on November 23, 2024) “On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 31, art. 3802; 2023, no. 32 (part I), art. 6207. (In Russ.)

3. Brief Characteristics of the State of Crime in the Russian Federation for January–December 2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (date of the application: 29.09.2025). (In Russ.)

4. Destructive Impact on Minors: Theory and Practice of Counteraction. Moscow: Infra-M, 2023. (In Russ.)

5. *Antonian Iu. M., Goncharova M. V.* The State and Causes of Juvenile Delinquency in Russia. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2. (In Russ.)

6. Childhood Safety: Social Problems and Legal Solutions. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)

7. *Tarkhanova I. Iu.* Transformation of Deviant Behavior of Minors in Modern Conditions. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2022, no. 6 (129). (In Russ.)

8. *Rogova E. V.* Involvement of Minors in the Illegal Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Analogues in the Context of Information Globalization.

Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, no. 2 (52). (In Russ.)

9. Key Statistical Indicators of the Criminal Record in Russia for 2020–2024. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (date of the application: 29.09.2025). (In Russ.)

10. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of February 20, 2020 No. 59 (as amended on September 19, 2023) "On Approval of the Procedure for Conducting Social and Psychological Testing of Students in General Education Organizations and Professional Educational Organizations". URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&a3> (date of the application: 29.09.2025). (In Russ.)

11. *Akhmetova E. A.* Study of the Prevalence of Psychoactive Substance Use Among Adolescents in Schools of the Republic of Bashkortostan with an In-Depth Social, Psychological and Genetic Study of a Group of Synthetic Cannabinoid (Spice) Consumers: Thesis for a Candidate Degree in Medical Sciences. St. Petersburg, 2018. (In Russ.)

12. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on July 31, 2025) "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53, art. 7598; 2025, no. 21, art. 2535. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. М. Репьева – кандидат юридических наук.

С. П. Маммеева – заместитель руководителя.

Information about the authors:

A. M. Repyeva – PhD in Law.

S. P. Mammeeva – Deputy Head.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 16.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Оказание бесплатной юридической помощи
и правовое просвещение населения. Юридическое образование.
Рекомендации практикующих юристов

Научная статья
УДК 349
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-199-209>

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Игорь Владиславович Войтов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
vig2000@mail.ru

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена изменениями, происходящими в системе образовательного права в связи с внедрением цифровых технологий. Цель работы – анализ роли образовательного права в новых современных тенденциях в сфере образования. В данной статье используются общефилософские (диалектический), общенаучные (анализ, дедукция, индукция) и частнонаучные (формально-юридический) методы познания. Научная новизна исследования заключается в выявлении нового комплексного правового института в образовательном праве – «использование цифровых технологий в образовании». Автор приходит к выводу о необходимости переосмысления традиционных институтов образовательного права под влиянием цифровых технологий и принятия соответствующих изменений в образовательное законодательство.

Ключевые слова: законодательство об образовании; образовательное право; административное право; информационное право; цифровые технологии; высшее образование.

Для цитирования: *Войтов И. В.* Эволюция образовательного права в условиях цифровой трансформации высшего образования // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 199–209. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-199-209>

Research Article

EVOLUTION OF EDUCATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION

Igor V. Voytov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaia St., Moscow, 117198, Russia
vig2000@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is due to the changes occurring in the system of educational law due to the introduction of digital technologies. The purpose of the work is to analyze the role of educational law in new modern trends in the field of education. This article uses general philosophical (dialectical), general scientific (analysis, deduction, induction) and specific scientific (formal-legal) methods of cognition. The scientific novelty of the study lies in the identification of a new complex legal institution in educational law – “the use of digital technologies in education”. The author comes to the conclusion about the need to rethink traditional institutions of educational law under the influence of digital technologies and the adoption of appropriate changes to educational legislation.

Keywords: education legislation; educational law; administrative law; information law; digital technologies; higher education.

For citation: *Voytov I. V. Evolution of Educational Law in the Context of Digital Transformation of Higher Education. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 199–209. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-199-209>

Введение

На современном этапе развития общества и государства ключевым ресурсом и центральным элементом государственного управления является информация, а не природные ресурсы [1, с. 37–42]. В России реализуется концепция «цифрового государства» («*digital government*») [2], в соответствии с которой предусмотрена возможность предоставления большинства государственных услуг в цифровом виде, формируются «суперсервисы», расширяется взаимодействие между государственными органами по цифровым каналам связи, создаются цифровые реестры [3, с. 143]. Тем самым большинство функций государственного аппарата могут

осуществляться в цифровом формате, расширяя возможности и эффективность деятельности государства. Концепция «цифрового государства» охватывает все сферы государственного управления, в том числе и область образования.

1. Предмет образовательного права

Предметом регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [4] являются три группы общественных отношений:

- 1) отношения, возникающие в связи с реализацией права на образование;
- 2) отношения, связанные с обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере образования;
- 3) отношения, направленные на создание условий для реализации права на образование (ч. 1 ст. 1).

Однако в п. 30 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплено законодательное определение «отношений в сфере образования», согласно которому они делятся на два вида:

- 1) образовательные отношения – это общественные отношения по реализации права граждан на образование, целью которых является освоение обучающимися содержания образовательных программ;
- 2) общественные отношения, связанные с образовательными отношениями и целью которых является создание условий для реализации прав граждан на образование.

Стоит отметить, что законодатель в конструкции содержания термина «отношения в сфере образования» забыл упомянуть про отношения, связанные с обеспечением государственных гарантий прав и свобод в сфере образования, упомянутые в ч. 1 ст. 1 того же Закона.

В. М. Сырых [5, с. 43–58], А. Н. Козырин и Т. Н. Трошкина [6, с. 85–86], М. А. Штатина [7, с. 17–19] понимают общественные отношения, связанные с образовательными отношениями, как комплексные, расширяя предмет образовательного права и классифицируя его исходя из правовой природы общественных отношений:

- 1) комплексные отношения подразделяются на административно-правовые (управленческие или государственно-управленческие), гражданские, финансовые, бюджетные, трудовые отношения и т.д.;
- 2) образовательные отношения (отношения между педагогом и обучающимися).

Образовательные правовые нормы должны быть направлены на обеспечение передачи знаний, умений и навыков от одного поколения к другому [8, с. 7–8]. Однако как в образовательных отношениях, так и в других связанных с ними общественных отношениях, превалирует административно-правовой механизм регулирования. Так, для реализации права на образование, поддержания высокого качества образования и выстраивания всей системы российского образования определяющую роль играют государственные органы и образовательные организации, то есть властный субъект. Учебный процесс непосредственно связан с деятельностью по управлению, так как это постоянно организующая, повседневная и непрерывная деятельность всех субъектов образовательных отношений по обучению и воспитанию обучающихся. Образовательное право преследует в первую

очередь не частные, а публичные интересы государства и общества по подготовке высококвалифицированных специалистов, что необходимо для развития общества и государства в разных сферах деятельности – от культуры до общественной безопасности.

Как обоснованно отмечал Д. Н. Бахрах, нет ни одной сферы жизни общества, в которой не участвовала бы государственная администрация. При этом в ряде сфер, в частности в сфере образования, ее роль, по мнению профессора, является решающей [9, с. 33].

О серьезной роли государства в сфере образования, особенно высшего, неоднократно упоминается и в трудах С. В. Барабановой. Ученый обоснованно утверждает, что многие общественно значимые задачи в образовании невозможно решить вне государственно-правового механизма, и доказывает необходимость повышения эффективности управления высшим образованием, совершенствования форм и методов государственного воздействия при сохранении административно-правового контекста как «единственно верно отражающего суть отношений в сфере образования» [10, с. 87].

Таким образом, предмет образовательного права и предмет регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» неразрывно пересекаются, что позволяет выделять уникальные общественные отношения, регулируемые только данной отраслью права – образовательные отношения и комплексные или иные отношения, связанные с образовательными. В связи со специфическими задачами, стоящими перед государством в сфере высшего образования на современном этапе цифровой трансформации, происходит эволюция предмета образовательного права и правовых норм, регулирующих данные отношения.

2. Изменения отношений в сфере высшего образования под влиянием цифровых технологий

Цифровые технологии в высшем образовании до пандемии *COVID-19* использовались как вспомогательный инструмент в обучении, не оказывающий серьезное влияние на отношения в сфере высшего образования. Однако пандемия *COVID-19* детерминировала активное использование цифровых дистанционных технологий, совершенствование иных цифровых технологий и формирование в рамках «цифрового государства» направления цифровой трансформации высшего образования, что кардинально изменило подход к средствам обучения.

Г. А. Рустикова в своем научном исследовании анализирует понятие «цифровая трансформация образования» и делает выводы о том, что одним из признаков данного процесса является использование сквозных цифровых технологий, что приводит к качественным изменениям формы организации образовательной деятельности [11, с. 112].

Согласно данным института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, на начало 2023/24 учебного года каждый второй студент осваивал программы бакалавриата, специалитета, магистратуры с применением электронного обучения (51%) и дистанционных образовательных технологий (46%) [12].

Начали использовать также и другие цифровые технологии в высшем образовании. В исследованиях отмечается, что около половины студентов используют ис-

кусственный интеллект в образовательном процессе [13]. Это позволяет говорить о складывающихся новых общественных отношениях и эволюционных изменениях в предмете образовательного права.

Возникают новые возможности реализации образовательных принципов, определения критериев качества образования, формирования востребованных компетенций у студентов, появляются новые образовательные права и обязанности субъектов образовательных отношений.

Конституцией РФ был впервые закреплен принцип непрерывного образования (п. «е» ст. 71) [14]. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» уточнил, что под непрерывным образованием подразумевается обеспечение реализации права на образование в течение всей жизни (ч. 2 ст. 10). Данный принцип реализуется в первую очередь в рамках самообразования, дополнительного образования, профессионального обучения, второго и последующих высших образований.

В постиндустриальном обществе смена специальностей, профессии, работы все чаще происходит несколько раз на протяжении жизни конкретного человека и знания, которые он получил школе, колледже и университете, быстро устаревают. Поэтому система образования должна быть гибкой и динамичной, быстро подстраиваться под изменяющиеся условия и давать возможность получать новые знания на протяжении всей жизни человека.

После внесения поправок к Конституции РФ в 2020 г. были расширены предметы исключительного ведения Российской Федерации, в том числе за счет обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71).

В настоящее время предъявляются более жесткие требования к социальной деятельности и социальной ответственности людей. Необходимость ориентироваться во все ускоряющемся информационном потоке, быстро принимать решения и организовывать их воплощение приводит к новому социальному заказу в образовании [15, с. 40]. Требуются специальные компетенции по работе с информацией, которые должны вырабатываться в образовательных организациях. Так, необходимо развивать навыки по систематизации, обобщению и проверке информации на актуальность и успешно действовать в максимально неопределенных и постоянно изменчивых условиях.

Г. А. Рустикова обращает внимание на изменение понятийного аппарата в сфере образования в связи с развитием цифровых технологий. Она отмечает в своей научной работе, что «в официальных и нормативных документах есть случаи использования разных названий для идентичных понятий, при этом зачастую без дефиниции, что приводит к отсутствию единообразия терминологии не только в образовательном законодательстве, но и научной среде» [16, с. 104–106].

Образовательное законодательство не успевает регулировать новые общественные отношения, связанные с цифровыми технологиями. Цифровая трансформация образования, цифровая образовательная среда, информационная безопасность субъектов образовательных отношений, онлайн-курсы, искусственный интеллект, дистанционное обучение, международное сотрудничество и возможности созда-

ния общего цифрового образовательного пространства для разных стран, онлайн-прокторинг, разработка новых образовательных стандартов и программ – все эти вопросы пока остаются без должного правового регулирования.

Действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» практически не упоминает данные термины, не говоря уже о содержательном регулировании соответствующих отношений. Указанные отношения регламентируются в основном на подзаконном уровне и в стратегических актах России.

Так, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» отсылает вопросы порядка регулирования дистанционного обучения (ч. 2 ст. 16) к постановлению Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» [17]. В Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [18] раскрываются направления цифровизации высшего образования (цифровая образовательная среда, искусственный интеллект, технология виртуальной и дополненной реальности), которые еще никак не урегулированы Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации».

Возможно, это связано, во-первых, с недостаточной разработкой государственной политики в области развития цифровых технологий; во-вторых, с неоднозначным влиянием цифровых технологий на общественные процессы; в-третьих, с быстротой изменений в развитии цифровых технологий, требующих содержательных изменений в их регулировании; в-четвертых, гибкостью подзаконного нормотворчества, позволяющей быстрее реагировать на изменения.

Регулирование использования цифровых технологий находится на стыке информационного и образовательного права. Правовой режим использования цифровых технологий в высшем образовании формируется как комплексный правовой институт.

Соответствующие термины, принципы и общие правила использования сквозных цифровых технологий должны определяться в нормативных правовых актах информационного законодательства, так как это сфера информационного права. Однако специфика применения и правового регулирования цифровых образовательных технологий (цифровые дистанционные технологии, цифровая образовательная среда, онлайн-прокторинг, онлайн-курсы, образовательные платформы) должна закрепляться в образовательном законодательстве.

Данный подход к разделению сфер компетенции между информационным и образовательным правом связан с тем, что согласно Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [18] сквозные технологии (искусственный интеллект, технологии виртуальной реальности), могут применяться не только в образовании, но и в иных сферах жизни общества. При отсутствии закрепления понятий и основных принципов их использования в информационном законодательстве может привести к тому, что придется дублировать данные нормы в других отраслях права. Соответствующий подход позволит установить единую терминологию и принципы использования сквозных цифровых технологий с воз-

возможностью дальнейшего регулирования в зависимости от отрасли права и специфики общественных отношений, в том числе в образовательном праве.

Как отмечал В. М. Сырых, «институт признается комплексным не только из-за присутствия в нем норм других отраслей права, а также, что эти нормы конкретизируются применительно к специфике предмета отрасли и действуют только в ее пределах» [19, с. 116–118]. В связи с этим цифровые образовательные технологии применяются в большинстве случаев только в образовательных отношениях. При этом образовательные нормы могут конкретизировать и дополнять положения информационного законодательства, касающиеся сквозных технологий, с учетом специфики образовательного права.

Образовательное право сталкивается и с новыми вызовами, такими как качество образования при использовании цифровых технологий, новые виды дискриминации, новые компетенции и требования для образовательных организаций высшего образования. Отсутствие должного правового регулирования создает угрозы для национальной безопасности в виде снижения качества подготовки высококвалифицированных специалистов, ухудшения здоровья молодежи и роста безработицы. Правовое регулирование использования цифровых технологий в высшем образовании должно способствовать увеличению преимуществ применения новых технологий и одновременно уменьшению их негативного влияния на личность, общество и государство.

Гарантией достижения баланса и нивелирования рисков, связанных с внедрением цифровых технологий в высшее образование, является установление определенных правовых ограничений на их повсеместное применение. Например, использование цифровых технологий должно быть направлено на достижение только образовательных целей; онлайн-курсы следует создавать только профессиональными педагогами и образовательными организациями высшего образования; целесообразен запрет на использование цифровых дистанционных технологий по определенным направлениям подготовки специалистов. Следует обеспечить государственный контроль (надзор) за качеством цифрового образовательного контента и уточнить условия лицензирования образовательных организаций высшего образования и аккредитации образовательных программ при применении цифровых технологий в образовательном процессе.

Особенности метода образовательного права, в том числе сочетание федерального, регионального и локального нормативно-правового регулирования образовательных отношений, его единство и дифференциация, позволят эффективнее регулировать цифровые технологии в образовании [20, с. 48]. В настоящее время локальное нормотворчество образовательных организаций восполняет многие пробелы федерального правового регулирования, например, локальные нормативные акты устанавливают правила использования искусственного интеллекта при написании учебно-научных работ, в том числе выпускной квалификационной работы [21]. Однако эти вопросы должны регулироваться федеральным законодательством.

Заключение

Таким образом, эволюция образовательного права происходит в условиях смены парадигмы образования и перехода системы образования на модель непрерывного повышения знаний, умений, навыков и компетенций человека. Данную тенденцию затруднительно реализовать без цифровой трансформации высшего образования. В настоящее время под влиянием цифровых технологий происходит изменение как традиционных образовательных отношений, так и новых, что позволяет выделить в образовательном праве новый комплексный правовой институт – цифровые технологии, используемые в образовании.

Назрела необходимость пересмотра в рамках данного правового института действующей системы регулирования, регламентирующие общественные отношения преимущественно на подзаконном и локальном уровне вместо федерального законодательства. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» целесообразно закрепить категориальный аппарат цифровых технологий, используемых в образовании (цифровые образовательные технологии, цифровая образовательная среда, образовательные платформы, онлайн-курсы, онлайн-прокторинг, цифровое дистанционное обучение), принципы их использования, права и обязанности субъектов образовательных отношений, гарантии качества и информационной безопасности при применении цифровых технологий в образовательном процессе.

На подзаконном федеральном уровне следует пересмотреть действующие федеральные государственные образовательные стандарты и программы с учетом использования цифрового образовательного контента, новых компетенций и цифровых навыков (*digital skills*), необходимых человеку в информационном обществе при работе с информацией и цифровыми технологиями.

В локальных нормативных актах целесообразно раскрывать порядок использования тех цифровых технологий, которые непосредственно применяются в образовательной организации высшего образования, но при условии соблюдения федеральных нормативных правовых актов.

Пристатейный библиографический список

1. *Россинский Б. В.* Научные взгляды Л. Л. Попова как вектор развития государственного управления в России // Административное право и процесс. 2020. № 7.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
3. *Нечаева Н. А.* Переход от электронного правительства к цифровому правительству через призму государственных услуг // Modern Science. 2020. № 5-3.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
5. *Сырых В. М.* Предмет правового регулирования образовательного права // Право и образование. 2001. № 3.
6. *Козырин А. Н., Трошкина Т. Н.* Образовательное право России. Кн. 1. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

7. *Штатаина М. А.* Административно-правовые отношения в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2002. № 2.

8. *Сырых В. М.* «Не может быть» – основной аргумент оппонентов образовательного права // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2011. Т. 6.

9. *Бахрах Д. Н.* Административное право России : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2011.

10. *Коцюрко Е. П.* Особенности административно-правового регулирования высшего образования в условиях современного этапа трансформации // Юридическая наука. 2023. № 8.

11. *Рустикова Г. С.* Правовая природа цифровой трансформации образования // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1.

12. Образование в цифрах: 2024 // Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/969714262.html> (дата обращения: 01.04.2025).

13. Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее // Яндекс Образование : сайт. URL: <https://education.yandex.ru/aihighreport> (дата обращения: 01.04.2025).

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. *Новиков А. В.* Постиндустриальное образование. М. : Эгвес. 2008.

16. *Рустикова Г. С.* Электронное и цифровое (образование, обучение, среда, пространство): идентичность и различие понятий в законодательстве, науке и практике // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3.

17. Постановление Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // СЗ РФ. 2023. № 42. Ст. 7514.

18. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr8uwtujw.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

19. *Сырых В. М.* Введение в теорию образовательного права. М. : Готика, 2002.

20. *Сырых В. М.* Метод правового регулирования образовательного права // Право и образование. 2001. № 5.

21. Приказ Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы от 27 мая 2024 г. № 285 «Об утверждении Политики РУДН в области применения обучающимися генеративного искусственного интеллекта при подготовке (написании/ выполнении) учебных (учебно-научных) работ // Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы : сайт. URL: <https://www.rudn.ru/storage/media/documents/7c62d88a-8d8e-4e3a-a2a0-9fcc74c3e12d/uxxGZjVlg0ESgNkz7EuwgrQ9D2ToEOPT3V9QL1O5.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

References

1. *Rossinskii B. V.* Scientific Views of L. L. Popov as a Vector of Development of Public Administration in Russia. *Administrative Law and Process*, 2020, no. 7. (In Russ.)
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 and for the Future until 2036". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 20, art. 2584. (In Russ.)
3. *Nechaeva N. A.* Transition from E-Government to Digital Government Through the Prism of Public Services. *Modern Science*, 2020, no. 5-3. (In Russ.)
4. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part I), art. 7598. (In Russ.)
5. *Syrykh V. M.* Subject of Legal Regulation of Educational Law. *Law and Education*, 2001, no. 3. (In Russ.)
6. *Kozyrin A. N., Troshkina T. N.* Educational Law of Russia. Book 1. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. (In Russ.)
7. *Shtatina M. A.* Administrative and Legal Relations in the Field of Education. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2002, no. 2. (In Russ.)
8. *Syrykh V. M.* "It Can't Be" – the Main Argument of Opponents of Educational Law. *Yearbook of Russian Educational Legislation*, 2011, vol. 6. (In Russ.)
9. *Bakhrakh D. N.* Administrative Law of Russia: Textbook. 6th ed. Moscow: Eksmo, 2011. (In Russ.)
10. *Kotsiurko E. P.* Features of Administrative and Legal Regulation of Higher Education in the Context of the Current Stage of Transformation. *Legal Science*, 2023, no. 8. (In Russ.)
11. *Rustikova G. S.* The Legal Nature of Digital Transformation of Education. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1. (In Russ.)
12. Education in Numbers: 2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/969714262.html> (date of the application: 01.04.2025). (In Russ.)
13. Artificial Intelligence and Higher Education: Possibilities, Practices and the Future. URL: <https://education.yandex.ru/aihighreport> (date of the application: 01.04.2025). (In Russ.)
14. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. *Novikov A. V.* Post-Industrial Education. Moscow: Egves, 2008. (In Russ.)
16. *Rustikova G. S.* Electronic and Digital (Education, Training, Environment, Space): Identity and Difference of Concepts in Legislation, Science and Practice. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 3. (In Russ.)
17. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 11, 2023 No. 1678 "On Approval of the Rules for the Use of E-learning and Distance Learning Technologies by Organizations Engaged in Educational Activities in the Implementation of Educational Programs". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 42, art. 7514. (In Russ.)

18. Strategy for Digital Transformation of the Science and Higher Education Sector. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0w-yllr6uwtujuw.pdf> (date of the application: 01.04.2025). (In Russ.)

19. Syrykh V. M. Introduction to the Influence of Educational Law. Moscow: Gotika, 2002. (In Russ.)

20. Syrykh V. M. Method of Legal Regulation of Educational Law. *Law and Education*, 2001, no. 5. (In Russ.)

21. Order of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba of May 27, 2024 No. 285 "On Approval of the RUDN University Policy in the Field of Application of Generative Artificial Intelligence by Students in the Preparation (Writing/Implementation) of Educational (Educational and Scientific) Works". URL: <https://www.rudn.ru/storage/media/documents/7c62d88a-8d8e-4e3a-a2a0-9fc-c74c3e12d/uxxGZjVlg0ESgNkz7EuwgpQ9D2ToEOPT3V9QL1O5.pdf> (date of the application: 01.04.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

И. В. Войтов – аспирант.

Information about the author:

I. V. Voytov – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.04.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-210-219>

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ

Игорь Олегович Анисимов¹

Андрей Алексеевич Кирюшин²

^{1,2} Дипломатическая академия МИД России, 119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

¹ i.anisimov@dipacademy.ru

² kiriushin.andrew01@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется возрастающая роль искусственных островов в экономической деятельности и морском праве. Целью работы выступает комплексный анализ правового статуса искусственных островов. В статье используются исторический и доктринальный методы. Делается вывод о необходимости установления международного стандарта для определения правового режима искусственных островов и важности развития единообразной судебной практики, которая обеспечит эффективное международно-правовое регулирование.

Ключевые слова: Конвенция ООН по морскому праву; искусственные острова; международное право; Арбитраж в Южно-Китайском море; Международный трибунал по морскому праву; международно-правовая ответственность.

Для цитирования: Анисимов И. О., Кирюшин А. А. К вопросу о международно-правовом статусе искусственных островов // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 210–219. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-210-219>

Research Article

ON THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL ISLANDS

Igor O. Anisimov¹

Andrey A. Kiryushin²

^{1,2} Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, 53/2, Bldg. 1 Ostozhenka St., Moscow, 119021, Russia

¹ i.anisimov@dipacademy.ru

² kiriushin.andrew01@yandex.ru

Abstract

The article examines the increasing role of artificial islands in economic activity and maritime law. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the legal status of artificial islands. The article uses the historical and doctrinal method. It is concluded that it is necessary to establish an international standard for determining the legal regime of artificial islands and the importance of developing a uniform judicial practice that will ensure effective international legal regulation.

Keywords: United Nations Convention on the Law of the Sea; artificial islands; international law; Arbitration in the South China Sea; International Tribunal for the Law of the Sea; international legal liability.

For citation: Anisimov I. O., Kiryushin A. A. On the International Legal Status of Artificial Islands. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 210–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-210-219>

Введение

Международные суды и ученые-международники начали изучать потенциал искусственных островов и связанных с ними сооружений в контексте претензий на территориальное море с конца XIX в. Подробный анализ этого вопроса не проводился вплоть до созыва Гагской конференции по кодификации международного права 1930 г. Хотя согласия по этому вопросу достигнуто не было, в Подкомитете II Специальной комиссии (территориальные воды) было высказано мнение, что определение острова «не исключает искусственный остров при условии, что это настоящие участки территории, а не просто плавучие сооружения, заякоренные буи» [1, с. 21]. Фактически, несмотря на отсутствие полного согласия, возникла

тенденция к признанию искусственных островов как части территории при условии их постоянства и соответствия определенным характеристикам, что подчеркивает важность четкого правового определения их статуса.

На Первой конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС I) в Нью-Йорке тоже не было четко сформулированного правового режима, касающегося искусственных островов. Тем не менее был признан суверенитет прибрежного государства над территориальным морем, что, в свою очередь, давало юридическую возможность построить искусственный остров в пределах этого района. Более того, в тексте ст. 5 (4) Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. [2] содержалось положение о том, что сооружения и установки, необходимые для разведки и разработки естественных богатств континентального шельфа, «хотя они и находятся под юрисдикцией прибрежного государства, не имеют статуса островов». Строительство и использование сооружений на шельфе не имеют прямого влияния на определение границ территориальных вод, поскольку основная функция подобных сооружений – поддержка разведки и разработки ресурсов, а не создание новых территорий или обоснование суверенитета. Впрочем, данный подход породил ряд проблем. Как отмечали Макдугал и Берк в 1962 г., «у прибрежных государств оставалась возможность использовать искусственные острова в качестве средства расширения своих внутренних вод или территориального моря, что негативно сказывалось как на состоянии морской экосистемы и окружающей среды, так и порождало неопределенность международно-правового статуса» [3, с. 782].

Фактически до выработки и принятия новой конвенции речь шла скорее о научных дискуссиях в этом вопросе, что усложняло международную практику, делая ее неоднородной и повышая интерес государств к созданию искусственных островов. Многие авторы, такие как А. Н. Иванов и Ю. А. Кобзева [4, с. 237], подчеркивают необходимость строгого нормативного определения и классификации искусственных сооружений, исходя из их назначения и технологических характеристик, что соответствует более консервативному подходу в международном праве. В свою очередь, ряд исследователей, в частности Е. Е. Силкина и Н. Ю. Улицкая [5, с. 5], предлагают более гибкие критерии, способные учитывать технологический прогресс и новые формы использования искусственных образований.

Дискуссионной является точка зрения о том, что международное право должно в первую очередь основываться на фактическом эффекте сооружения, его влиянии на морские границы и зоны ответственности государств. Впрочем, наиболее убедительным представляется подход, основанный на разработке единых международных стандартов, учитывающих назначение и особенности искусственных островов. Такой подход помогает снизить риск международных конфликтов, так как обеспечивает большую юридическую определенность. В целом сочетание нормативного материала и практических решений судебных органов подчеркивает необходимость более четких, современно адаптированных правил, которые в конечном счете позволят наиболее эффективно регулировать данный вопрос в будущем.

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

Дебаты на ЮНКЛОС III по поводу отправной точкой для создания искусственных островов послужила ст. 5 Конвенции о континентальном шельфе [6, с. 176]. Многие государства внесли свой вклад в эти дебаты, в результате чего был подготовлен итоговый проект Морской конвенции [7]. Впрочем, можно сделать ряд замечаний в отношении ст. 60 и 80 в их соответствующем применении к исключительной экономической зоне (далее – ИЭЗ) и континентальному шельфу.

Во-первых, не дается определения того, что является искусственным островом, нет ссылки на ст. 121 и режим островов, предусмотренный ч. VIII рассматриваемого документа. Тем не менее некоторые характерные признаки острова можно почерпнуть из определения ст. 121 (1), согласно которому остров – это «естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе» [8, с. 8]. Аналогичным образом, различие между островом и скалой, предусмотренное ст. 121 (3), также должно иметь определенное значение, что в контексте искусственного острова будет касаться вопросов, связанных с размерами, населенностью людьми и экономической составляющей. Отправной точкой при определении искусственного острова является то, что он должен обладать характеристиками острова, в отличие от установок и сооружений, предусмотренных ст. 60, которые могут быть закреплены на морском дне с помощью «опор» или плавучих средств.

Таким образом, для строительства искусственного острова прибрежное государство должно быть признано в качестве такового. Это необходимо для установления границ ИЭЗ или района континентального шельфа. Не приводится точного указания на то, как должно осуществляться это исключительное право и юрисдикция прибрежного государства [9, с. 54]. Противоположный момент можно найти в ст. 62, где права прибрежного государства на ИЭЗ в отношении использования живых ресурсов могут быть разделены с другими государствами, но в этом случае необходимо уведомить другие государства о строительстве им искусственного острова.

Во-вторых, искусственный остров не обладает «статусом островов» и не имеет территориального моря. Фраза «статус островов» встречается только в ст. 60, 147 и 259 Морской конвенции. Это понятие достаточно широкое, чтобы охватывать все случаи, когда речь идет об островах, особенно в отношении случаев, когда остров имеет значение для морских прав и привилегий, таких как прямые исходные линии по ст. 7 и прямые архипелажные исходные линии в ст. 47. Тот факт, что искусственный остров не имеет территориального моря, также четко отличает его не только от острова, предусмотренного ст. 121 (1), но и от скалы, предусмотренной ст. 121 (3), где у скалы действительно существует территориальное море. Хотя этот объект и называется искусственным островом, он не обладает некоторыми основными признаками острова в юридическом смысле.

В-третьих, искусственный остров никак не влияет на делимитацию территориального моря, ИЭЗ или континентального шельфа. Искусственный остров, обладающий некоторыми характеристиками высоты во время отлива, также не может быть использован для измерения ширины территориального моря. Искусственный остров может находиться в объявленной зоне безопасности на расстоянии

не более 500 м [10, с. 3]. Такая зона безопасности прибрежного государства должна соответствовать общепринятым международным стандартам, и судоходство обязано соблюдать такую зону.

Можно сделать вывод, что Морская конвенция четко разделяет понятия природных островов и искусственно созданных сооружений, при этом не предоставляя искусственным островам статус полноценного «острова» с правом на территориальное море или ИЭЗ. Это ограничение вызывает вопросы о возможностях использования искусственных островов для расширения суверенитета и прав в морском пространстве [11, с. 68]. Также в тексте документа прослеживаются сложности в определении и регулировании таких объектов, что свидетельствует о необходимости более ясных и конкретных правовых положений, чтобы избежать двусмысленности и конфликтов.

В целом Конвенция демонстрирует баланс между сохранением статуса природных островов и ограничениями в отношении искусственных построек, что может стать источником проблем при их использовании в международных отношениях и делимитации морских границ.

2. Арбитраж в Южно-Китайском море

Наиболее обширная практика современных государств в отношении строительства искусственных островов наблюдается в Южно-Китайском море, в том числе в районах, связанных с Парасельскими островами и архипелагом Спратли. Арбитражное разбирательство по Южно-Китайскому морю 2016 г. (далее – Трибунал) на сегодняшний день является ведущим решением для любого международного суда или трибунала, рассматривающего вопрос об искусственных островах. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в нем были установлены ясные правовые принципы, касающиеся статуса таких объектов: подчеркнуто, что искусственные сооружения не обладают статусом островов и не могут порождать территориальное море или ИЭЗ, с другой стороны, данный прецедент послужил ориентиром для международных судов, поскольку он ясно ограничил возможности использования искусственных островов для расширения суверенитета и подчеркнул необходимость соблюдения норм международного права. Что касается искусственных островов в Южно-Китайском море, то основные вопросы, стоявшие перед Арбитражным судом, рассматривавшим спор на основании Приложения VII к Морской конвенции, заключались в следующем.

По мнению Филиппин, ведение строительных работ Китаем на рифе Мисчиф противоречило обязательствам Китая по защите и сбережению морской среды в соответствии с Морской конвенцией. Дноуглубительные работы Китая и строительство искусственных островов, а также строительные работы на рифе Мисчиф, Куартерон, Огненный Крест, Гавен, рифе Джонсона, Хьюза и Суби является незаконными по мнению Филиппин. Фактически, деятельность Китая на рифе Мисчиф прошла несколько этапов, причем первоначально основное внимание уделялось установке небольших сооружений, а в 2014 г. началось интенсивное строительство. В экспертном заключении, представленном Арбитражному суду, говорилось, что примерно 48% рифа было утрачено в результате мелиорации [12, с. 31]. Было

установлено, что он расположен в пределах ИЭЗ Филиппин и что у Китая нет правовых оснований для каких-либо прав на морские зоны в отношении рифа. Трибунал подтвердил важность ст. 56, 60 и 80 Морской конвенции, касающихся искусственных островов, и отметил, что в совокупности следует наделить прибрежное государство, которым в данном случае являются Филиппины, исключительными полномочиями по принятию решений, регулированию строительства и эксплуатации искусственных островов, а также установок и сооружений, подпадающих под действие ст. 60 (1), на рифе Мисчиф.

Другие примеры современного строительства искусственных островов можно найти на примере острова Джуронг и острова Педра Бранка/Пулау Бату Путех (Сингапур), Хулхамале (Мальдивы), Пальмовые острова (Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), острова Парта и Рок (Япония), а также проект расширения Верхнего Закума (ОАЭ). Также в стадии разработки находится Форест-Сити (Малайзия), а Дания также разрабатывает два «энергетических острова» в Северном море. Эти искусственные острова были построены для различных целей – от аэропортов, производства энергии, инфраструктуры морских портов, добычи нефти и газа на шельфе до туризма и городского жилья [13, с. 89]. Все они расположены во внутренних водах, архипелажных водах, территориальном море или ИЭЗ. Ни в одном из них не ставится вопрос об основном праве прибрежного государства осуществлять строительство в соответствии с Морской конвенцией. Экологические проблемы, связанные с этими проектами строительства искусственных островов, рассматриваются отдельно в соответствии с соответствующим внутренним законодательством, а в тех случаях, когда они затрагивают соседние государства, – в соответствии с международным правом.

3. Современная практика государств по рекультивации земель

Расширение технологических возможностей и реагирование на последствия изменения климата, включая штормовые волны и повышение уровня моря, делают мелиорацию земель реальным вариантом для все большего числа прибрежных государств. В связи с этим возникает вопрос о том, каковы пределы рекультивации земель в соответствии с международным правом и когда законным актом рекультивации земель становится строительство искусственного острова. Это также поднимает экологические проблемы, связанные с рекультивацией земель и строительством искусственных островов.

Морская конвенция ссылается на мелиорацию земель в ст. 11, которая предусматривает, что «портовые сооружения, которые являются составной частью системы данного порта, рассматриваются как часть берега» и, соответственно, могут использоваться для определения нормальной исходной линии, если позволяют обстоятельства. Трибунал по Южно-Китайскому морю ясно дал понять, что существуют ограничения, связанные с освоением земель, и что одна форма природных объектов не может быть преобразована в другую.

Помимо уже упомянутых примеров в Южно-Китайском море, в практике государств есть и другие примеры, когда государства предпринимали попытки укрепить или повысить статус определенных природных объектов. В случае Северного

Ледовитого океана на острове Колбейнси (Исландия) была построена вертолетная площадка для борьбы с последствиями эрозии и повышения статуса острова в ходе переговоров о морской границе с Данией. Аналогичным образом, в случае с Окиноторисимой (Япония) были предприняты усилия по предотвращению воздействия эрозии и повышения уровня моря путем строительства защитных дамб для поддержания горных пород, что, в свою очередь, привело к дебатам среди юристов-международников о том, равносильно ли поведение Японии строительству искусственного острова или просто сохранению естественного. Мелиорация земель и строительство искусственных островов также оказывают воздействие на окружающую среду, которое необходимо оценивать с точки зрения международного права и Морской конвенции.

Впервые это было подчеркнуто в 2003 г. в деле о Джохорском проливе (спор между Малайзией и Сингапуром), рассматривавшемся в Международном трибунале по морскому праву (МТМП). Малайзия возбудила это дело, чтобы остановить мелиоративные работы, которые Сингапур проводил в Джохорском проливе, из-за своей обеспокоенностью относительно воздействия этих работ на морскую среду и их физическим расположением по отношению к территориальному морю Малайзии. МТМП признал, что мелиоративные работы могут оказать воздействие на морскую среду, и принял временные меры, призвав стороны провести консультации для урегулирования своих разногласий.

Заключение

Таким образом, прибрежное государство может также возводить искусственные острова в пределах ИЭЗ и континентального шельфа, в том числе в тех районах континентального шельфа. Кроме того, все государства, а не только прибрежные, имеют право возводить искусственные острова в открытом море. Хотя на сегодняшний день нет свидетельств того, что государства практикуют подобную деятельность, это может возникнуть в будущем. Хотя в Морской конвенции четко указано, что искусственные острова могут быть построены в различных условиях, существуют значительные ограничения, наиболее важным из которых, как было четко указано в Южно-Китайском море, является то, что строительство может осуществляться только прибрежным государством, которое признало права на соответствующую морскую зону. Решение Трибунала также предполагает, хотя он и не обладал юрисдикцией для решения этого вопроса, что строительство искусственного острова в нарушение прав законного прибрежного государства не будет наделять правами государство-застройщик.

В дополнение к ограничениям, предусмотренным ст. 60 и 80 Морской конвенции, которые, что важно, четко указывают на то, что искусственный остров не пользуется теми же правами, что и природный остров, в Южно-Китайском море также подчеркивается применение мер по охране морской среды, предусмотренных частью XII Морской конвенции. Как показало поведение Китая в Южно-Китайском море, строительство искусственного острова может быть серьезной промышленной деятельностью, наносящей непоправимый ущерб окружающей морской среде. Такое поведение повлечет за собой для любого государства ряд важных

обязательств по Морской конвенции и, возможно, отдельных обязательств по международному экологическому праву.

В практике государств, решениях международных судов и трибуналов, касающихся мелиорации земель и строительства искусственного острова, остаются некоторые неясности. Хотя оба вида деятельности подпадают под действие обязательств и стандартов по защите морской среды, нет ясности в отношении того, когда законный акт освоения земель превращается в строительство искусственного острова. Освоение земель традиционно происходит вблизи побережья во внутренних водах, архипелажных водах или территориальном море. Было установлено, что действия Китая в Южно-Китайском море были предприняты в ИЭЗ Филиппин, что является уникальным аспектом данного дела. Однако этот критический аспект был основан на постановлении Трибунала о том, что все соответствующие элементы рифа являются возвышенностями во время отлива, а не островами или скалами, подлежащими присвоению. Практика освоения земель в Южно-Китайском море является исключительной, и ее необходимо рассматривать на фоне других территориальных и морских споров в этом регионе.

В современной международно-правовой системе необходимо пересмотреть существующие нормативы и разработать единые стандарты для определения правового статуса искусственных островов, учитывая их назначение и характер (строительство для экономических, стратегических целей или научных исследований).

В целом для обеспечения стабильности и предсказуемости в морском пространстве необходимо внедрение новых правовых норм и стандартов, отражающих современное положение дел и технологические достижения в сфере строительства искусственных островов.

Пристатейный библиографический список

1. *Rothwell D.* Islands and International Law. London : Hart Publishing, 2024.
2. Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. // UN.ORG : сайт. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_1_1958_continental_shelf.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
3. *Burke W., McDougal M.* The Public Order of the Oceans: A Contemporary International Law of the Sea. New Haven : Yale University Press, 1962.
4. *Иванов А. Н., Кобзева Ю. А.* Географические аспекты создания искусственных островов // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природа, население, хозяйство территорий. Владивосток : Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, 2021.
5. *Силкина Е. Е., Улицкая Н. Ю., Акимова М. С.* Создание искусственных островов в России и за рубежом // Строймного. 2017. № 2 (7).
6. *Крымская К. В.* Правовые вопросы удаления стационарных конструкций в море // Горный информационно-аналитический бюллетень: Физико-химическая геотехнология – инновации и тенденции развития. 2021. № 3-1.
7. Конвенция ООН по морскому праву // UN.ORG : сайт. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

8. *Герайбеков С. О.* Проблема определения статуса искусственных островов, установок и сооружений в современном международном морском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.

9. *Крымская К. В.* Установление зон безопасности вокруг стационарных морских установок на континентальном шельфе (правовые вопросы) // *Право и управление. XXI век.* 2019. № 2 (51).

10. *Elferink A. O.* *Artificial Islands, Installations and Structures.* Berlin : Max Planck Press, 2013.

11. *Galea F.* *Artificial Islands in the Law of the Sea: Dissertation Presented by in Partial Fulfilment of the Requirement for the Degree of Doctor of Laws.* Malta, 2009.

12. *Кошкин В. А.* Решение международного арбитража по Южно-Китайскому морю: обзор позиций китайских экспертов // *Международное правосудие.* 2019. № 2 (30).

13. *Oda S.* *Fifty Years of the Law of the Sea: With a Special Section on the International Court of Justice: Selected Writings of Shigeru Oda, Judge of the International Court of Justice.* The Hague ; New York : Kluwer Law International, 2003.

References

1. *Rothwell D.* *Islands and International Law.* London: Hart Publishing, 2024.
2. Convention on the Continental Shelf of 1958. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_1_1958_continental_shelf.pdf (date of the application: 15.06.2025).
3. *Burke W., McDougal M.* *The Public Order of the Oceans: A Contemporary International Law of the Sea.* New Haven: Yale University Press, 1962.
4. *Ivanov A. N., Kobzeva Iu. A.* Geographical Aspects of the Creation of Artificial Islands. In *Geosystems of North-East Asia: Nature, Population, Economy of Territories.* Vladivostok: Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. (In Russ.)
5. *Silkina E. E., Ulitskaia N. Iu., Akimova M. S.* Creation of Artificial Islands in Russia and Abroad. *StroiMnogo*, 2017, no. 2 (7). (In Russ.)
6. *Krymskaia K. V.* Legal Issues of Removing Stationary Structures at Sea. *Mining Information and Analytical Bulletin: Physical and Chemical Geotechnology – Innovations and Development Trends*, 2021, no. 3-1. (In Russ.)
7. UN Convention on the Law of the Sea. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (date of the application: 15.06.2025).
8. *Geraibekov S. O.* The Problem of Determining the Status of Artificial Islands, Installations and Structures in Modern International Maritime Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1977. (In Russ.)
9. *Krymskaia K. V.* Establishment of Safety Zones Around Fixed Offshore Installations on the Continental Shelf (Legal Issues). *Law and Management. XXI Century*, 2019, no. 2 (51). (In Russ.)
10. *Elferink A. O.* *Artificial Islands, Installations and Structures.* Berlin: Max Planck Press, 2013.

11. *Galea F.* Artificial Islands in the Law of the Sea: Dissertation Presented by in Partial Fulfilment of the Requirement for the Degree of Doctor of Laws. Malta, 2009.

12. *Koshkin V. A.* The Decision of the International Arbitration on the South China Sea: A Review of the Positions of Chinese Experts. *International Justice*, 2019, no. 2 (30). (In Russ.)

13. *Oda S.* Fifty Years of the Law of the Sea: With a Special Section on the International Court of Justice: Selected Writings of Shigeru Oda, Judge of the International Court of Justice. The Hague; New York: Kluwer Law International, 2003.

Сведения об авторах:

И. О. Анисимов – кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Кирюшин – студент 2-го курса магистратуры.

Information about the authors:

I. O. Anisimov – PhD in Law, Associate Professor.

A. A. Kiryushin – Second-Year Master's Student.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 03.07.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-220-233>

ЦЕРКОВЬ, РАЗВОД И РАЗДЕЛЬНОЕ ЖИТЕЛЬСТВО СУПРУГОВ В РОССИИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Марина Андреевна Белоусова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991,
Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

marina.a.belousova@yandex.ru

Аннотация

Целью статьи, посвященной одной из малоизученных проблем истории церковного и семейного права, стало выявление отношения богословской доктрины Русской православной церкви и церковного суда в России в конце XVII – начале XIX вв. к раздельному жительству супругов. Используя такие научные методы, как исторический, логический и системный анализ, автор показывает, что органы духовного суда в исследуемый период спокойно относились к временному разлучению супругов без развода, хотя однозначной линии в церковной практике по этому вопросу не наблюдалось. Следовательно, позднейшие аргументы Синода о недопустимости раздельного жительства супругов не имели оснований в практике вплоть до начала XIX в.

Ключевые слова: раздельное жительство супругов; развод; церковный суд; Русская православная церковь; жестокое обращение.

Для цитирования: Белоусова М. А. Церковь, развод и раздельное жительство супругов в России конца XVII – начала XIX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 220–233. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-220-233>

Research Article

THE CHURCH, DIVORCE, AND SEPARATE SPOUSAL RESIDENCE IN RUSSIA FROM THE LATE 17TH TO THE EARLY 19TH CENTURY

Marina A. Belousova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
marina.a.belousova@yandex.ru

Abstract

The article examines the attitude of the theological doctrine of the Russian Orthodox Church and ecclesiastical courts in Russia from the late 17th to the early 19th century toward separate spousal residence. The author demonstrates that, during the studied period, ecclesiastical courts were generally tolerant of temporary marital separation without divorce, although no consistent policy on this issue existed in church practice. Consequently, the Synod's later arguments against the permissibility of separate spousal residence lacked a foundation in historical practice until the early 19th century.

Keywords: separate living of spouses; divorce; ecclesiastical court; Russian Orthodox Church; cruel treatment.

For citation: *Belousova M. A. The Church, Divorce, and Separate Spousal Residence in Russia from the Late 17th to the Early 19th Century. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 220–233. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-220-233>

Введение

В конце XIX в. перед российским законодателем остро встал вопрос совершенствования нормативной базы о супружеских несогласиях. Супруги, совместная жизнь которых стала невыносимой, могли расторгнуть брак лишь по очень ограниченному кругу оснований. Бракоразводное судопроизводство относилось к ведомству духовного суда, не впитавшего достижений Судебной реформы 1864 г. и по-прежнему практиковавшего письменное, закрытое производство, длительные сроки рассмотрения, произвол епархиального начальства. Для развода по прелюбодеянию предусматривалось обязательное предоставление свидетельских показаний, а супругу, объявленному виновным в измене, запрещалось вступать в новый брачный союз.

При этом сложные ситуации в супружеских отношениях, при которых сохранение семьи объективно не представлялось возможным, не исчерпывались случаями измен или тяжких преступлений. Супружеское насилие принимало порой

самые уродливые формы [1, с. 447–467; 2, с. 658–679], но не являлось основанием для развода.

С точки зрения закона супруги в любых обстоятельствах, кроме тех, что были связаны с нормальным течением семейной жизни (например, временным уходом на заработки), должны были проживать совместно (ст. 103 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи). Женщины могли получить отдельный вид на жительство для проживания за пределами уезда, к которому был приписан муж, только с согласия последнего. Следовательно, в соответствии с буквальным толкованием закона, никакой помощи страдающим от жестокого обращения супругам властные органы предоставить не могли.

Несмотря на это, административные и судебные органы старались облегчать страдания супругов, в особенности жен, предоставляя вопреки законодательным запретам в сложных ситуациях документы для отдельного проживания женщинам даже без согласия мужей. К рубежу XIX–XX вв. начала складываться практика Правительствующего Сената, пользовавшегося своими полномочиями по толкованию законов Российской империи для смягчения положений обязывавшей супругов к совместному жительству ст. 103.

В такой ситуации неизбежно возник вопрос об изменении законодательства: практика настолько противоречила существовавшим законодательным нормам, что дальнейшее попустительство в отношении раздельного проживания могло привести к полной дискредитации закона.

Однако разработанный в 1898 г. по поручению Государственного Совета Комиссией по составлению Гражданского уложения законопроект о разрешении раздельного жительства встретил серьезное сопротивление со стороны Русской православной церкви. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев и другие представители церковного ведомства утвердились во мнении, что данный институт противоречит православному вероучению, согласно которому брак нерасторжим, кроме определенных церковью случаев, а супруги должны проживать в духовном и телесном единстве (Мф. 19:5–6) [3, с. 11–12]. Церковная периодика конца XIX – начала XX вв. однозначно выступала против дозволения раздельного жительства супругов в светском суде [4, с. 506]. Вместо разлучения супругов служители церкви предлагалось увещание к совместной мирной жизни.

Рассмотрим, насколько такая однозначная позиция церковного ведомства опиралась на традицию Русской православной церкви, как в сфере богословских и церковноправовых взглядов, так и в рамках практики церковного суда.

Основная часть

До конца XVII в. Русская православная церковь, занимавшаяся брачно-семейными вопросами, практически не пользовалась возможностью разлучения супругов без расторжения брака. Объяснение этому можно найти в относительной свободе бракоразводной практики. Архиереи и иные должностные лица церковного суда были вольны принимать решения о расторжении брака в соответствии с потребностями супругов, так как церковное управление не было в достаточной мере централизовано. Помимо прочего, поводом к разводу могли считаться жестокое обращение

с женой, пьянство и распутство мужа, растрата мужем приданого жены. Кроме того, супруги могли достаточно свободно разлучаться по обоюдному согласию, подписывая разводные записи (свободные или разводные письма) – соглашения об «освобождении» друг друга от уз брака [5, с. 325–342]. Такие акты без особенных проблем удостоверялись должностными лицами, а также духовными отцами супругов или даже церковнослужителями (дьячками или пономарями) [6, с. 36–42].

Появление раздельного жительства супругов

В подобных условиях не слишком затрудненного развода не было необходимости в дополнительном инструменте раздельного жительства супругов. Это позволило исследователям утверждать, что временное разлучение в России было легализовано лишь в 1722 г. [7, с. 121]. Однако М. К. Цатурова обнаружила случай утверждения в 1687 г. Устюжским архиепископом Александром раздельного жительства без развода по причине жестокого обращения со стороны мужа и свекра [8, с. 71–72]. Представляется, этот случай не был исключительным по причине относительной самостоятельности церковных властей в решении проблем несчастных браков, а также добровольности соглашения о раздельном проживании.

Отсутствие контроля за епархиальным управлением в вопросе расторжения браков влекла за собой злоупотребления. Зачастую мужья, желая избавиться от постылых жен, обманом или принуждением получали от последних согласие постричься в монахини и, через то, развод с возможностью вступить в новый брак. Это привело к изданию патриархом Адрианом в 1697 г. указа о запрете разводов во всех случаях, кроме прелюбодеяния или покушения на жизнь супруга [9, с. 21].

Хотя данный указ не получил повсеместного применения, доступные поводы к разводу в XVIII в. постепенно упорядочиваются, а потому – сокращаются, что, как следствие, вызывает рост потребности в альтернативе – разлучении супругов без расторжения брака [6, с. 70]. Местные епархиальные архиереи и духовные консистории, теряя возможность предоставления полного развода в случаях жестокого обращения мужа с женой или серьезной болезни одного из супругов, все чаще прибегали к их разлучению до примирения [10, с. 76].

Никаких ограничений в церковных правилах для такого разлучения ни местные духовные власти, ни возглавивший церковное управление Святейший Синод не видели. Канонические нормы не запрещали разлучение при условии дальнейшего безбрачия обоих супругов: «жене не разводиться с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей» (1 Кор. 7:10-11). Правила Вселенских соборов не предусматривали никакой епитимьи (церковного наказания) в случае, если разлучившиеся супруги сохраняют телесную чистоту (115 правило Карфагенского собора).

Первым из известных случаев, когда Синодом было установлено раздельное жительство супругов, стало резонансное дело Василия и Александры Салтыковых 1721–1723 гг., за которую отец просил о разводе по причине чрезвычайно жестокого обращения с ней мужа [11, № 99, стлб. 68–69]. Супруг, который и сам желал развестись, но не хотел оказаться виновной (а значит, безбрачной до конца жизни) стороной, обвинил Александру в прелюбодеянии. Вина жены не была доказа-

на, а Святейший Синод оказался озадачен проблемой, можно ли позволять развод на основании жестокого обращения с супругой. По предположению И. А. Чистовича, именно это дело стало основанием для знаменитых рассуждений членов Синода о правильных поводах к разводу [12, с. 129].

Мнения в Синоде по этому вопросу разделились. Ассессор Анастасий Кондоиди (будущий епископ Суздальский) посчитал, что помимо прелюбодеяния основанием для развода должно быть и жестокое обращение мужа, так как он не должен применять меры физического насилия к жене [9, с. 35–40]. По-видимому, греку, недавно поселившемуся в России (на постоянной основе – лишь с 1714 г.), были плохо знакомы реалии русского брака, для которого телесное «поучение» жены и детей считалось нормой.

Епископ Псковский Феофан (Прокопович) выступал за разрешение развода только на основании прелюбодеяния, причем в равной степени мужчины и женщины [9, с. 25–28]. Также Феофан впервые в российском богословии разработал теорию разграничения между совершенным (полным, окончательным) и несовершенным (временным) разводом. Под несовершенным разводом епископ понимал разлучение супружеского сожителства, при котором брак не расторгается и ни один из супругов не может вступить в новый брак.

При решении дела Салтыковых возобладало мнение Феофана Прокоповича, и в итоговом постановлении Синода, установившем для супругов раздельное жителство, был употреблен термин «временный развод».

Позднейшая практика духовного ведомства по установлению раздельного жителства супругов состояла в непосредственной связи с постепенным ограничением поводов к разводу. Например, Святейший Синод с 1720-х гг. вступил борьбу с насильственными пострижениями опостылевших жен в монастыри. Указ от 22 марта 1723 г. запрещал развод по причине болезни при желании кого-то из супругов постричься в монастырь без всестороннего исследования обстоятельств и медицинского освидетельствования, а также без утверждения решения о расторжении брака Святейшим Синодом [13, № 4190].

На практике просьбы о разводах по болезни стали рассматриваться гораздо внимательнее, и чаще всего, если больной супруг желал освободить здорового и дать ему возможность вступить в брак, но не собирался уходить в монастырь, такой развод не разрешался за отсутствием оснований [14, с. № 1816, с. 391]. Здесь духовные отцы напоминали о задаче брака – взаимной поддержке в трудных жизненных ситуациях, и призывали проявлять терпение в болезнях, посланных Богом. Если желание уйти в монастырь было реальным, Синод мог дать такую возможность.

По делу генерал-майора князя Василия Вяземского и его жены Марьи, желавших из-за старости и болезней разойтись и постричься в монахи, Святейший Синод принял в 1728 г. интересное решение. Разрешив супругам «от законного супружества друг от друга быть свободным», он указал, что это освобождение не позволяет им вступления в новые браки или в незаконные интимные отношения [15, № 2150, с. 207–211]. По форме это решение вполне соответствовало дозволению раздельного жителства супругов, если по какой-то причине один из них или они оба передумают принимать постриг.

Еще одним основанием для развода, тесно связанным с перспективой установления раздельного жительства, было покушение на жизнь супруга. В 1723 г. Святейший Синод в очередной раз указал, что «умышление на живот» является основанием для развода, а потому жены, пытавшиеся добиться развода на основании жестокого обращения мужей, специально подчеркивали в своих челобитных факт того, что мужа били их «смертным боем» [16, № 519, с. 756], из-за чего они могли опасаться за свою жизнь [17, с. 117–120]. В случае доказанного жестокого обращения духовные власти увещали супругов к примирению либо, при нежелании последних сойтись, предоставляли право жить раздельно без возможности вступить в брак [18, № 535, с. 639–640].

В целом именно жестокое обращение с женой было наиболее частым основанием для разрешения раздельного жительства супругов. Политика дозволения разлучений после утверждения в решении по делу Салтыковых временного развода в 1723 г. велась как на уровне епархиальных архиереев и консисторий, так и самим Святейшим Синодом. Никаких противоречий канонам и законам в дозволении жить отдельно не усматривалось, но многих измученных жен оно вполне устраивало.

Иногда спокойное отношение к раздельному жительству со стороны церкви, а также отсутствие устоявшихся терминов, которые могли бы однозначно разграничить расторжение брака и раздельное жительство (в обоих случаях мог применяться термин «разлучение»), приводили к недопониманиям или попыткам злоупотреблений. Так, в 1730 г. Екатерина Шеншина из-за болезни и побоев со стороны мужа получила от архиепископа Крутицкого Леонида дозволение «быть от супружества свободной», но в новый брак не вступать [19, № 198, стлб. 318–321]. При составлении архиерейского решения было упущено уточнение о таком же безбрачном состоянии мужа, чем тот не преминул воспользоваться, вступив в новый брак, предъявив решение преосвященного Леонида как доказательство развода с предыдущей женой и отсутствия запрещения на вступление в новый брак. В 1749 г. по решению Синода второй брак Шеншина был признан недействительным, а сам он подвергнут наказанию за двоебрачие.

Случаи разрешения раздельного жительства супругов в XVIII – начале XIX вв.

В целом режим раздельного жительства супругов по решению или одобрению Русской православной церкви в XVIII – начале XIX вв. мог устанавливаться в трех основных вариантах: 1) по решению духовного суда при жестоком обращении с женой (при отсутствии поводов к разводу или недоказанности прелюбодеяния); 2) в результате мирового соглашения супругов, утвержденного церковными властями; 3) как временная мера до окончания бракоразводного процесса.

Первый случай был реакцией на попытки ограничения вседозволенности духовных судов в бракоразводных делах. При этом церковным властям было необходимо не просто принять решение в соответствии с нормами церковного права, но и помочь прихожанам в сложной семейной ситуации. Увещание мужа, жестоко обращавшегося с женой, со стороны духовника или консистории, далеко не во всяком случае приводило к положительному результату. А принуждение женщины к продолжению супружеских отношений означало подталкивание супругов к новым грехам. Муж мог

воспринять безнаказанность как одобрение насилия, которое могло привести к любым последствиям, вплоть до причинения жене смерти [20, с. 59–60]. Жена, не находя помощи у властей, принуждалась к самовольному оставлению сожительства или к разврату при отсутствии средств к существованию и готовых приютить родственников. Для того чтобы избежать подобных последствий, церковный суд мог предоставить право отдельного проживания для супругов, «донжеде смирятся» (до примирения), с запретом вступать в новые браки. Важно отметить, что в большинстве случаев примирение по делам, связанным с супружескими несогласиями, должно было быть обоюдным: даже если муж обещал прекратить побои и хотел примириться с женой, ее нежелание продолжать сожительство по общему правилу препятствовало возобновлению супружеских отношений [21, стлб. 241–243]. В отдельных случаях даже просто несогласное житье супругов, без всякого физического насилия, могло стать основанием для разлучения [22, № 3556, с. 378–379].

Однако общего курса по отношению к подобного рода случаям в епархиальном производстве и Синоде не наблюдалось. Параллельно с разрешением раздельного жительства духовные суды на протяжении всего XVIII в. принимали решения, запрещавшие разлучение супругов и понуждавшие их к примирению и совместному жительству. Так, например, в 1726 г. московская Духовная дикастерия не позволила крестьянке вернуться к отцу из дома малолетнего мужа, где она терпела побои, заявив, что добровольное согласие на брак с малолетним мужем обязывает ее к терпению [20, с. 241–242]. Аналогичное решение было принято дикастерией в 1729 г. по делу Нечаевых [23, № 441, стлб. 614–618].

В 1740 г. члены Казанской консистории пытались принудить Ксению Кашкадамову к совместному жительству с мужем, запугивая и передавая якобы слова епископа Казанского Луки о том, что «хотя бы от мужа замучена будет, то от Бога примет венец и погребена будет с радостью честно» [24, № 325, стлб. 256]. Впоследствии Синод, несмотря на мнение епископов Казанского и Нижегородского о необходимости дать совершенный развод молодым супругам, ненавидящим друг друга, не разрешил Ксении даже отдельное от мужа проживание, а также добился запрета ей совершать крепостные сделки со своими именьями.

Определенное ужесточение отношения к раздельному жительству связано с именем архиепископа Тверского и Кашинского, а затем митрополита Московского Платона (Левшина). В 1774 г. Синод принял решение по делу Михайлы Апухтина, не желавшего жить вместе с женой, обязав архиерея увещать к сожительству, а при отказе – отправить в монастырь на покаяние, пока не согласится. По всей видимости, такое решение было обусловлено влиянием Платона, являвшегося на тот момент членом Синода. Похожий способ воздействия был избран митрополитом Платоном в деле Анны и Петра Герасимовых в 1776 г. Вопреки мнению Московской духовной консистории, считавшей возможным разрешить отдельное проживание жене, терпевшей побои и оскорбления от мужа и его семьи, митрополит приказал многократно увещать супругу к совместному жительству, а при отказе – отправить в монастырь до примирения с мужем. В других случаях митрополит Платон также настаивал на повторяющемся увещании к воссоединению супругов [25, № 475; 26, с. 103–104]. Подчеркивал необходимость увещания и архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил [25, № 344].

Хотя Г. Фриз полагал, что с 1760-х гг. церковь начала серьезно ограничивать раздельное проживание супругов [27, р. 743], практика не показывает единой тенденции по сокращению или расширению установления раздельного жительства духовным судом в течение XVIII – начала XIX вв.

Вторым путем установления раздельного жительства в XVIII – начале XIX вв. было утверждение духовным судом мировых соглашений, условием которых являлось раздельное проживание. Супруги порой вступали в бракоразводные процессы, пытаясь добиться официального развода или разлучения, но оказывались втянутыми в бесконечные процедуры архаичного церковного судопроизводства [28, № 332; 29, № 157]. Понимая, что ожидание помощи от властей может затянуться, они зачастую решали вопросы раздельного проживания полюбовно, остыв от первых проявлений взаимной ненависти.

Данные акты не рассматривались как разводные письма, удостоверить которые духовным лицам было запрещено в 1730 и 1767 гг., так как не подразумевали расторжения брака: супруги расходились, но продолжали нести брачные обязанности и не имели права вступать в новые браки. Духовные власти даже поддерживали заключение мировых соглашений, потому что они позволяли сохранить брак и не прибегать к разводу даже при наличии оснований в виде прелюбодеяния, а также упраздняли необходимость дальнейшего производства в перегруженных консисториях.

Также мировыми соглашениями могли определяться имущественные отношения по содержанию мужем жены и детей. В 1730 г. Синод, утвердив соглашение супругов Ржевских о раздельном проживании, даже проверял, исполнил ли муж установленные в этом документе обязанности по содержанию в виде предоставления движимого и недвижимого имущества [28, № 332, стлб. 552], хотя этот вопрос и не входил в компетенцию духовного ведомства и больше интересовал светские органы [30, № 14160].

Кроме того, жены, опасавшиеся продолжения побоев после обращения в духовный суд за разлучением от супружеской жизни из-за жестокого обращения, могли просить дозволения проживать отдельно от мужей до принятия решения церковным судом [17, с. 113–117]. По мнению М. И. Горчакова, временное разлучение супругов как процессуальная мера в бракоразводном производстве появилась в XVII в., когда архиереи, сомневаясь в применимости норм о признании брака незаконным, обращались за разъяснением к патриарху или местоблюстителю патриаршего престола, до получения этого разъяснения указывали женам и мужьям жить отдельно [31, с. 359].

Запрет раздельного жительства в духовной практике

Завершение эпохи раздельного жительства, устанавливаемого авторитетом духовного суда, ознаменовалось принятием 26 марта 1819 г. высочайше утвержденного мнения Государственного Совета по делу Павла Шелковникова [32, № 27737]. Это решение закрепило внезапное изменение подхода Русской православной церкви к вопросу о раздельном жительстве супругов, установив для него полный запрет.

Дело, столь серьезно изменившее правовую ситуацию в вопросе разлучения супругов, началось с брачных несогласий Павла и Марии Шелковниковых, обратившихся за утверждением мирового соглашения в светские органы: запись, которой муж обязывался содержать отдельно проживавшую жену, была совершена в 1811 г. в Санкт-Петербургской гражданской судебной палате, а затем утверждена в 4-м департаменте Сената.

В Санкт-Петербургскую духовную консисторию дело попало уже позже, когда Павел Шелковников обратился с просьбой о расторжении брака по прелюбодеянию жены и о признании ее дочери Александры незаконнорожденной. Духовный суд, выяснив, что вопрос о раздельном жительстве супругов был разобран без его вмешательства, принял решение о необходимости уничтожить запись Шелковникова, как запрещенную законами 1730 и 1767 гг. «роспускную книгу» (разводное письмо) и противоречившую церковным нормам. Когда супруги подали в Святейший Синод апелляцию на это решение, тот нашел необходимым через министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына вывести на законодательный уровень запрет светским органам, участвовать в делах о супружеских несогласиях и устанавливать режим раздельного проживания.

В действительности никакого противоречия каноническим правилам в этой записи не было, о чем свидетельствуют упомянутые выше многочисленные случаи одобрения духовным ведомством подобных супружеских соглашений. Ссылки на установления Нового Завета (Мф. 19:3-12; Мк. 10:2-12; 1 Кор. 7:10-18) ранее использовались в обоснование нерасторжимости брака разводом по желанию супругов, а не как основания для запрета раздельного жительства. Законы 1730 и 1767 гг. относились также лишь к соглашениям о разводе (с правом нового вступления в брак), а, кроме того, запрещали утверждать подобные акты лишь духовным лицам, но никак не органам гражданской власти.

Участие светских органов в решении имущественных вопросов, не входивших в компетенцию церкви, в более ранних делах имело место без всякого сопротивления духовного суда [30, № 14160], а оспаривавшаяся запись в большей степени касалась именно финансового обеспечения, которое Павел Шелковников обязался предоставлять своей жене. В случае с записью Шелковниковых недовольство церковных органов было вызвано, по всей видимости, именно с утверждением соглашения о раздельном жительстве без обращения к духовному суду, в компетенции которого находились все брачные вопросы. Интересно, что ранее духовное ведомство допускало удостоверение соглашений о раздельном проживании в светских органах [33, с. 41]. В 1766 г., при составлении наказа синодальному депутату Уложенной комиссии, члены Святейшего Синода предлагали вообще передать дела, связанные с самовольным разлучением супругов по причине жестокого обращения, в светский суд [34, с. 61–62].

Причины нового подхода духовного ведомства подробно описал П. Л. Полянский: в правление Александра I Синод боролся за четкое разграничение светской и церковной подсудности, пользуясь для этого авторитетом А. Н. Голицына [33, с. 33–51]. Похожая тенденция проявилась в 1810-х–1820-х гг. и в отношении вмешательства светских органов в суд над духовными лицами: с 1817 г. А. Н. Голицын

добивался усиления уже существовавшего законодательного запрета светским органам инициировать производства по делам о незначительных проступках духовных лиц, что завершилось принятием 22 декабря 1823 г. «Правил для искоренения преступлений, производимых духовными лицами» и правил для судопроизводства по таковым делам в форме императорского указа [35, № 2971 1].

Утвержденное императором мнение Государственного Совета по делу Шелковникова формально устанавливало запрет на утверждение раздельного жительства супругов только для светских органов власти. Однако этот акт стал переломным и для практики церковного суда: Святейший Синод поддержал представленное Комиссией составления законов новое толкование 1730 и 1767 гг., касавшихся духовных лиц, и рассмотрение раздельного жительства как противного церковным правилам [36, с. 216], что, по всей видимости, привело к невозможности продолжать установление раздельного жительства в церковном суде. Синод позаботился также о том, чтобы текст закона был циркулярно разослан по епархиям [37]. Именно эта мера и привела к дальнейшему однозначно отрицательному отношению в церковной среде к раздельному жительству супругов и обеспечила то противодействие церкви, которое оттянуло принятие закона о раздельном жительстве супругов до 1914 г.

Заключение

Таким образом, сопротивление Русской православной церкви установлению института раздельного жительства супругов во второй половине XIX – начале XX вв. не опиралось на предшествовавшую церковную практику: раздельное жительство супругов в Российской империи нередко устанавливалось решениями церковного суда на протяжении XVIII – начала XIX вв. До принятия в 1819 г. высочайше утвержденного мнения по делу Шелковникова духовные власти всех уровней не видели нарушения канонических норм в разлучении супругов, в том числе по взаимному согласию или из-за жестокого обращения мужа с женой, если это не приводило к полному («совершенному») разводу и заключению новых браков. Начиная со второй половины XVIII в. отдельные архиереи выражали отрицательное отношение к раздельному проживанию супругов, однако общей тенденции по отказу от разлучения супругов до 1810-х гг. не наблюдалось. Внезапное изменение отношения Синода к раздельному жительству в ходе производства по делу Шелковникова объясняется скорее желанием четко разграничить компетенцию светских и церковных органов в сфере брачных отношений, «жертвой» которого пало дозволение раздельного жительства супругов. Начиная с 1819 г. не только светские, но и церковные органы утрачивают возможность официально позволять разлучение супругов без расторжения брака. Этот запрет в российском законодательстве будет сохраняться вплоть до 1914 г., однако и тогда раздельное жительство войдет в юрисдикцию не церковного, а светского суда. А принятое по делу Шелковникова и позднее широко опубликованное толкование Святейшим Синодом библейских норм и правил церковного законодательства XVIII в. породило новую богословскую позицию Русской православной церкви, однозначно запрещающую разлучение супругов, кроме случаев официальных поводов к разводу.

Пристатейный библиографический список

1. *Лудмер Я.* Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Т. 15. № 4.
2. *Лудмер Я.* Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Т. 17. № 11.
3. *Белоусова М. А.* Святейший Синод и проблема раздельного жительства супругов в Российской империи // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 25. М. : Юрист, 2025.
4. *Клитин А., свящ.* Слово в день рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны // Киевские епархиальные ведомости. 1898. 16 июня. № 12.
5. *Кошелева О. Е.* «Не ходя к правильному суду...» (феномен «разводного письма» в России петровского времени) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2014–2016 / под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского. Вып. 11. М. : Индик, 2016.
6. *Способин А. Д.* О разводе в России. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881.
7. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М. : Ломоносовъ, 2012.
8. *Цатурова М. К.* Три века русского развода (XVI–XVIII века). М. : Логос, 2011.
9. Отчет Комиссии, Высочайше учрежденной при Святейшем Правительствующем Синоде для разбора дел, хранящихся в его архиве, за 1867 год. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868.
10. *Муравьева М. Г.* Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII в. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкарёвой. СПб. : Изд-во Европейского университета в СПб, 2012.
11. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода) (далее – ОДДС). Т. I (1542–1721 г.). СПб. : Синодальная тип., 1868.
12. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1868.
13. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1). Т. VII. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. V (28 января 1725 – 5 мая 1727) (далее – ПСПиР). СПб. : Синодальная тип., 1881.
15. ПСПиР. Т. VI (8 мая 1727 – 16 января 1730). СПб. : Синодальная тип., 1889.
16. ОДДС. Т. XI (1731). СПб. : Синодальная тип., 1903.
17. *Розанов Н. П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. синода (1721–1821). Ч. 2. Кн. II. М. : Тип. «Русских ведомостей», 1870.
18. ПСПиР. Т. I. (1762–1772). СПб. : Синодальная тип., 1910.
19. ОДДС. Т. XXVI (1746). СПб. : Синодальная тип., 1907.

20. Розанов Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. синода (1721–1821). Ч. 3. Кн. I. М. : Тип. «Русских ведомостей», 1870.
21. ОДДС. Т. XV (1735). СПб. : Синодальная тип., 1907.
22. ПСПиР. Т. X (1738–24 ноября 1741). СПб. : Синодальная тип., 1911.
24. ОДДС. Т. IX (1729). СПб. : Синодальная тип., 1913.
25. ОДДС. Т. XXI (1741). СПб. : Синодальная тип., 1913.
26. ОДДС. Т. L (1770). Пг. : Синодальная тип., 1914.
27. Письма Платона, митрополита Московского к преосвященным Амвросию и Августину. М., 1870.
28. Freeze G. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // *Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62.
29. ОДДС. Т. X (1730). СПб. : Синодальная тип., 1901.
30. ОДДС. Т. XIX (1739). СПб. : Синодальная тип., 1913.
31. ПСЗ-1. Т. XIX. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
32. Горчаков М. И., *прот.* О тайне супружества. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880.
33. ПСЗ-1. Т. XXXVI. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
34. Полянский П. Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX в. // *Вестник Московского университета. Сер. 11. Право*. 2014. № 5.
35. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXXXIII. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1885.
36. ПСЗ-1. Т. XXXVIII. СПб. : Тип. II Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
37. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 7 июня 1819 г. № 23.
38. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 97. Д. 122.

References

1. *Ludmer Ia.* Women's Moans (From the Notes of a Justice of the Peace). *Iuridicheskii vestnik*, 1884, vol. 15, no. 4. (In Russ.)
2. *Ludmer Ia.* Women's Moans (From the Notes of a Justice of the Peace). *Iuridicheskii vestnik*, 1884, vol. 17, no. 11. (In Russ.)
3. *Belousova M. A.* The Holy Synod and the Problem of Spouses Living Separately in the Russian Empire. In *Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences*. Iss. 25. Moscow: Iurist, 2025. (In Russ.)
4. *Klitin A., priest.* Sermon on the Birthday of Her Imperial Majesty Empress Alexandra Feodorovna. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*, June 16, 1898, no. 12. (In Russ.)
5. *Kosheleva O. E.* "Without Going to the Proper Court..." (The Phenomenon of "Divorce Letters" in Peter the Great's Russia). In *Togoeva O. I., Danilevskii I. N. (eds.)*. Case Study. Individual and Unique in History – 2014–2016. Iss. 11. Moscow: Indrik, 2016. (In Russ.)
6. *Sposobin A. D.* On Divorce in Russia. Moscow: M. N. Lavrov & Co.'s Printing House, 1881. (In Russ.)

7. *Pushkareva N. L.* The Private Life of a Russian Woman in the 18th Century. Moscow: Lomonosov, 2012. (In Russ.)
8. *Tsaturova M. K.* Three Centuries of Russian Divorce (16th–18th Centuries). Moscow: Logos, 2011. (In Russ.)
9. Report of the Commission, Established by His Majesty at the Holy Governing Synod for the Review of Cases Stored in its Archive, for the Year 1867. St. Petersburg: A. Transhel's Printing House, 1868. (In Russ.)
10. *Muravieva M. G.* Everyday Practices of Violence: Marital Violence in Russian Families of the 18th Century. In *Muravieva M. G., Pushkareva N. L. (eds.)*. Domestic Violence in the History of Russian Everyday Life (10th–12th Centuries). St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2012. (In Russ.)
11. Description of Documents and Cases Stored in the Archive of the Holy Governing Synod (hereinafter – ODDS). Vol. I (1542–1721). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1868. (In Russ.)
12. *Chistovich I. A.* Feofan Prokopovich and His Time. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1868. (In Russ.)
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter – PSZ-1). Vol. VII. St. Petersburg: Printing House of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
14. Complete Collection of Decrees and Orders for the Department of the Orthodox Confession of the Russian Empire (hereinafter – PSPiR). Vol. V (January 28, 1725 – May 5, 1727). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1881. (In Russ.)
15. PSPiR. Vol. VI (May 8, 1727 – January 16, 1730). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1889. (In Russ.)
16. ODDS. Vol. XI (1731). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1903. (In Russ.)
17. *Rozanov N. P.* History of Moscow Diocesan Administration from the Establishment of the Holy Synod (1721–1821). Part 2. Book II. Moscow: Printing House of "Russkie vedomosti", 1870. (In Russ.)
18. PSPiR. Vol. I (1762–1772). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1910. (In Russ.)
19. ODDS. Vol. XXVI (1746). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1907. (In Russ.)
20. *Rozanov N. P.* History of Moscow Diocesan Administration from the Establishment of the Holy Synod (1721–1821). Part 3. Book I. Moscow: Printing House of "Russkie vedomosti", 1870. (In Russ.)
21. ODDS. Vol. XV (1735). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1907. (In Russ.)
22. PSPiR. Vol. X (1738 – November 24, 1741). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1911. (In Russ.)
23. ODDS. Vol. IX (1729). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1913. (In Russ.)
24. ODDS. Vol. XXI (1741). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1913. (In Russ.)
25. ODDS. Vol. L (1770). Petrograd: Synod's Printing House, 1914. (In Russ.)
26. Letters of Platon, Metropolitan of Moscow, to the Most Reverends Ambrose and Augustine. Moscow, 1870. (In Russ.)
27. *Freeze G.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860. *Journal of Modern History*, 1990, vol. 62.
28. ODDS. Vol. X (1730). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1901. (In Russ.)
29. ODDS. Vol. XIX (1739). St. Petersburg: Synod's Printing House, 1913. (In Russ.)

30. PSZ-1. Vol. XIX. St. Petersburg: Printing House of II His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
31. *Gorchakov M. I., prot.* On the Mystery of Marriage. St. Petersburg: V. S. Balashev's Printing House, 1880, 359 p. (In Russ.)
32. PSZ-1. Vol. XXXVI. St. Petersburg: Printing House of II His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
33. *Polianskii P. L.* The Shelkovnikov Case: On Delimiting the Competence of Russian Church and Secular Bodies in Matrimonial Cases in the 19th Century. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 2014, no. 5. (In Russ.)
34. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. XXXXIII. St. Petersburg: N. A. Lebedev's Printing House, 1885. (In Russ.)
35. PSZ-1. Vol. XXXVIII. St. Petersburg: Printing House of II His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. (In Russ.)
36. St. Petersburg Senate Gazette, June 7, 1819, no. 23. (In Russ.)
37. *Russian State Historical Archive*, Fond 796, Inventory 97, File 122.

Сведения об авторе:

М. А. Белоусова – аспирант.

Information about the author:

M. A. Belousova – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 04.08.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Рецензия

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1--234-238>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «КОГЕРЕНТНОСТЬ СВЕТСКОГО И КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА: МОНОГРАФИЯ / Л. Л. АРЗУМАНОВА, А. А. АНАНЬЕВА, Н. В. БАНДУРИНА [И ДР.]; ПОД РЕД. Ю. А. СВИРИНА, ИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ ЛОСЕВА. – М.: ПРОМЕТЕЙ, 2026. – 488 С.»

протоиерей Максим Козлов (Максим Евгеньевич Козлов)^{1,2}

¹ Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 115035, Россия, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

² Учебный комитет Русской православной церкви, 119334, Россия, г. Москва, Андреевская наб., д. 2

^{1,2} doctorantura@patriarchia.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор монографии «Когерентность светского и канонического права», изданной под редакцией профессора Ю. А. Свирина и иерея Василия Лосева. Авторы доказывают идентичность российского права и тесную его связь с православием и церковным правом. Авторам удалось опровергнуть теорию отнесения русского права к романо-германской правовой семье и, наоборот, доказать существование самостоятельной правовой семьи – права восточных славян. К праву восточных славян, по мнению авторов, помимо российского права, относится право Белоруссии, Болгарии, Румынии, Сербии и некоторых других стран. В основе права восточных славян лежит не западно-римское право, а византийское право, впитавшее в себя православные греческие традиции.

Ключевые слова: православные традиции; церковное право; российское право; византийское право.

Для цитирования: Козлов М. прот. Рецензия на книгу «Когерентность светского и канонического права: монография / Л. Л. Арзуманова, А. А. Ананьева, Н. В. Бандурина [и др.]; под ред. Ю. А. Свирина, иерея Василия Лосева. – М.: Прометей, 2026. – 488 с.» // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 234–238. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-234-238>

Review

REVIEW OF THE BOOK “COHERENCE OF SECULAR AND CANONICAL LAW: A MONOGRAPH / L. L. ARZUMANOVA, A. A. ANANYEVA, N. V. BANDURINA [ET AL.]; EDITED BY YU. A. SVIRIN, PRIEST VASILY LOSEV. MOSCOW: PROMETHEUS, 2026. 488 P.”

Maxim E. Kozlov^{1,2}

¹ General Church Postgraduate and Doctoral School named after Saints Cyril and Methodius, 4/2, Bldg. 1 Piatnitskaia St., Moscow, 115035, Russia

² Educational Committee of the Russian Orthodox Church, 2 Andreevskaia Emb., Moscow, 119334, Russia

^{1,2} doctorantura@patriarchia.ru

Abstract

The article is a review of the monograph “Coherence of Secular and Canonical Law”, edited by Professor Yu. A. Svirin and Priest Vasily Losev. The authors prove the identity of Russian law and its close connection with Orthodoxy and church law. The authors have succeeded in refuting the theory of attributing Russian law to the Romano-Germanic legal family and, conversely, have proved the existence of an independent legal family of the law of the Eastern Slavs. According to the authors, the law of the Eastern Slavs includes the law of Belarus, Bulgaria, Romania, Serbia, and several other countries, in addition to Russian law. The law of the Eastern Slavs is based not on Western Roman law, but on Byzantine law, which incorporates Orthodox Greek traditions.

Keywords: Orthodox traditions; church law; Russian law; Byzantine law.

For citation: Kozlov M. Archpriest. Review of the Book “Coherence of Secular and Canonical Law: A Monograph / L. L. Arzumanova, A. A. Ananyeva, N. V. Bandurina [et al.]; edited by Yu. A. Svirin, Priest Vasily Losev. Moscow: Prometheus, 2026. 488 p.”. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 234–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-234-238>

Монография под редакцией профессора Ю. А. Свирина и иерея Василия Лосева представляет собой глубокое исследование взаимодействия и взаимовлияния канонического и светского права, раскрывая их исторические корни, современные тенденции и возможные перспективы развития. Особое внимание уделено уникальным характеристикам русского права, отличающемуся от права романо-германской правовой семьи, и роли православной традиции в формировании российской правовой системы.

Целью монографии является выявление и анализ когерентности (взаимосвязанности) канонического и светского права, определение их роли в формировании правовой системы России, а также рассмотрение исторического контекста и текущих процессов взаимодействия этих двух типов права.

В монографии доказана концепция самостоятельности восточнославянской правовой семьи, отличной от романо-германского права, и ее влияние на современную правовую реальность. Как представляется, авторы справились с поставленными задачами.

Научный труд состоит из трех логических частей, последовательно раскрывающих общие теоретические положения, взаимодействие канонического права с материальными и процессуальными отраслями светского права. Каждая часть представлена работами выдающихся ученых, работающих в различных отраслях права и философии.

В первой части рассмотрены теоретические основы взаимодействия канонического и светского права. Главный аргумент авторов заключается в том, что русская правовая система обладает собственной уникальной идентичностью, восходящей к византийскому праву и православным традициям. Исторический анализ показывает, что православие играет центральную роль в формировании русского права, подчеркивая культурные и религиозные особенности Восточной Европы. Главные выводы первой части включают:

- самобытность русского права: авторы опровергают утверждение о принадлежности русского права к романо-германской правовой семье, доказывая, что русские юридические нормы возникли на основе византийского права и православных традиций;

- влияние христианства: показано, что христианская вера и православные каноны оказали решающее влияние на формирование светского права России, задавая уникальные стандарты справедливого правосудия и правопорядка;

- современные тенденции: рассмотрено взаимодействие канонического и светского права в современной России, включая влияние канонических норм на законодательство в области семейного права, аборт, использования искусственного интеллекта и других областей. Интересным представляется научное исследование, посвященное началу жизни человека.

Вторая часть посвящена изучению воздействия канонического права на конкретные материальные отрасли светского права. Ключевой акцент сделан на семейно-демографическую политику, защиту материнства и детства, а также социальное служение. Показано, как православные каноны влияют на формирование законодательства в указанных сферах. Среди главных выводов выделяются:

– доминирование православных ценностей: продемонстрировано, что канонические нормы оказывают сильное влияние на законодательство, определяя, например, роль семьи, защиту жизни еще до рождения, поддержку многодетных семей и социальное служение;

– совмещение канонического и светского: авторы подчеркивают, что сочетание канонического и светского права создает уникальную модель, в которой сочетаются христианские и демократические принципы.

Последняя часть посвящена исследованию взаимодействия канонического права с процессуальными отраслями света. Рассмотрено влияние православной традиции на формирование процессуальных норм, таких как принципы состязательности, законности и гласности в судопроизводстве. Отдельно проанализировано использование искусственных технологий, таких как генеративный искусственный интеллект, в образовании и судебной практике. Ключевые выводы третьей части:

– процессуальные традиции: выявлены исторические корни процессуальных принципов, возникших благодаря влиянию канонического права;

– генеративный искусственный интеллект: показаны положительные и отрицательные аспекты использования искусственного интеллекта в судебных процедурах и образовательном процессе, подчеркнута необходимость учета религиозных и нравственных соображений при внедрении инновационных технологий.

К сожалению, вектор исследований российского права до последнего времени был проложен через советский подход к праву, который базировался на западных ценностях. Только в последние годы ряд правоведов обратил свои научные воззрения к теме православия, как духовной идентичности российского права. И представленная на рецензирование монография является ярким тому примером.

В рецензируемой монографии авторы показывают глубокую связь российского права с православными традициями и церковным правом, которое возникло на Руси еще задолго до появления самого позитивного права. И в этом отношении большую ценность с научной точки зрения представляет гл. 1 монографии, где доказывается вывод о нетождественности русского права с романо-германским правом. Ю. А. Свирин справедливо отмечает уникальность российского права как права восточнославянской правовой семьи, включающей в себя право таких стран, как Болгария, Белоруссия, Сербия, Румыния, Грузия.

Авторы справедливо указывают на то, что именно православие является источником российского права, основанного на православных духовно-нравственных ценностях, в то время как духовно-нравственные ценности других религий могут быть имплементированы в российское право в той мере, в какой они им соответствуют.

Как нам представляется, к достоинствам монографии следует отнести:

1) научную глубину монографического исследования, основанного на глубоком историческом анализе, обширной библиографии и привлечении оригинальных источников, таких как труды византийских юристов и российские архивные документы;

2) актуальность работы, которая затрагивает современные вопросы, такие как использование искусственного интеллекта, изменение семейной политики и роль канонического права в регулировании новых явлений;

3) методологическую обоснованность, сочетающуюся с четкостью постановки гипотезы, тщательным анализом и логичностью выводов, что подтверждает высокое научное качество исследования;

4) практическую значимость монографии, так как выводы, полученные в результате научного исследования, будут полезны для юристов, судей, адвокатов, других исследователей права, а также для представителей духовенства, семинаристов и слушателей духовных академий.

В уникальном научном исследовании приняли участие три профессора Всероссийского государственного университета юстиции: Н. В. Бандурина, А. А. Мохов, Ю. А. Свирин.

Отдельного внимания заслуживает продуманная обложка монографии, наглядно показывающая связи византийского права через православие с российским правом.

В заключение хочется выразить огромную признательность профессору Ю. А. Свирину и иерею В. Лосеву за проделанный научный труд по изданию рецензируемой монографии.

Сведения об авторе:

Протоиерей Максим Козлов – кандидат богословия.

Information about the author:

Archpriest Maxim Kozlov – PhD in Theology.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Рецензия

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-239-247>

ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Валерий Федорович Лапшин

Югорский государственный университет, 628012, Россия,

г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16

kapitan-44@yandex.ru

Аннотация

Работа подготовлена на основе отзыва официального оппонента о диссертации Алексея Николаевича Цуканова «Уголовно-правовая охрана фискальных интересов России», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). Исследование посвящено решению проблемы выработки механизмов охраны налоговых отношений, эффективность которых оказывает непосредственное влияние на степень защищенности национальной безопасности России. По итогам защиты диссертационное исследование А. Н. Цуканова признано научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития отечественной юридической науки.

Ключевые слова: обязательные платежи; налоговые преступления; фискальные интересы; механизмы уголовно-правовой охраны; экономическая безопасность.

Для цитирования: *Лапшин В. Ф.* Поиск оптимальной модели уголовно-правовой охраны отношений в сфере налогообложения // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 239–247. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-239-247>

Review

SEARCHING FOR AN OPTIMAL MODEL OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF TAX RELATIONS

Valery F. Lapshin

Yugra State University, 16 Chekhov St., Khanty-Mansiysk, 628012, Russia
kapitan-44@yandex.ru

Abstract

This work was prepared based on the review of an official opponent of Aleksey Nikolayevich Tsukanov's dissertation, "Criminal-Legal Protection of Russia's Fiscal Interests", submitted for the degree of Candidate of Law in specialty 5.1.4. Criminal Law (Legal Sciences). The study addresses the issue of developing mechanisms to protect tax relations, the effectiveness of which directly impacts the level of protection of Russia's national security. Following the defense, A. N. Tsukanov's work was recognized as a scientific and qualifying work, containing a solution to a problem of significance for the development of Russian legal science.

Keywords: mandatory payments; tax crimes; fiscal interests; criminal law protection mechanisms; economic security.

For citation: *Lapshin V. F. Searching for an Optimal Model of Criminal-Legal Protection of Tax Relations. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 239–247. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-239-247>

Введение

В диссертационном совете 03.2.008.02 Санкт-Петербургского университета МВД России 11 апреля 2024 г. состоялась защита кандидатской диссертации А. Н. Цуканова на тему «Уголовно-правовая охрана фискальных интересов России» [1]. Актуальность исследования обусловлена рядом социально-правовых и иных явлений, характерных для современного этапа развития российского общества и государства. Значимость отношений, складывающихся в финансовой сфере, однозначно не определена. С одной стороны, обеспечение доходной части бюджетов всех уровней в странах, экономика которых строится на рыночных отношениях и свободе конкуренции, осуществляется в первую очередь за счет уплаты налогов и иных обязательных платежей. Вследствие этого финансовые правонарушения характеризуются повышенной общественной опасностью, а к лицам, виновным в их совершении,

применяются относительно строгие меры юридической, в том числе и уголовной, ответственности. С другой стороны, уже на протяжении длительного периода времени российский законодатель (а вместе с ним и правоприменитель) не может окончательно определиться в вопросе об общественной опасности, так называемых, налоговых преступлений. Создается впечатление, что налоговому преступлению отводится роль средства внеэкономического давления на хозяйствующего субъекта, в результате применения которого обеспечивается поступление хоть каких-то сумм неуплаченных налогов в бюджет государства. Это косвенно подтверждается такими фактами, как: 1) отнесение налоговых преступлений к категориям небольшой или средней тяжести (Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ категории налоговых преступлений, которые ранее признавались тяжкими, были изменены на категории средней тяжести); 2) наличие в уголовном законодательстве специальных видов освобождения от ответственности за совершение чуть ли не всех предусмотренных уголовным законом криминальных уклонений от уплаты обязательных платежей, применяемых преимущественно только при условии возмещения виновным причиненного ущерба; 3) неоправданно малое количество выявляемых преступлений, уголовные дела по которым оканчиваются вынесением обвинительного приговора; 4) назначение наказания, которое, как правило, применяется условно (лишение свободы) либо определяется суммой денежных средств, несоизмеримо меньшей по сравнению с размером причиненного государству ущерба (штраф).

За время действия Уголовного кодекса РФ (далее – УК) соответствующие нормы многократно пересматривались в части как криминообразующих признаков, так и мер ответственности. Таким же образом пересматривались нормы Общей и Особенной части, определяющие условия освобождения от ответственности за указанные преступления. Учитывая количество норм о «налоговых» преступлениях, а также их содержание, можно предположить, что соответствующие корректировки требуются уже сегодня.

Кроме того, в условиях проведения специальной военной операции и восстановления производственной, социальной и иной инфраструктуры на территориях ряда субъектов России, пострадавших от проведения боевых действий, скорее всего, может произойти очередной пересмотр оценки общественной опасности некоторых экономических преступлений, в том числе связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей. Накопленный опыт как по либерализации уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и сборов, так и по ее усилению, позволяет выработать научно обоснованные решения относительно оптимального механизма уголовно-правовой охраны отношений в сфере налогообложения.

1. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Объект и предмет диссертационного исследования (с. 7) определены вполне удачно, что обеспечивает достижение заявленной цели исследования: «разработка и аргументация теоретических положений, связанных с уголовно-правовой охраной фискальных интересов государства, а также научное обоснование рекомендаций, направленных на совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики» (с. 7).

Примененная методология соответствует особенностям объекта и предмета исследования. Автором комплексно использованы многие методы научного познания (с. 8–9), традиционно применяемые в гуманитарных исследованиях (юридических науках), вследствие чего диссертация характеризуется должной степенью всесторонности, полноты и качества.

Работа имеет строго выверенную и логически обоснованную структуру, что обеспечило последовательность исследовательского процесса, а также создало условия для формулирования совокупности качественных выводов и предложений. В первой главе представлено обстоятельное описание современных общественных отношений, сложившихся в области исчисления и уплаты фискальных платежей. Достаточно большое внимание уделяется вопросам обоснования высокой опасности правонарушений в указанной сфере, в связи с чем уголовная ответственность за совершение отдельных из них является необходимым условием для успешного экономического развития страны. Здесь же автор исследовал правовую природу всех обязательных платежей, предусмотренных действующим законодательством, и представил двухзвенную классификацию преступлений, посягающих на фискальные интересы (с. 20–75). Предложенная классификация (с. 51) положена в основу структурирования второй и третьей глав диссертации.

Вторая глава посвящена исследованию особенностей становления современного уголовного законодательства о налоговых преступлениях с периодизацией существенных изменений соответствующих норм уголовного закона. Здесь же формулируется понятие налогового преступления и обозначаются его виды. Глава завершается предложениями по изменению и дополнению норм об ответственности за совершение налоговых преступлений, а также обоснованием необходимости декриминализации посягательств, предусмотренных ст. 1993 и 1994 УК, вследствие проведенной реформы по объединению Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования, а также введения единого налогового платежа (с. 76–154).

В третьей главе представлен всесторонний критический анализ содержания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 194 УК, а также особенностей практики выявления фактов совершения данного преступления и его расследования. По итогам формулируется предложение о необходимости исключения п. «а» ч. 3 ст. 194 УК, а равно уточняется содержание отдельных признаков состава уклонения от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица (с. 155–200).

Заключение аккумулирует в себе сформулированные в диссертации выводы и предложения, которые в большей части являются достоверными и обоснованными (с. 201–216).

Высокое качество большинства полученных результатов обусловлено правильной постановкой целей и задач исследования, значительной нормативной и эмпирической базами. Последняя включает в себя:

- итоги обобщения правовых позиций Верховного Суда РФ с 2000 по 2023 г.;
- решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов (более 300 решений);
- статистическую отчетность Счетной палаты РФ, налоговых и таможенных органов за период с 2005 по 2023 г., а также государственных внебюджетных фондов;

- статистические данные состояния преступности в России ГИАЦ МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, данные Росстата с 2000 по 2023 г.;
- результаты контент-анализа материалов средств массовой информации, публикаций в сети Интернет, релевантных для темы исследования;
- данные, полученные в результате интервьюирования сотрудников полиции, прокуратуры, таможенной службы и налоговых органов Курской, Воронежской, Белгородской, Брянской, Орловской областей (более 200 человек);
- эмпирические данные, полученные другими учеными (с. 10–11).

Высокая степень апробации результатов диссертационного исследования подтверждается 13 опубликованными научными работами по заявленной теме диссертации, из которых шесть работ опубликовано в периодических рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ (с. 18; с. 21–22 автореферата [2]). Основные положения диссертационного исследования были предметом докладов и обсуждений на научно-практических конференциях и форумах 2019–2023 гг.

Отдельные результаты, полученные в ходе исследования, в настоящее время внедрены в деятельность прокуратуры Курской области, Управления МВД России по Курской области, Управления ФНС России по Курской области, а также в учебный процесс Белгородского государственного национального исследовательского университета, Омской академии МВД России, Воронежского государственного университета, Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Санкт-Петербургского университета МВД России (с. 17).

Выводы и предложения, сформулированные по итогам исследования, имеют не только теоретическое, но и высокое практическое значение. Это подтверждается предложениями об изменении и дополнении действующего уголовного закона и Налогового кодекса РФ. Также соискатель обосновывает вариант толкования отдельных норм о налоговых преступлениях. Авторские предложения в этой части могут быть учтены для корректировки соответствующих положений действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 (с. 73–74).

2. Достоверность и новизна научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Достоверность большинства результатов научного исследования подтверждается прежде всего значительными нормативной, эмпирической и доктринальной базами, положенными в основу проведенного исследования. Не вызывает сомнений и научная новизна диссертации, так как некоторые аспекты: 1) определение категории «фискальные интересы государства» и их обеспеченность уголовно-правовой охраной; 2) системный анализ всех предусмотренных действующим законодательством видов обязательных платежей и их социально-правовая оценка как предмета соответствующих налоговых и таможенных преступлений; 3) особенности уголовно-процессуального взаимодействия налоговых и правоохранительных органов в процессе выявления и раскрытия фактов совершения преступлений изучаемой группы, – в настоящее время нуждаются в пересмотре

и уточнении в связи со значительными изменениями налогового и административного законодательства России.

Сказанное подтверждается самостоятельностью научного труда, значительным количеством использованных при проведении исследования научных публикаций, результатами анализа достаточно сложных и спорных вопросов о выборе приемов законодательной техники при формулировании норм о налоговых преступлениях.

Представляется, что наиболее удачными, аргументированными и заслуживающими поддержки выводами, сформулированными по результатам диссертационного исследования, являются следующие:

- предложенная авторская классификация преступлений, посягающих на фискальные интересы России, которая используется для последующего системного исследования, в том числе особенностей их совершения и квалификации;

- общественная опасность уклонения от уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей формируется на основании размера умышленно не перечисленной суммы денежных средств. Вид платежа, равно как и бюджет/фонд, в которые не поступили указанные суммы, не имеют принципиального значения для криминализации. В этой связи следует поддержать идею о наличии основания для законодательной унификации норм о налоговых преступлениях, вместо существующей в УК дифференциации в зависимости от вида платежа или юридического статуса плательщика;

- уголовное законодательство о налоговых преступлениях находится в большой зависимости от текущего состояния национальной экономики, вследствие чего до настоящего времени не выработан подход (отсутствует понимание) к оценке общественной опасности преступлений, посягающих на финансовые интересы государства;

- синхронизация сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, преимущественно содержащих в себе признаки основного состава, со сроками проведения выездных налоговых проверок, что позволит повысить эффективность противодействия налоговой преступности;

- декриминализация деяний, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 194, ст. 199², 199³ и 199⁴ УК, без возникновения при этом пробела в действующем законодательстве, а также предпочтительное использование абстрактного приема описания общественно опасного уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей;

- иные выводы и предложения, которые могут быть полезными для развития научной доктрины в части особенностей формирования механизма уголовно-правового и иного противодействия общественно опасным посягательствам против фискальных интересов России.

В целом, высоко оценивая качество результатов диссертационного исследования, хотелось бы обратить внимание автора на некоторые положения и выводы, которые носят дискуссионный характер, а потому нуждаются в дополнительном обосновании и (или) содержательном уточнении. *Во-первых*, не вполне оправданной видится попытка соискателя обосновать необходимость «администрирования

и контроля» всех платежей, уплата которых в соответствии с действующим законодательством является обязательной, единым фискальным органом государственной власти (с. 12, 29 и далее). Принципиально не возражая против такого подхода, считаю необходимым отметить, что решение вопросов об особенностях: а) построения механизма исчисления, уплаты обязательных платежей; б) определения функций органов и учреждений, контролирующих правильность и своевременность исполнения налогоплательщиками и плательщиками сборов соответствующих обязанностей; в) наделения полномочиями по реализации процедур привлечения правонарушителя к ответственности за неисполнение обязанностей и т.п., – все это не входит предмет исследования, осуществленного в рамках паспорта научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

По этой причине было бы верным не выносить на защиту приведенный вывод (с. 12), а взять за основу уже имеющиеся решения, предложенные исследователями в области публично-правовых наук.

Во-вторых, предлагаемая классификация предусмотренных законодательством платежей, за неуплату которых предполагается наступление юридической ответственности (с. 67–70), несвободна от критики. Если выделяемые «налог», «сбор» и «страховой взнос» обособлены в налоговом законодательстве, то «таможенный платеж» является родовым понятием, объединяющим уже ранее приведенные «налог» и «сбор». Аналогичным образом трактуется обособленные автором в отдельный вид платежа «специальные пошлины», так как в действительности они тоже включаются в состав категории «таможенный платеж» (с. 74–75).

В целом для регламентации уголовно-правовой охраны не имеет значения вид платежа. Обстоятельное и справедливое обоснование этого мнения представлено в параграфах 1.2 и 1.3 диссертационного исследования: не правовая природа имеет предопределяющее значение для определения общественной опасности, а размер возникшей недоимки (с. 75). Поэтому более рациональным решением было бы использование абстрактного приема законодательной (юридической) техники при предлагаемом (с. 73–74) описании предмета преступления рассматриваемой группы в абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48: налоги, сборы, страховые взносы *и иные обязательные платежи*.

В-третьих, не могу согласиться с мнением соискателя о возможности возбуждения уголовного дела в связи с уклонением от уплаты налогов и (или) иных обязательных платежей только после вступления в законную силу решения, принятого в порядке гражданского, административного или арбитражного судопроизводства (с. 92) / после завершения налогового спора в арбитражном судопроизводстве (с. 94).

Полагаю, что в таких случаях вряд ли вообще возможно привлечение лица к уголовной ответственности, так как, обосновывая свою правоту относительно полноты исчисления и своевременности уплаты соответствующих видов обязательных платежей, лицо демонстрирует отсутствие умысла на уклонение от налогов, сборов и т.д. Поэтому в таких случаях, независимо от итогового решения судебной инстанции, обоснование наличия в деянии плательщика всех признаков состава налогового преступления становится весьма затруднительным.

В-четвертых, не разделяю идею о целесообразности введения в уголовный закон специальной нормы об ответственности за изготовление и сбыт поддельных документов первичной бухгалтерской отчетности (с. 131–133). Полагаю, что ответственность за подобные действия уже может быть реализована на основании общих норм Особенной части, прежде всего ст. 327 УК. Поэтому конкретизация общественно опасного деяния до предмета преступления в виде «бухгалтерских документов» или «документов бухгалтерской отчетности» в действительности не направлена на устранение пробела в уголовном законодательстве России, но может создать необоснованную конкуренцию общей (ст. 327 УК) и «специальной» (предлагаемой) нормы.

В этой связи автору в процессе защиты необходимо привести дополнительные аргументы о том, что подделка или сбыт перечисленных документов, использование которых позволяет совершить уклонение от уплаты налогов и (или) иных обязательных платежей (преимущественно, преступлений небольшой или средней тяжести), значительно отличается по своей общественной опасности от деяний, ответственность за которые уже предусмотрена общими нормами действующего уголовного закона.

Тем не менее без дискуссионных положений немислима ни одна научная работа. Полемика присуща любому исследованию, что подчеркивает его высокую степень актуальности и важности предложений по разрешению затронутых проблем. Применительно к диссертации А. Н. Цуканова следует учитывать, что многие из перечисленных замечаний носят частный характер и принципиально не влияют на высокую оценку проведенного исследования.

3. Значимость полученных автором диссертации результатов

Логически выверенный план обеспечил выполнение исследования, в котором в разумном соотношении представлены результаты анализа вопросов теоретического характера и материалы, имеющие очевидную прикладную направленность. Грамотное использование методов научного поиска, оригинальность и обоснованность большинства результатов, полученных в результате исследования, позволяют сделать вывод о их значительной теоретической и практической значимости.

Ценность рассматриваемого исследования заключается в получении новых научных знаний в сфере теории юридической ответственности за совершение общественно опасных посягательств на фискальные интересы России. Диссертация А. Н. Цуканова содержит решение задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовой доктрины, прежде всего тех ее разделов, которые затрагивают вопросы противодействия налоговой преступности.

На основании изучения текста диссертации, автореферата и списка научных работ, опубликованных соискателем в процессе проведения исследования, можно заключить, что диссертация А. Н. Цуканова:

1) написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в гуманитарную (юридическую) науку;

2) содержит сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов и рекомендации по использованию научных выводов;

3) прошла необходимую апробацию в научных публикациях.

Заключение

Диссертация А. Н. Цуканова является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития отечественной юридической науки. Работа в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, которые предусмотрены в п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (по состоянию на 25 января 2024 г.). Автор диссертации, Алексей Николаевич Цуканов, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Пристатейный библиографический список

Цуканов А. Н. Уголовно-правовая охрана фискальных интересов России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024.

References

Tsukanov A. N. Criminal-Legal Protection of Fiscal Interests of Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2024. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Ф. Лапшин – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

V. F. Lapshin – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-248-255>

КОНЦЕПЦИЯ «НАЛОГОВОГО ПРОЦЕССА» В ФИНАНСОВОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕНТИНЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ КУЗНЕЧЕНКОВОЙ)

Анна Михайловна Науменко¹

Юлия Александровна Соколова²

^{1,2} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69

^{1,2} main@rsue.ru

Аннотация

В статье приводится ретроспектива формирования концепции налогового процесса, разработанная профессором В. Е. Кузнеченковой, ведущим ученым налогового права постсоветского периода. Авторы аргументированно доказывают, что налоговый процесс должен рассматриваться как самостоятельный феномен в сфере налогового регулирования. Однако его концептуальные особенности базируются на прототипах юридического и административного процессов, сформированных в рамках советской доктрины права. Это обстоятельство, с одной стороны, доказывает преемственность российской и советской юридической онтологии, с другой – еще раз демонстрирует единство парадигмы публично-правовой науки в целом.

Ключевые слова: налоговый процесс; административный процесс; стадии налогового процесса; налоговое право.

Для цитирования: Науменко А. М., Соколова Ю. А. Концепция «налогового процесса» в финансовом и административном праве (к 90-летию со дня рождения Валентины Евгеньевны Кузнеченковой) // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 248–255. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-248-255>

Research Article

THE CONCEPT OF THE “TAX PROCESS” IN FINANCIAL AND ADMINISTRATIVE LAW (DEDICATED TO THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF VALENTINA EVGENIEVNA KUZNETSENKOVA)

Anna Mikhailovna Naumenko¹

Yulia Alexandrovna Sokolova²

^{1,2} Rostov State University of Economics, 69 Bolshaia Sadovaia St.,
Rostov-on-Don, 344002, Russia

^{1,2} main@rsue.ru

Abstract

The article provides a retrospective of the formation of the concept of the tax process, developed by Professor V. E. Kuznechenkova, a leading scholar of tax law in the post-Soviet period. The authors argue that the tax process should be considered as an independent phenomenon in the field of tax regulation. However, its conceptual features are based on the prototypes of legal and administrative processes developed within the framework of the Soviet legal doctrine. This fact, on the one hand, proves the continuity of Russian legal ontology, and on the other hand, it once again demonstrates the unity of the paradigm of public law science as a whole.

Keywords: tax process; administrative process; stages of the tax process; tax law.

For citation: *Naumenko A. M., Sokolova Yu. A. The Concept of the “Tax Process” in Financial and Administrative Law (Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Valentina Evgenievna Kuznetsenkova). Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 1, pp. 248–255. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-248-255>*

В июне 2025 г. исполнилось 90 лет со дня рождения известного советского и российского ученого-финансоведа, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Кузнеценковой Валентины Евгеньевны.

Валентина Евгеньевна родилась 25 июня 1935 в г. Алдан Якутской АССР. В 1958 г. окончила Московский финансово-экономический институт. В 1973 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Правовые проблемы внутриведомственного финансового контроля» во Всесоюзном юридическом заочном институте (ныне – Мос-

ковский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) в Москве.

В 2004 г. в Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (ныне – Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)) в Москве защитила докторскую диссертацию на тему «Налоговый процесс (современная концепция правового регулирования)» [1].

Профессор В. Е. Кузнеценкова более 30 лет посвятила научно-просветительской деятельности: в начале творческого пути – преподавала студентам, выезжая в отдаленные и труднодоступные учебно-консультационные пункты и филиалы ВЮЗИ в Сибири и на Дальнем Востоке, позже – вела лекции уже как постоянный преподаватель Ростовского государственного университета (ныне – Южный федеральный университет).

С 2009 г. вплоть до своего ухода из жизни, 21 июля 2022 г., Валентина Евгеньевна была ведущим штатным профессором кафедры финансового и административного права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Будучи ученицей основоположника советской финансово-правовой науки, профессора Ефима Абрамовича Ровинского, Валентина Евгеньевна по праву считается основателем ростовской школы финансового права. Помимо ценного научного наследия, значителен ее личный вклад в формирование прочных творческих контактов с известнейшими учеными – основоположниками глобальных научных направлений в советском финансовом праве – Ниной Ивановной Химичевой (г. Саратов), Ольгой Николаевной Горбуновой (г. Москва), Лидией Константиновной Вороновой (г. Киев).

Профессор В. Е. Кузнеценкова является автором более 60 исследовательских работ по различным аспектам финансовой деятельности, но в научном сообществе ее имя прежде всего связано с разработкой концептуальной модели налогового процесса.

Рубеж конца XX – начала XXI вв. ознаменовал новую эпоху российской государственности. «Рыночные» реформы и постсоветская экономическая идеология привели к кардинальным изменениям всей социальной системы. В этот период налоги как неотъемлемый атрибут рыночных отношений сверхдинамично развиваются. Налоговое право переживает свой ренессанс, второе рождение. Немногочисленный круг налоговых норм из скромного правового института превратился в крупную подотрасль финансового права, в основе которой лежит гносеологическая уникальность налоговых платежей. Начинаются масштабные научные исследования налогово-правовых явлений. Принятие в 1998 г. первой части Налогового кодекса РФ потребовало от ученых переосмысления сложившихся финансово-правовых доктрин, формирующих новую, уникальную налоговую парадигму [2].

Именно в этот период в финансово-правовой науке был обосновано поставлен вопрос о необходимости выделения налогового процесса как самостоятельного феномена в сфере налогового регулирования общественных отношений.

В качестве исходной модели для формирования концепции налогового процесса ученые использовали, в том числе, прототипы административного процесса. Государственно-властный, управленческий характер налоговых отношений

обеспечил возможность построения теории налогового процесса на фундаменте правовых исследований ученых-административистов советского периода, которые, следует заметить, не потеряли своей актуальности в условиях новой российской государственности.

Напомним, что позиция общего, управленческого подхода к определению административного процесса была обоснована еще в середине прошлого века профессором И. И. Евтихиевым [3], который представил его как общий порядок деятельности органов управления. Аналогичного мнения придерживались, в частности, Ю. М. Козлов [4], В. Д. Сорокин [5], С. С. Студеникин [6]. Под административным процессом понималась деятельность, связанная с реализацией органами государственного управления всего спектра своих полномочий, с решением вопросов, входящих в их компетенцию. На этой основе теория административного права обогатилась категорией «административно-процессуальная форма» и, соответственно, классификацией административно-правовых форм на правоустановительную, правонаделительную и правоохранительную. Данная позиция нашла широкую поддержку в трудах ведущих представителей административно-правовой науки советского периода, а также в новой и новейшей теории административного права.

Следует также упомянуть, что в ходе научных дискуссий также получил свое обоснование так называемый узкий подход, сосредоточивающий административно-процессуальную деятельность исключительно на вопросах рассмотрения жалоб, споров и применении мер юридической ответственности (например, Н. Г. Салищева [7]). Таким образом, данная концепция основана на юрисдикционном понимании административного процесса. Однако эволюция научного знания в данной сфере привела к преобладанию широкой концепции административного процесса.

Конституционные преобразования государственно-политического устройства России, внедрение принципа разделения властей обусловили необходимость глобального пересмотра административного права как отрасли права и формирования обновленной административно-правовой доктрины. Вместе с тем научные наработки в области административного процесса, основанные на его понимании как совокупности правотворчества и правоприменения, были полностью востребованы и легли в основу современных научных исследований, в том числе и в смежных отраслях публичного права.

В научном сообществе разработка концептуальной модели налогового процесса прежде всего ассоциируется с творческим наследием В. Е. Кузнеценковой.

В монографии «Налоговый процесс: теория и проблемы правоприменения» [8] Валентина Евгеньевна последовательно анализирует каждый институт налогового права через призму процессуального механизма. Профессор убедительно доказывает, что дефиниция налогового процесса в качестве методологической основы требует широкого предметного подхода. Научный анализ трудов ведущих представителей административно-правовой науки (А. Е. Лунева, Н. Г. Салищевой, В. Д. Сорокина, Ю. А. Тихомирова и др.) позволил автору создать полноценную модель налогового процесса, отражающую его управленческую природу, а также специфику, обусловленную особым имущественным характером налоговых отношений, аргу-

ментированно представленную в трудах ученых-финансистов (А. В. Брызгалина, Д. В. Винницкого, Ю. А. Крохиной, О. А. Ногиной, С. Г. Пепеляева, Г. В. Петровой и др.). Концепт «налоговый процесс» по своему содержанию должен включать все институциональные аспекты налогообложения, начиная от этапа формирования налоговой нормы в рамках законопроектной деятельности и заканчивая защитой прав участников налоговых споров.

По мнению В. Е. Кузнеценковой, правовые доктрины, ассоциирующие юридический процесс лишь с разрешением споров о праве и осуществлением процедур правового принуждения, не могут выступать ориентиром при изучении процессуальных механизмов в финансовом праве. В этом случае налоговый процесс, по сути, сводится лишь к правоприменительной деятельности в сфере налогового контроля и привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении налоговых правонарушений. Этот подход не позволяет учесть все многообразие и специфику налоговых отношений, «за бортом» остаются достаточно большие предметные области налогового права. Например, налоговое правотворчество, налоговый исполнительный процесс. Поэтому только широкий подход к формированию дефиниции налогового процесса снимает это концептуальное противоречие. Далее, налоговый процесс, с точки зрения его структуры, В. Е. Кузнеценкова предлагает разделить на налоговый правотворческий и налоговый правоохранительный процесс, каждый из которых включает собственные налоговые производства и процедуры.

Особое внимание в процессуальном механизме Валентина Евгеньевна уделяет налоговому правотворческому процессу [9; 10]. Спецификой налогового нормотворчества является его широкий публичный резонанс. Ведь налоговая норма – это всегда социальный компромисс между суверенными фискальными притязаниями государства и стремлением налогоплательщика минимизировать свои налоговые платежи. Поэтому процедуры ее формирования должны быть оптимально структурированы, регламентированы, понятны и открыты. Налоговое правотворчество обладает достаточно уникальным механизмом: при формировании законодательной инициативы, при рассмотрении налоговых законопроектов, при опубликовании уже принятых законов. К слову, не все отрасли российского права обладают какой-либо спецификой в аспекте нормотворчества. Поэтому для большинства отраслей вопрос включения нормотворческих процедур в границы их предметной области не возникает в принципе. Для публичной финансовой деятельности наличие специальных правовых инструментов на этапе нормотворчества – это своего рода «визитная карточка» отрасли. И бюджетная, и налоговая сферы имеют уникальные процедуры в аспекте законотворческой деятельности. При этом многие ученые-экономисты и тем более юристы затрагивали эту проблематику, указывая на противоречия между эталонами налогового законотворчества и реальными фактами установления и принятия налоговых платежей в 1990-х – начале 2000-х гг. [11].

В научных трудах Валентины Евгеньевны Кузнеценковой эти вопросы получили системное изложение. Она аргументированно доказала, что процедуры налогового нормотворчества, обладающие отраслевой спецификой, должны органично включаться в предмет налогового регулирования, в частности как один из базовых элементов налогового процесса.

В структуре налогового правотворческого процесса В. Е. Кузнеченкова предложила выделить два производства: производство по принятию законов о налогах представительными органами власти (налоговый законотворческий процесс) и производство по принятию налоговых нормативных правовых актов исполнительными органами власти. Налоговый законотворческий процесс, в свою очередь, имеет специфику в зависимости от уровня публичной власти, на котором он реализуется: федеральном или региональном.

Налоговый правотворческий процесс органов исполнительной власти рассматривается в узком и широком смыслах. В узком смысле это деятельность исполнительных органов по принятию подзаконных налоговых нормативных правовых актов; в широком – он охватывает как непосредственное участие исполнительных органов в налоговом правотворческом процессе путем издания подзаконных налоговых нормативных правовых актов, так и их опосредованное участие в налоговом законотворческом процессе, осуществляемом представительными органами государственной власти.

При рассмотрении процессуальных аспектов исполнения обязанности по уплате налоговых платежей акцент сделан на обеспечительные средства, которые делятся на две группы, в зависимости от того, что является основанием для их применения: добровольная уплата или принудительное взыскание налогов. В свою очередь, меры государственно-правового принуждения предложено разделить на четыре группы: меры юридической ответственности, превентивные средства, меры защиты и принудительные процессуальные действия.

В налоговом охранительном процессе Валентина Евгеньевна предложила выделять: налоговое контрольное производство; производство по делам о налоговых правонарушениях и производство по обжалованию актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц.

Профессором В. Е. Кузнеченковой впервые на концептуальном уровне был исследован налоговый процессуально-правовой механизм, включающий комплекс средств, при помощи которых упорядочивается правотворческая, исполнительная и охранительная деятельность уполномоченных органов в налоговой сфере. В качестве элементов процессуально-правового механизма регулирования налоговых отношений профессор называет: процессуальные налогово-правовые нормы, юридические факты, налоговые процессуальные правоотношения.

В. Е. Кузнеченкова аргументированно обосновала необходимость использования развернутой дефиниции налогового процесса в финансово-правовой доктрине. По ее мнению, налоговый процесс – это урегулированная процессуальными нормами права деятельность органов публичной власти в налоговой сфере, направленная на установление правовых основ формирования налоговых доходов, обеспечение надлежащего поведения лиц по исполнению ими своих обязанностей как участников налоговых отношений, разрешение налоговых споров. В этом случае процессуальная форма является для участников налоговых отношений инструментом легитимации процедур принятия и реализации юридически значимых решений, которые могут затрагивать любой аспект налогообложения.

Концептуальное определение налогового процесса, предложенное профессором В. Е. Кузнеценковой, не теряет своей актуальности и для современной доктрины финансово-правовой науки, а ее творческое наследие, без сомнения, востребовано учеными, изучающими вопросы трансформации и совершенствования налогово-процессуальных норм.

Пристатейный библиографический список

1. *Кузнеценкова В. Е.* Налоговый процесс (современная концепция правового регулирования) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004.
2. *Российская наука финансового права конца XX – начала XXI в. : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева, Д. М. Щекин.* М. : Проспект, 2025.
3. *Евтихийев И. И.* Виды и формы административной деятельности : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1948.
4. *Административное право.* М., 1968.
5. *Сорокин В. Д.* Проблемы административного процесса. М. : Юрид. лит., 1968.
6. *Студеникин С. С.* Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права. М. : Изд-во АН СССР, 1949.
7. *Салищева Н. Г.* Административный процесс в СССР. М. : Юрид. лит., 1964.
8. *Кузнеценкова В. Е.* Налоговый процесс: теория и проблемы правоприменения : монография. М. : Полиграф Опт, 2004.
9. *Кузнеценкова В. Е.* Налоговый правотворческий процесс в системе правовых категорий // *Финансовое право.* 2016. № 6.
10. *Кузнеценкова В. Е.* Налоговый правотворческий процесс в системе юридических категорий // *Журнал российского права.* 2005. № 1.
11. *Пепеляев С. Г.* Налоги: реформа и практика. М. : Статут, 2005.

References

1. *Kuznechenkova V. E.* Tax Process (Modern Concept of Legal Regulation): Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2004. (In Russ.)
2. *Gracheva E. I., Shchekin D. M. (eds.).* Russian Science of Financial Law of the Late 20th – Early 21st Century: Monograph. Moscow: Prospekt, 2025. (In Russ.)
3. *Evtikhiev I. I.* Types and Forms of Administrative Activity: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 1948. (In Russ.)
4. *Administrative Law.* Moscow, 1968. (In Russ.)
5. *Sorokin V. D.* Problems of Administrative Process. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1968. (In Russ.)
6. *Studenikin S. S.* Socialist System of Public Administration and the Question of the Subject of Soviet Administrative Law. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. (In Russ.)
7. *Salishcheva N. G.* Administrative Process in the USSR. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1964. (In Russ.)

8. *Kuznechenkova V. E. Tax Process: Theory and Problems of Law Enforcement: Monograph. Moscow: Polygraph Opt, 2004. (In Russ.)*

9. *Kuznechenkova V. E. Tax Law-Making Process in the System of Legal Categories. Financial Law, 2016, no. 6. (In Russ.)*

10. *Kuznechenkova V. E. Tax Law-Making Process in the System of Legal Categories. Journal of Russian Law, 2005, no. 1. (In Russ.)*

11. *Pepeliaev S. G. Taxes: Reform and Practice. Moscow: Statut, 2005. (In Russ.)*

Сведения об авторах:

А. М. Науменко – кандидат юридических наук, доцент.

Ю. А. Соколова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

A. M. Naumenko – PhD in Law, Associate Professor.

Yu. A. Sokolova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статья снимается с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 1 / 2026

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 09.04.2026. Формат 70x100 1/16. Печ. л. 16,125.
Бумага офсетная, шрифт Muirid Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603